

Дмитрий Бабкин

ДЕНЬ, КОГДА ОН ВЕРНУЛСЯ

Дмитрий Бабкин

День, когда он вернулся

«Издательские решения»

Бабкин Д.

День, когда он вернулся / Д. Бабкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908825-3

К нему подлетели несколько механизмов, схожие с тем, который был в пещере.— Повелитель, раса планеты истреблена, сувенирные объекты были отобраны по вашей милости и погружены на звездолет. — Существо стояло перед ними и не издавало ни звука. Голос, от которого заложило уши, кровь выступила из глаз. Машины, приникшие к каменной плите, словно вдавливались в неё.— Значит, летим домой.

ISBN 978-5-44-908825-3

© Бабкин Д.
© Издательские решения

День, когда он вернулся

Дмитрий Бабкин

© Дмитрий Бабкин, 2018

ISBN 978-5-4490-8825-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Антарктида – шестой материк, который был скрыт подо льдами многие тысячи лет. В связи с глобальным потеплением его льды растаяли, оголив новые земли. На его просторы ринулись сотни людей, желавших найти там сокровища. Они обнаружили там огромные залежи драгоценных металлов и камней. Словно ракушки, на берегу пляжа там были рассыпаны алмазы и золотые самородки. «Золотой лихорадкой номер два» называлась программа двадцатки стран, которые, во избежание катастрофических потерь, окружили регион. Охраняя материк, как Форт-Нокс, на водных просторах патрулировали мощные фрегаты, авианосцы, вертолетоносцы, линкоры. Под водой патрулировали подводные лодки. В воздухе – самолеты и вертолеты. И, ведя космическую разведку, спутники отслеживали все сектора. Но туда постепенно просачивались мелкие группы искателей, хорошо вооруженные. Они зачастую имели сообщников в командовании кораблей, и их доставляли на острова, словно Эдмона Дантеса. Разумеется, за небольшую плату. С потолка пещеры падали капли воды, со звонким стуком разбиваясь о каменистый пол, небольшая группа людей двигалась где-то впереди. Кто-то рядом тяжело дышал, свет фонаря вырвал из тьмы человеческую фигуру, лежавшую на боку. «Эй, с тобой все хорошо? Что случилось?» И, дернув за рукав, увидел белое лицо с почти белыми зрачками. Голос его сдавленно прозвучал: «Беги!» Не поняв его, человек переспросил: «Что с тобой?» Но не услышал ответа, и резкая боль пронзила его тело. В глазах стало темно, руки стали тяжелыми. В левый бок ему вонзились чьи-то зубы. Ощувив их в себе, он с ужасом увидел человека, державшего во рту кусок его одежды, весь покрытый кровью. Она стекала по его рту. «Ты что творишь?» – взбешенно на него крикнул и, держась одной рукой за бок, старался выйти из пещеры. Страшный рев разразился из глубины пещеры. Только осознав, что надо бежать, человек рванул из пещеры, спотыкаясь о камни и потеряв свой фонарик при падении. Он через некоторое время достиг края пещеры, сзади раздавались крики и вопли. Выбежав из пещеры и попав в свет прожекторов вертолета, он направился туда. Спасительный люк был уже рядом. Он нажал на кнопку, люк медленно отворился, и, упав в него, человек ногой пнул кнопку «заккрыть». Чьи-то пальцы коснулись края люка, потянули на себя, и он замер. В страхе вбежав в кабину, он поднял свою машину вверх метров на десять. Выйдя из кабины, он увидел страшную картину: люк почти был открыт, и в него, просунув голову и плечи, лезло странное и страшное существо. Совершенно белое и со страшными клыками вместо зубов, брызгая слюной, что-то страшное ревели, пытаясь сказать что-то. Но совершенно непонятное. Подошел ближе к нему и увидел, что существо, несмотря на свои раны, лезет к нему в отсек. Но вот, оно замерло, и вторая половина его туловища застряла в проходе. Существо страшно кричало, издавая такие вопли, что голова стала сильно болеть. Взяв небольшой ломик в отсеке, он пару раз приложил по голове монстра. Оно стихло, и, держась рукой за бок, он достал аптечку, стараясь закрыть рану. Разорвав комбинезон и вытирая кровь с тела, он замер: следов от укуса не было видно. Там, где, по его ощущениям, должен был быть укус, была слегка заметная рана, которая покрывалась белой коркой. Холодный пот выступил на лбу. Он прижался спиной к борту и сидел так, глаза в страхе бегали по бортам с другой стороны. «Как так! Почему нет раны? Что со мной случилось? Неужели я стану

как они?» Голова погрузилась словно под пресс, мысли давили со всех сторон. Решение было принято моментально. Он достал из сумки в кабине телефон. Глядя на черную точку и видя себя на фоне экрана, он нажал кнопку вызова и, прождав секунд пятнадцать, увидел на экране красивое женское лицо. С лица ее свисали локонами кудрявые золотистые волосы. Она мила улыбнулась, и ее нежный голос наполнил отсек, переливаясь женскими манящими нотками. «Здравствуй, любимый!» – «Любимая, прости меня», – и склонил голову к груди. «Что случилось, любимый, что с тобой?» Ее голос наполнился тревожностью, и из ее голубых глаз потекли слезы по слегка розоватым щечкам. «Не плачь, прошу тебя, мне и так тяжело». Его лицо было уставшим. Огромные мешки под его когда-то живыми глазами наполнялись тусклой белой дымкой, заволакивая их в белую пелену. «Милая, слушай внимательно, пока я в состоянии рассказывать. Поступил приказ отвезти группу ученых в Антарктиду. Мы с моим экипажем забрали группу ученых из их лаборатории, взяли с собой очень много снаряжения. И летели сюда. В эту непогоду обычно не летаем, но приказ был однозначный – доставить их сегодня. Приземлившись с трудом возле небольшой горы, решили переждать и направиться дальше. Ученым стало скучно просто сидеть, и, взяв моего помощника, они отправились посмотреть пещеру, которая была обнаружена приборами. Через пару часов по радиации никто не отозвался, я вышел проверить. В лицо бил дождь, я смотрел на навигаторе, куда мне идти. Зашел в пещеру и буквально через несколько метров увидел человека, лежавшего на боку. Подошел к нему, он что-то непонятное бормотал себе под нос. Я не успел понять, о чем он говорит, и мне в бок вцепилась какая-то тварь. Я с трудом убежал, истекая кровью. За мной последовала эта тварь». И, повернув камеру в сторону шлюза, он показал странное тело белого цвета. Женские глаза спокойно смотрели на него. Он перевел камеру на себя. «Но что странно – моя рана затянулась, но боль не прекращается. Нет крови и почти никаких следов от раны, лишь слегка заметная корка покрывает участок на теле. Вот, сама смотри». И, показав бок, услышал крик: «Посмотри на бок, любимый!» Он перевел глаза в левую сторону, и его объят шок: слизь покрывала участок величиной с ладонь и медленно текла по всему телу, плавно превращая его розовую кожу в белую липкую субстанцию. Он тронул пальцами эту слизь, на кончиках пальцев она повисла и стала растекаться по его руке. Когда она коснулась ногтя, тот стал увеличиваться в размере и заостряться. Его глаза округлились от ужаса. Левая рука превращалась в подобие руки того монстра. Глядя на любовь всей своей жизни, он слегка улыбнулся и, понимая, что он натворил только что, хотел положить трубку. Но, предугадав его действие, женский голос его оборвал: «Не смей, я с тобой буду, до конца!» Слезы блестели на ее щеках, заволакивая синеву ее глаз и придавая им еще более яркий цвет. Он мгновенно перестал себя контролировать, телефон упал и застрял между выступами в полу, показав ей шлюз, к которому, хромая, подошел ее любимый и, глядя на существо, открыл шлюз. Оно заползло в отсек. И что-то стало выть истошно, глядя на белое существо, стоявшее рядом. То послушно повизгивало тоном слабее. Оно скользнуло в кабину и посадило вертолет, в него зашло несколько похожих особей, повизгивая и крича на того, кто лежал возле люка. Покрытые слизью и немного прикрытые кусками одежды, они шли в кабину. Вертолет неловко качнулся и оторвался от земли. Вопли раздавались в кабине, они стали усиливаться, но были прерваны звонким девичьим голосом: «Не смей лететь!» Визги и рев немного стихли, телефон шатнулся, и перед ее глазами предстало лицо существа. Из его рта торчали зубы, подобные клыкам хищного зверя. Глядя на нее, монстр истошно завопил, крича и скаля зубы. Слюна его текла и падала на экран и настил днища вертолета. Оно пошло в кабину вместе с телефоном, еле удерживая его руками. Она увидела еще знакомую спину, слегка покрытую слизью, под которой еще виднелась розовая, слегка заметная кожа. Монстр обернулся и посмотрел на нее. Залитые слезами глаза уже покраснели, и розовые щечки перестали блестеть. Что-то в его глазах, засыпанных пеплом, переменялось. На миг что-то блеснуло в них, и ей показалось, что они заблестели привычным ярко-синим цветом. Вертолет отклонился вправо, и несколько

сущест, ведомых криком и визгом существа с телефоном, накинудись на пилота. Страшно кусая и разрывая его когтями, они визжали ему в лицо. Но существо из последних сил держало в себе остатки человека, по большой дуге вправо направляя вертолет на ближайшую гору. Связь оборвалась, к ней подбежал маленький мальчик лет пяти или шести. «Мама, не плачь. Кто звонил, папа?» – «Да, милый, папа звонил», – вытирая ладонью слезы, стекающие по щекам, ответила мама. «Когда он будет дома?» Мальчик крутился возле нее, трогая край платья своей маленькой ручкой и глядя на нее такими же глазами, как у папы. Она тронула его лобик, взяла на руки, прижала к сердцу, сидела молча и плакала. Ее горькие горячие слезы падали на волосы сыну и не могли остановиться, бездонным океаном вытекая из ее глаз. Сын тихо прижался к ней. Вжавшись еще сильнее в ее объятия, он смиренно сидел, отчасти понимая причину слез его всегда веселой мамы. За окном светило солнце, рядом с домом росли пальмы, был прекрасный день, не предвещавший беды. В дверь их коттеджа, расположенного на берегу лазурного моря, кто-то постучал. Она не хотела никого видеть, закрывая глаза и сжимая свое дитя все крепче и крепче. «Мама, отпусти меня, я открою». Мальчик выпутался из нежных и любящих объятий матери и побежал к двери. Попутно влетев ногой в игрушку и приземлившись на попу, он встал и, немного погладив ее, побежал дальше. Дернул ручку. Перед ним стоял его дядя Джордж. Высокий коренастый мужчина уже с заметной сединой на висках, с густыми черными бровями и светло-зелеными глазами. Его кудрявые волосы слегка развевались на ветру. Одет он был в привычные джинсы и пиджак старого покроя с заплатами на локтях. Его внешний вид оставался без изменений с того момента, как его племянник увидел его в первый раз. Он жил недалеко, буквально в нескольких десятках метров. Войдя в дом, он взял мальчика на руки и пошел в комнату, куда, показывая пальчиком, вел его племянник. Он увидел сидевшую на стуле девушку, кудрявая голова ее была подпертая двумя руками, увидел текшие по ее рукам слезы. Внизу поблескивали капли еще не высохших слез. Она не смотрела на вошедшего человека, а тихо сидела так, не издавая ни звука, без малейшего движения. Он подошел к ней и дотронулся рукой до ее плеча. Простояв немного времени, направился на кухню, достал пару стаканов и налил в них из бутылки несколько сантиметров коричневой жидкости. Понес их, держа в одной громадной ладони бокалы, а в другой – племянника, который не издавал ни звука, а молча наблюдал за событиями. «Лиза, выпей». Он протянул ей свою ладонь, на которой, словно на подносе, стояли два стакана. Она взяла один, молча выпила, поставив его на ладонь. Взяла второй и выпила залпом, слегка поморщив лицо. «Племяш, иди на улицу, поиграйся в машине, я тебе разрешаю». Погладил его по голове, и мальчик молча повиновался. «Ты видела новости?» Она покачала головой в стороны. Сквозь слезы ее голос прозвучал тихо и сдавленно: «Он мне позвонил, я все видела своими глазами». Он взял ее телефон, просмотрел без звука видеозапись их разговора, положил телефон, сел возле нее на корточки, обнял и оплакал своего верного друга, который спас его не один раз, которому он был обязан жизнью. Как он радовался, что его сестра и он влюбились друг в друга, когда он их познакомил в госпитале, где их обоих на соседних койках собирали по крупицам. Такая смерть его друга, брата – и она все видела своими глазами. Но судя по записи, он даже и не мог подумать, что такое произойдет с ним на ее глазах. Страшная смерть, он не заслужил такого, да и никто не заслужил такого ада. Раздался телефонный звонок. С тяжестью в ногах он встал и поднял трубку. «Алло, это дом Холмогоровых?» – «Да. Что вам надо?» – «Мне нужна Елизавета Холмогорова, есть срочные новости». Голос за трубкой был холоден, но со слегка чувственными нотками волнения. Он пошел в другую комнату и, закрыв дверь за собой, негромким голосом произнес: «Это Джордж, товарищ генерал, она уже знает». – «Я рад, что ты с ней. Как она?» Голос в трубке волновался уже заметнее. Джордж, сдерживая волнение в голосе, сказал: «Плохо, она разбита. Он на ее глазах умер». – «Джордж, мне нужна запись разговора, это очень важно!» Голос в телефоне уже дрожал, сбивался, было слышно неровное порывистое дыхание.

Джордж нажал несколько раз на сенсор экрана и произнес: «Товарищ генерал, я отправил вам». – «Джордж, спасибо! Что надо будет, только дай знать». – «Хорошо, большое спасибо, Петрович». Послышались гудки, звонок был завершен. Немного постояв в комнате и держа в руке телефон, Джордж собирал мысли в единое целое, но не находил того, что хотел в них найти. Раздосадованный, хлопнул себя по голове, почесал затылок уже со слегка заметной лысиной и вернулся в комнату. Она уже стояла возле окна, из которого был видно лазурное море, теплый ветер слегка развеивал листья на пальме. Он подошел к ней и обнял огромной своей рукой ее хрупкое, маленькое женское плечо. Поцеловал ее в голову и прошептал, немного склонившись: «Надо жить, сестренка, надо». Зараза распространялась по материке с огромной скоростью. Увидев падающий военный вертолет, несколько групп добрались до него в течение часа, но их постигла судьба экипажа. Несколько военных застав возле рудников, видя каких-то существ, подпускали их слишком близко, не выдерживали их напора или просто пугались и, неся за собой своих раненых товарищей, тоже были обречены на верную смерть. Потеряв связь с несколькими базами и не вдаваясь в подробности происходящего, командующий объединенной эскадры запретил подход кораблей для забора эвакуированных людей. Он интуитивно чувствовал опасность и, доверяя своему опыту, не дожидаясь команды с земли. Он заблокировал материк, опасаясь перенести заразу туда, где была цивилизация. Топил нещадно свои же корабли, на которых обнаруживались очаги заражения. Яркие шары с неба падали на военные корабли, плавя их толстую сталь и прожигая до основания. Так его эскадра меркла на глазах. Подчиненные в страхе смотрели на его обезумевшие кроваво-красные глаза, полные ярости и гнева. Прозвучал выстрел, пуля коснулась его затылка, голова качнулась и упала на стол. Кровь большой лужей стекала на пол. Плача глубоко в сердце, он отдавал приказы, доверяя своей интуиции, которая не подводила его никогда. Ещц положил пистолет в кобуру и отдал приказ: «Подойти для эвакуации личного состава». Раздался звонок с материка. «Командующего срочно к телефону». Голос на другом конце провода сильно волновался. «Его нет, он обезумел, начал свои корабли топить», – доложил радист. «Позови старшего срочно». К телефону подошел офицер в мундире ярко-синего цвета с золотыми погонами на плечах, взял трубку. «Контр-адмирал Ещц слушает». – «Любого, кто контактировал с зараженными, немедленно уничтожить. Любой ценой избежать распространения на остальные части света. Ты меня понял?» – «Можно узнать, кто отдал приказ? И передайте его из штаба», – надменно говорил с начальством зам командующего. На общей панели что-то задребезжало. Был звонок из штаба, и Ещц увидел перед собой среди множества чинов генерала армии Иванова Евгения Петровича. Его красное лицо под седыми, как комок снега, волосами, жестко и гневно смотрело на него. «Тебе мало моего лица для принятия приказа? Тут и твое начальство», – тоже возмущенно кричал на него генерал. Ещц, нисколько не смутившись, так же продолжал, что нужен документ. Без документа он не отдаст приказ на зачистку. Генерал достал телефон из кармана и, нажав пару раз на сенсор, показал запись, которую ему прислал Джордж. «Теперь тебе ясно, что все серьезно?» Контр-адмирал продолжал стоять на своем, и, кинув трубку, генерал гневно оборвал бессмысленный звонок. Ещц смотрел в окно, наступал рассвет. Глядя на несколько кораблей, которые были возле причала, он стал допивать уже холодный кофе и любоваться на рассвет, в котором освещались его корабли. Что-то упало с небес, и они вспыхнули, и яркий луч развеивал свет солнца, слепя всех, кто смотрел на него. Несколько кораблей, которые недавно отплыли из порта, были потоплены. Где-то вдали раздавался грохот – взрывались корабли всех типов. Его авианосец стоял посреди облаков дыма и огня. Из штабной рубки поднялся офицер спецслужб и, видя, что командование не в состоянии принимать решения, закричал: «Ещц, ты что творишь, чертов кретин?» И накинулся на него с кулаками. Нанося страшные удары в корпус и по голове, ловко орудуя хуками и апперкотом, отправил в тяжелый нокаут этого выскочки. «Все слушайте меня. Любое движение в сторону моря запрещено, у нас карантин.

На расстоянии пяти километров от суши все корабли топить. Авиацию в воздух, все мелкие суда и патрули топить, у нас война с материком Антарктида, всех истребить». Эскадра взмыла вверх и, неся на крыльях смертоносное оружие, топила всех без разбора, не давая никому выйти из указанной зоны. Множество спаслось, держа курс обратно, оставшиеся погружались под толщей огня и свинца. Генерал сидел в кресле, наблюдая на главном экране, как погибали сотни тысяч людей, которые верой и правдой служили своему долгу. «Наш долг – защищать от любой опасности». Он сжал зубы. Его обуздывала ярость, вены на лбу надулись, и еле сдерживаясь, чтобы не порушить зал заседания, он сидел, напрягая кулаки и крутя телефон на столе. «Евгений Петрович, надо группы туда выслать. А то я понимаю, что мы как бы очаги затушиваем, но надо узнать, что это такое. Если распространяется воздушно, то все наши меры тщетны», – заявил ему один из членов заседания. «Сначала надо все затушить, это то, что в наших силах сейчас. Перебросив внимание на задачу доставить и изучить, мы можем усугубить ситуацию», – холодно ответил генерал своему коллеге. Вскоре в Антарктиду выслали делегацию к месту крушения, ее возглавлял генерал Иванов Евгений Петрович. Связь с группой пропала. После были отправлены еще группы к месту крушения. Ведя их через спутник и следя за их действиями в центре, Джордж координировал одну из них. «Скоро будет сектор, осторожнее подлетайте с ветреной стороны, ни в коем случае не снимайте защиту. Возможно, это вирус. Ваша задача – доставить один экземпляр на базу. Никакого героизма, повторяю! Потеряно уже очень много людей. Наша задача – узнать причины заражения и пути распространения». Командир группы, растолковав своим бойцам задачу, нашел в их глазах понимание. На подлете к месту они увидели несколько фигур белого цвета и, не спускаясь на землю, сделали несколько выстрелов. Огромный шар летел навстречу существу с белой кожей. Раздался хлопок, маленькое облачко дыма – и монстр запутался в сетке. Лебедка завизжала, и вертолет, набирая высоту, оторвал сетку со своим трофеем в небо. Поднявшись на высоту пятидесяти метров, завис. Несколько человек выстрелили в сеть из сферических продолговатых труб, и в нее полетело несколько шаров. Когда они соприкасались с сетью и окутывали ее пленкой, она затвердевала, на глазах покрываясь сантиметровой коркой. Внизу белые существа бездумно шагали и лишь поднимали руки вверх, что-то скуля жалобным голосом. Задача была выполнена. Вертолет летел на базу, расположенную в пятистах километрах западнее. Подлетая к базе, вертолет снизил высоту и плавно опустил свой трофей в небольшой контейнер. Было проведено множество опытов и выявлено, что вирус активен на небольшой территории в воздушной среде. И что при малейшем контакте с соленой водой тела этих особей разрушаются. Также эти особи оказались совершенно глупы. В отличие от тех, которые были на видео. Эту загадку так и не поняли до конца. Грянула беда, которая полностью закрыла доступ в этот регион. Множество различных групп часто посещали растаявший материк, находя там различные сокровища, они незаконно переправляли их на большую землю, получая неплохие деньги за свой экстрим. Самые жадные лезли глубже и глубже, ища в пещерах новые сокровища, открывая даже маленькие фабрики, в которых вымывали тоннами золото, перевозя его на военных кораблях, которые патрулировали регион. Бизнес шел очень налажено, даже часть руководства закрывала глаза на маленькие группки людей. Не имея возможности связаться с группами старателей, вместо них вскоре находили непонятных существ. Так вирус распространился за очень короткий срок по всему шестому матерiku. Паника охватила весь мир. У здания ООН проходили митинги, призывая мировые власти бомбить эту твердыню ядерными зарядами. В этой ситуации нашел свою выгоду глава одного холдинга, который монополизировал почти все производство в тихоокеанском регионе. Он предложил свою флотилию в качестве гарантии того, что никто не покинет регион. Он начал не спеша раздувать тематику гонок среди этих тварей. Спустя несколько лет после вроде бы убыточного дела он организовал первую гонку по пустошам. Победителей, которые гонялись на всевозможных машинах, ждал

приз с восемью нулями. Огромное количество народа следило вначале со страхом, потом с кровавым желанием за тем, как смельчаки смогут пройти маршрут. Гонки проводились раз в году, когда наиболее теплый период выдавался на материке. Он собирал астрономические цифры у себя на банковском счету. Конечно, оставляя жирные пожертвования двадцатке стран. Но за все время ни один участник не доходил до финиша. С каждым годом становилось сложнее и сложнее, число этих тварей только росло. Население забыло о страхе перед ними, а только жаждало зрелища все больше и больше. На каждом континенте проходили отборы, из их числа выбирали самых сильных и отправляли в главное событие перед гонками по шестому камню. На стартовой полосе показался белый джип с непрозрачными стеклами и цифрой 570 на передней двери. На зеленый сигнал светофора, рвя асфальтовое покрытие своими полуметаллическими шипами, машина рычала мотором и плевалась огненными вспышками. Черное облако скрыло машину, жуткий запах горелых предохранителей наполнил окружающее пространство. Четыре колеса вращались на месте, выбрасывая из-под себя куски трассы. Пробуксовка прекратилась, и машина стала набирать скорость по слегка овальному стадиону, рыская в поворотах, визжа покрышками и оставляя полосы от своих колес. На виражах скрежет металла и вой двигателя давили на уши. Сквозь шлем доносились звуки выхлопа. Тело трясло, и руки стали тяжелыми, голова с трудом поворачивалась вслед изгибам трассы. Нога, вжимавшая педаль газа, затвердела и не слушалась. Не ощущая своих частей тела, гонщик вжимался в сидение, боясь этой ярости, которая была скрыта в его сердце страшного зверя. Холодный пот тек плавной струйкой по его спине, сердце не уступало в частоте биения оборотам двигателя. Страх не пройти квалификацию сводил с ума, он чувствовал, что далек от заветной середины таблицы. Желая выиграть больше и больше, его джип кренился на поворотах, почти уходя в неуправляемое состояние, только каким-то чудом оставаясь на треке. В каких-то миллиметрах его колеса проскальзывали каемку трека, на котором песчаный настил служил словно маслом после твердого покрытия. Он не сбавлял скорость. За поворотом виднелась засечка с пометкой «вперед бездорожье». Внедорожник, на скорости больше двухсот разрывая четырьмя колесами покрытие трассы, окунулся в огромное озеро, состоявшее из пыли, погрузился весь в непроглядную темень от песка. Замерло сердце, страх снова охватил пилота. Не отпустили еще первые волны его, как нахлынули новые. «Машина застрянет. Я не справился. Зачем я это все затеял? Я слишком мал». Голова пилота почти не могла принимать решений, повинаясь только своему инстинкту и ощущению. Он давил только на газ, перестав соображать и здраво мыслить. Машина потерялась из виду, лишь туча пыли все росла и росла, словно желая взорваться и разнести все собой. Но эта туча стала двигаться, и из нее вырвалось черное облако. Спереди выступал немного белоснежный капот. Позади него не было видно ничего, только облако, которое скрывало все от глаз. Огромный джип летел, не сбавляя скорости ни на повороте, ни возле груды камней, старательно наваленных организаторами, пролетая по узкому ущелью и поднимая вверх через узкие стенки клубы пыли. Они заволакивали стены и, стараясь сбежать из-под его колес, стремились вверх, прорисовывая черную черту наверху каньона, подобную извивающейся змее. Туча пыли стремилась за машиной, пытаясь ее догнать, но отставая на мгновение. Педаль вжималась все сильнее в пол. Не осознавая своих действий, человек в машине полностью повиновался воле белого монстра. Педаль тормоза словно исчезла из кабины, человек забыл, что способен нажать на нее и остановить кошмар, который он видел и ощущал. Край глаза заметил знак с надписью «пешеходная зона». Небольшая улочка погрузилась в темноту, и с трудом различались очертания манекенов. Капот и борта машины касались их, они взлетали высоко вверх и, падая где-то вдалеке, терялись под толщей пыли. Нога вдавливала педаль акселератора все ниже и ниже, ноги не повиновались ему, одна не могла нажать на тормоз, другая – опустить педаль газа. Разум заработал, и вспыхнуло где-то в голове, что скоро финиш, все закончится и он, вероятно, достиг своей цели. Он не помнил,

как проехал, ему казалось, что все было быстро. Облако вылетело на небольшой ровный участок перед финишем и, казалось, уже не имело возможности разогнаться сильнее. Рвануло вперед, неся за собой тучу пыли и грязи. Несколько секунд – и финишная полоса погрузилась в темноту. Не развеявшееся облако двигалось по уже покрытой асфальтом полосе, кидая из-под себя остатки покрытия, с которым соприкасались колеса. Все закончилось, и, только сейчас сумев подчинить себе нижние конечности, он сумел отпустить педаль акселератора и нажать плавно педаль тормоза. Он остановился. Пыль развеялась ветерком, который не так сильно дул, крупинцы песка виднелись в дворниках. Сердце стало биться ровнее, но жутко болели глаза, немного подташнивало. Он снял шлем и старался отдышаться, ремни не давали сделать полный вдох. Он откинул шлем на пассажирское сиденье и трясущимися руками стал выпутываться из ремней. Когда он немного пришел в себя и распутал непослушные ремни, его глаза скользнули на большое табло. Устремив свой взгляд на середину таблицы, всматриваясь в каждую цифру, он искал себя в ней, опуская все ниже и ниже свой взгляд. Но с каждым разом его чувство все больше стихало: не было в середине его 570-го номера, и ниже тоже. Холод пробежал по всему телу, покалывая со всех сторон, что-то щелкнуло в голове, и, закрыв один глаз, он дошел до самого низа таблицы: его не было и там. Опустив голову на руль и обняв ее руками, закрыв оба глаза, он начал стучать по панели. Еле сдерживая слезы в своих красных глазах, он уже от безнадежности смотрел на таблицу, все грустнее становясь в лице, дойдя до верхних трех строчек и не веря своему разуму. Он смотрел, понимая, что надежды нет, и эта безнадежность подтвердилась. Его не было, как он и ожидал, наверху, его не было нигде в таблице. Значит, он провалился и показал такое слабое время, что его даже не внесли в таблицу. В голове продолжало щелкать, тело кололо. С трудом нащупав педали, он не спеша двинул своего монстра к боксам. Цель была от него так далеко, что он не знал, что делать, но боялся. Ему уже казалось, что у него нет сил на вторую попытку в следующем году, что это был последний шанс осуществить свою мечту. Так долго тренировался, так долго желал и жил этой целью. Он не представлял, что настолько медленно пройдет квалификацию. Он же показывал хорошие результаты и побеждал. Неужели его предыдущие соперники были так слабы? Испытав силу тех, кто ехал покорять Антарктиду, он понял, что он слабый маленький мальчик, который почему-то решил, что у него это получится. Машина не спеша двигалась посреди боксов, где почти не было народу. Большинство уехало, он был последним в квалификации. С трудом напрягая глаза и закрыв один из них, он доехал до своего бокса. Там стоял человек в цветной рубашке и шортах, на его голове была небольшая панамка. Джип заметно снизил скорость и остановился. Спустя несколько секунд подъехала машина с гербом и надписью «Антарктида». Из нее вышел человек и, не спеша подойдя к джипу, протянул листок. Расписавшись в нем, пилот отдал его назад. Машина с гербом уехала. Пилот вышел из машины, взяв перед этим шлем с сиденья и обняв его двумя руками, и с трясущимся телом подошел к человеку. Сзади раздавался гул. Пилот, обернувшись, увидел, что его машину моют, несколько человек обдавали ее струями воды со всех сторон. Человек в шляпе копался в планшете, что-то проверял и, убедившись, что все верно, поднял глаза. Перед ним стоял мальчишка со слегка кудрявыми волосами почти белого цвета от солнца. Глядя на человека выразительными голубыми глазами, мальчик спросил: «Джордж, какой мой результат?» Седой старик снял панамку и закрыл планшет. «Гриша, ты мог разбиться на втором же повороте». Вздохнув, он тяжело произнес: «Не делай больше так. У меня и так сердце болит, когда вижу, как ты гоняешь. До сих пор не понимаю, как я согласился на твое участие в соревнованиях». Мальчишка хотел улыбнуться, но вышла какая-то непонятная гримаса, отдаленно походившая на улыбку. Глядя на старика, как преданная собака на своего хозяина, мальчик спросил повторно: «Какой мой результат?» – «Ты первый в Абсолюте!» Юноша с трудом открыл второй глаз, еле сдерживая импульсы, которые давили на него. Руки разжались, шлем гулко и тяжело упал на гоночное покрытие. В горле пересохло, ноги, и без

того слегка обессиленные дрожью, забились и застучали у коленок. Улыбнувшись, Джордж обнял его и потрепал, как в детстве, по волосам. Юноша стоял молча, слегка покачиваясь, но найдя в себе силы и глубоко вдохнув. Это его разгрузило, и он, словно не ощущая нагрузки, от радости поднял руку вверх и крикнул: «Ура, победа близка!» – «Не торопись праздновать, это мелочи. Те, кто оказывался первым тут, даже первый этап не могли пройти. Помни это!» Джордж сосредоточенно смотрел на него. «Все будет хорошо!» Подняв большой палец вверх, а остальные сложив в кулак, он показал, что уверен в этом. Еще поболтав и посмеявшись, они пошли в бокс. Гриша сел на диванчик и немного задремал. Сквозь сон кто-то его звал, и, поняв, что это не сон, он открыл глаза. Рядом сидел Джордж и, глядя на него своим привычным взглядом, слегка с хитринкой, сказал: «Вот, смотри», – и протянул ему листок, где верхнюю строчку занимал его 570-й номер, напротив которого виднелась надпись «Белое облако». «Что это за название?» – непонимающе, еще до конца не проснувшись, смотрел на него Гриша. «Тебе дали название». – «А зачем оно мне?» Все еще не понимая этого, Гриша потирал глаза. «Каждому победителю на своем материке дается название». – «Так я же не участвовал в отборочных этапах. А за квалификацию не дают вроде?» – «Пока ты спал, ее тебе дали». Гриша сел на диван, потянул руки вверх и, немного погодя, встал с дивана. В бокс струился свет с открытых ворот, падая на начищенное покрытие машины. Белая краска блестела от этих попаданий света. Возле машины были два мастера, один закручивал гайки на колесах, другой протирал стекло тряпочкой. Оба молча работали, их темно-коричневые комбинезоны сливались с полом, делая их незаметными для гонщиков. Он подошел к ним и, стоя у них за спиной, смотрел на их работу. Они молча, усердно работали. Тот, который протирал машину, заметил его взгляд и повернулся. «Долго еще?» – поинтересовался Гриша, глядя в его глаза, которые были темно-карими, скорее даже черными. Его осунувшееся бледное лицо с уставшими большими глазами, со слегка виднеющейся рыжевой седых волос было приятно, и добрый взгляд с какой-то отеческой любовью смотрел на Гришу. Этот взгляд напоминал ему взгляд одного соседского пса, который часто высовывал свою пасть через металлические кованые пруты и смотрел добрыми жалостливыми глазами на людей, которые ходили по тротуару возле его дома. Даже играя с отцом и вспоминая те моменты, которые отпечатались у него в памяти, он не мог увидеть у отца во взгляде такую же доброту. Его взгляд был всегда колюч и строг, хотя выражение лица его всегда было улыбчивым. Даже у его дяди Джорджа взгляд был колюч и неприятен, хотя тот всегда ему помогал, даже уговорил спонсоров дать ему денег на участие в гонках. Но вот взгляд этого человека надолго остался в памяти. Человек провел рукой по лицу, словно вытирая что-то с него, не понимая, почему на него так смотрит этот юноша, и, отведя глаза в сторону и склонившись над машиной, молча продолжил свою работу. Тот, который крутил колесо, ответил вместо него: «Скоро уже, несколько минут – и машина готова». Гриша не стал их больше отвлекать и, чувствуя какую-то вину за это, ушел к Джорджу, который сидел в кресле и с кем-то говорил по телефону. Вспомнив, что ему надо позвонить, несколько раз нажал на дисплей телефона, но в ответ на свой звонок услышал только гудки. Немного погрузнев в лице, набрал другой номер и, услышав там собеседницу, коротко ей что-то сказал. В ответ услышал возгласы и, немного обменявшись предложениями, повесил трубку. Джордж уже смотрел на него своим жгучим взглядом и, не задавая вопросов, по лицу понял, что их дело будет сегодня. Оба ехали в джипе, тот переливался на солнце своей белой краской, которую натерли очень хорошо. Рокот двигателя сменился на едва слышный звук, выхлоп, почти не выпускавший газов, слегка шуршал и выпускал маленькими струйками дым. Они выезжали с гоночной трассы, оставляя за собой огромные стены стадиона. Не спеша двигались по небольшим улочкам с маленькими домами, которые напоминали английские. Балкончики с коваными декоративными поручнями изредка разбавляли эти серые хмурые стены. По тротуарам ходили люди с какой-то непонятной целью. Дойдя до края, они разворачивались и шли обратно, словно что-то позабыв. И таких

растяп было много. В редких кафешках сидели люди, делали заказы и аппетитно обедали. Но у всех были уставшие лица, и бледность кожи не соответствовала их одежде. Одеты они были, как театральные артисты на балу: вечерние платья, смокинги и белые костюмы. Костюмер явно перепутал время и день для их нарядов. Дороги были почти пустые. Проехав несколько светофоров, они только на одном увидели больше двух машин. Они ехали, словно по кольцевой дороге с совершенно безэмоциональными водителями. В их лицах не отражалось ни малейших мыслей, если не смотреть на то, что иногда края носа шевелились. Они сошли бы за хорошо сделанных восковых кукол. Городок был странный, но они знали почему. Они припарковались возле тротуара и пошли в одно из летних кафе, где люди аппетитно ели. При виде человека, идущего в костюме гонщика, они поспешно стали подзывать официантов. Даже тем, кто не заказывал, стали приносить какие-то непонятные блюда. Не чуя запаха этих блюд и не видя ни разу, чтобы хоть кусок с них был съеден, Гриша дошел до одной из официанток. Она не успела убежать на кухню, а отвлеклась и услышала заказ от человека, с которым ей нельзя было говорить. «Мне мороженого стаканчик принесите», – попросил он девушку, но не услышал от нее ответа, а только увидел, как она, и без того прятавшая лицо, склонила голову и, глядя на свои ноги, словно застыла и превратилась в статую. Тяжело сжимая в руке поднос и уже трясясь от страха, она не знала, что делать и как ей поступить. Ее вид выдавал, что она отчаялась и все инструкции, которые ей давали, напрочь забыла. Разгадав сразу, что мороженого он не получит, он попросил воды, и она снова ожила и убежала на кухню. Спустя несколько секунд она уже несла на подносе стакан воды. Юноша взял стакан и, не садясь за стол, выпил, положил на поднос, который она, как столик, держала перед собой, несколько банкнот и пошел, так и не увидев ее глаз. За те несколько минут, которые он провел там, он ни разу не смог увидеть глаза людей. Он сел в машину и отъехал от обочины. Джордж его спросил: «Все плохо?» – «Больше чем плохо, – грустно ответил тот. – Как загнанная добыча, которая бессильна бороться и ждет своей смерти. У них мороженого нет, они, наверное, и не знают, что это такое. Я вкус металла до сих пор ощущаю от этой воды. Они едят пластиковую еду. Я в шоке от этого цирка». И, вдавив педаль газа, он рванул по дороге. Двигатель сменил свою песню на крик. Клубы дыма заволакивали улицу, по которой ехал белый джип. Доехав до поворота, он свернул направо и отъехал в сторонку, где вид сменился на выстроенные на скорую руку бараки со слегка застекленными окнами. Порой их вовсе не было, а были только заложенные кирпичом и камнями оконные проемы. Все территории были тщательно выскоблены, и на песчаном покрытии возле домов не было ни единой зеленой травинки или кустика. Людей не было возле их домов, и те казались заброшенными. Огромные выбоины по всему полотну дороги были тут в качестве ориентира. Он остановился и переоделся, надел майку и шорты и снял надписи с двери. Осмотрел машину, ища в ней части, которые могут его выдать, и отдал две таблички Джорджу. Тот положил их рядом с собой и, сидя в машине, примерно показал маршрут, по которому стоит проехать. Гриша молча посмотрел и, не проявляя эмоций, стал грохотом пугать окрестности. Его машина тарахтела так, словно вот-вот у нее оторвется шатун, и черные клубы дыма заволакивали безлюдную улочку, провоцируя патрули на конфликт. Спустя десять минут сзади раздался вой sireны патрульной машины, и, припарковавшись к обочине и открыв на два пальца окно, Гриша стал дожидаться, наблюдая через боковое зеркало, как к нему вальяжно подходит человек в форме, осматривает машину со стороны и спереди. Присев возле капота и не найдя того, что искал, патрульный подошел к водителю. Кинул взгляд на него и на пассажира и, увидев, что в салоне никого нет, задал свой вопрос: «Кто такой? Почему едешь?» – поинтересовался патрульный, глядя на него через темные очки, в которых отражалось молодое лицо юноши, сидевшего за рулем. «Хочу и езжу, тебя забыл спросить», – явно нарываясь, ответил Гриша. «Ты что, гонщик, что так говоришь со мной?» – сразу решил выяснить у него патрульный. «Нет, я тут жить буду, вот машину купил, испытываю. Так что я свой, отпусти, и я поехал», – нагло смотрел на него

водитель. «Документы давай, новичок», – улыбаясь, попросил у него человек в синей форме. «Да нету еще, не сделали мне их», – наивно уверял новичок. «Так старые дай, я посмотрю на тебя», – продолжая улыбаться, веселился уже заметнее человек в форме. «Так я их отдал на регистрацию, сказали – потом, сделают, отдадут», – уверял его Гриша. «Вот если бы ты был гонщиком, я бы тебя отпустил сразу», – хитро улыбнулся патрульный. «Да, точно, я гонщик, я пошутил, – улыбнулся нарушитель. – Это я так просто езжу на своей гоночной машине по городу», – серьезно заявил Гриша. Патрульный молча обошел машину. Присаживаясь на корточки и осматривая ее, не нашел ничего похожего на те машины, которые он видел у гонщиков, и решил забрать себе этих двоих в рабы. «Тут недалеко есть станция, надо проверить твою машину, друг, поехали за мной». Тот уже направился к машине, но его одернул вопросом водитель: «А зачем? У меня все исправно!» – «Да поехали, друг, тут недолго, пару минут, тебе понравится там», – улыбаясь и стоя возле заднего бампера, уговаривал патрульный. «Да не поеду я с тобой, а будешь звать – я начальству твоему на тебя жалобу напишу», – скулил уже Гриша, делая жалобное лицо и чуть не плача. Поняв свою силу и превосходство, человек в синем подошел и, уставившись ему в лицо с довольной ухмылкой через черные очки, сказал: «Так я тебя и зову в участок, у нас там станция для осмотра, поехали за мной, дружочек. Иначе...» Поправив кобуру с пистолетом, он дал понять, что он тут закон. «Вы меня уговорили, я еду за вами», – жалобно повиновался ему Гриша с видом поникшего и сломленного человека. И они поехали. Постовая машина плавно скользила впереди, не включив ни разу поворотник и выключив сигнал. Несколько человек, переходивших дорогу, ускорили шаг при виде машины патруля. «Живее, свиньи, идите», – гаркнул им вслед человек, довольно улыбаясь своей важности. Они проехали пару кварталов, наполненных разрухой, совершенно не встречая после этого людей. Заехали на территорию, которая была огорожена высокой изгородью из металлических пластин. На участок она была отдаленно похожа. Двухэтажное здание тускло-серого цвета с огромными окнами на втором этаже и без окон на первом походило на недавно покинутое здание со слегка заметной активностью возле холла, у входа в который гордо красовалась надпись «Патрульный пост». Они объехали его со стороны улицы, заехали за него, следуя за патрульной машиной, и увидели огромный ангар, который тянулся за этим участком. Постовая машина остановилась, человек вышел и молча пошел в ангар. «Вот и приехали, сейчас начнется, – улыбнулся Джордж. – Что бы ни случилось, не выходи из машины. Ты меня понял?» Ответа не последовало. Гриша думал о чем-то своем, бегал по воротам ангара глазами и что-то искал в нем. Из него вышли несколько человек в форме и направились к ним, среди них был и тот постовой. Гриша у самого его носа закрыл окно и двери и сидел в машине с включенным двигателем. «Открывай, сейчас осмотрим», – весело, еле сдерживая смех, предложили ему люди. «Нет так осматриваете», – сухо ответил водитель. «Ты не понял, мы тебя будем осматривать», – гордо заявил постовой, который привел их сюда. Остальные его приятели, словно от смешной шутки, рассмеялись и казались очень довольными. Вытащив пистолет из кобуры, он передернул затвор, погрозил им Грише и заткнул за пояс. Джордж сквозь зубы слегка различимым движением губ произнес: «Яйца отстрелишь, болван». Его шепот услышал Гриша и улыбнулся. «Ты что скалишься, свинья? Тебе ясно сказали – выходи, иначе прострелю тебе голову». Он вытащил пистолет из-за пояса и угрожал, навел его Грише в лицо. Только маленький слой стекла не давал пуле пробить ему голову. «Не стреляй, машину испортишь», – остановил его кто-то сзади. Гриша не успел понять, кто это сказал, так как с ужасом смотрел на оружие в руках, которое раскачивалось на слабой руке, словно ненастоящее. «Да к черту это старое корыто, давайте его выкурим оттуда. Принеси слезоточивый газ, сами выпрыгнут», – подметил кто-то из его товарищей, которые что-то обсуждали оживленно между собой. Их разговора Гриша не слышал. Лишь обрывки их слов доносились до него. «А он миленький, я хочу его», – раздалось за спиной стоявшего с пистолетом. Не глядя на Гришу, но прислушиваясь к словам своих друзей,

патрульный стоял перед ним и ждал решения компании, улыбаясь и скаля неровные зубы. «Да, я тоже его хочу. Смотри, какой ротик. И молоденький какой, загорелый». – «Надо самим его оформить, пока капитан не пришел». – «Да, точно, а то опять нам не достанется, нечасто к нам сюда отправляют новеньких». – «Ты точно проверил, что он не гонщик, а?» – спросил кто-то у державшего ствол в руке. «Да точно, сам посмотри – молокосос. С дедом приехал на заработки. И документов нет у них к тому же». – «Наверное, капитан уже забрал их у мэра», – гордо упивался своей жертвой патрульный, обнажив свои зубы со слегка желтоватым оттенком. «Кулочка не выходит наша, – подметил кто то уже грустно. – Да чего этот прибежал и сказал: «Выходите, я вам сладенького привез»? А сам не выкурил еще их из машины. И деда не грохнул». – «Да погоди, сейчас вытащим его». Взмах руки – и рукоять пистолета скользнула в пустоту, где миг назад еще стояла машина. Патрульный потерял равновесие и упал на песок. Что-то тяжелое проехало по руке, и в ней ощутилась боль. Он отполз в сторону, держа сломанную руку другой, и потерял где-то в песке пистолет. Забился под колесо своей машины и тихо наблюдал, как белый внедорожник, разворачиваясь, закидывал песком его коллег. Как будто не замечая их, словно бык на корриде, заметивший матадора, лежащего на песке, джип кинулся прямо на него. В последнюю минуту он сжал все тело и успел убрать из-под колес ноги. Развернувшись во второй раз и увидев перед собой двух патрульных, которые уже бежали к ангару, он вдавил педаль газа и, грохоча валами, закидывая все черной густой сажой, набросился на них. Ударив последнего бампером, нажал на тормоза и, выкручивая руль, направился на улицу. Лежащий патрульный выругался, к нему подбежали товарищи и помогли подняться. Стоя возле машины, он потирал руку и злобно шипел. Сбитый его товарищ, держась за бок, подошел и, сжав кулак, приложился по нему. Но удар не получился, и, только ощутив толчок, Хилтон гневно посмотрел на него. Его цель вырвалась наружу, не встретив сопротивления на своем пути. Отряхнув песок и добежав до своих машин, несколько экипажей пустились за ней в погоню. По рациям раздавались команды: «Взять его живым! Не пускать в центр! Кто его поймает, будет первым». Возбужденные и желавшие новой свежей жертвы, гнались за Гришей постовые машины, не обращая внимания на людей. Несколько человек, случайно встретившихся на пути, погибли под их колесами. Следом, зная результат каждой такой погони, ехал бежевый фургончик. Из него вышли несколько человек, закинули тело в машину и, отмыв дорогу, поехали дальше, следом убирая других, кто оказался между патрульными и их жертвой. В ходе преследования по окраинам малочисленные люди, которые попадались на улице, словно специально были сбиты или задавлены погоней. Белый джип не спеша катился по улочкам, бережно обруливая каждое препятствие. При желании водителя он мог бы скрыться от погони секунд за семь, достаточно было нажать педаль акселератора. Но надо было тянуть время и заманивать все больше патрулей в погоню, не раскрывая, что он гонщик. И так плавно, квартал за кварталом, он продвигался вдоль окраины. Словно не зная, куда ехать, свернул в пустыню и немного дал преследователям почувствовать вкус победы. Держал их на близком расстоянии, неплавно заходя в повороты и все дразня собой. В итоге он раззадорил их так, что почти весь пост гонялся за ним, не подозревая, что уже попался в его сеть. С главной улицы в город вошли желающие поскорее заполучить свою жертву и представляющие, что с ней сделают. Они были похожи на заядлых игроков, которые, все мечтая выиграть большой куш, просаживали все больше и больше в рулетку. Несколько машин преградили путь Грише, сжимая руль крепче и сморщив лицо в гримасу – дескать, сейчас ему будет больно. Почувствовался удар, скрежет, и две патрульных машины отлетели по сторонам, выкручивая акробатические фигуры. Одна приземлилась на крышу, другая – на бок. Сквозь них проскользнули несколько автомобилей патруля и с воем сирен стали постепенно сжимать кольцо, блокируя все перекрестки, не давая пробиться в центр городка. На главных улицах людей было побольше, и стараясь не навредить им, белый джип ехал не так агрессивно, как того желал пилот. Он чувствовал, что вокруг него сжимается кольцо, и следил по навигатору, куда

ему ехать. Приходилось объезжать через второстепенные улочки, изредка попадать на главную и потом снова уходить в проулки, тараня так называемые заграждения из постовых машин. Пилоту уже надоело ездить, скрежет металла выводил его из себя. Он нервно сжимал руль и порой забывал о том, что хотел сделать. Вел себя как ребенок, терял цель из виду и хотел переключиться на что-то другое. Только сидевший рядом человек не давал ему этого сделать. Глядя на Джорджа, он все же не забыл свою задачу. Выезжая с маленькой улочки, он увидел, что путь на этот раз ему перекрыли не две машины, а больше. Не найдя лазейки между ними, он рванул по парку, распугивая людей, которые не спеша там прогуливались. Девочка держала в руке сахарную вату. Автомобиль выскочил из-за куста, ломая ветки и сминая их под своей тяжестью. Не сразу заметив ее, отвлекшись на преследователей, которые старались с боков взять его в тиски, он позволил сблизиться. Но в ту секунду, когда они должны были соприкоснуться, педаль газа на несколько градусов ушла вниз, и словно произошел скачок. Преследующие машины промахнулись и позади него столкнулись лоб в лоб. Они загорелись, и был слышен хлопок. Глядя в зеркало, он видел дым и выбегающих людей, горящих, как факелы. И вот, переведя взгляд, он увидел ребенка с большим комком сахарной ваты. Девочка испуганно стояла одна. Выруливая в сторону, он скользнул в воду, и волна ударила в капот. Машина стала тяжелее ползти вперед, но все же не замедлялась. Он посмотрел в сторону и увидел, что девочка в порядке, только у нее не было в руках ее розовой ваты. Он поехал вперед, прорезая бампером водную гладь. Между боковым зеркалом и дверью торчал комок с сахарной ватой. Волны уже били по бортам. Джип углублялся в маленький водоем. Обороты доходили до шести тысяч. Видя, что его тяжелая машина скоро застрянет, он придавил педаль газа сильнее. Клубы грязи и дыма вырвались из-под водной оболочки. И словно на реактивной тяге, его джип вырвался. Диски, покрытые тиной, плавно катились по лужайке. Впереди были снова кустарники со слегка зеленоватыми листьями. Посмотрев в боковое зеркало, он увидел, как его преследователи объезжали пруд. Сбоку все висел комок сахарной ваты, не желая падать вниз. Гриша открыл окно и успел его затащить до того, как ветки коснулись капота, шелкая по кузову и слегка царапая краску. Они вырвались на небольшую площадь, разбрасывая по ней куски грязи и ветки кустарника. «Джордж, он из пластика», – сказал Гриша, отдавая розовый шарик своему пассажиру. Джордж не отреагировал на него, он молча взял шарик и, держа его в руке, следил, как и куда они едут. «За этим домом в проулке – наша цель». Они заехали в проулок, ведя за собой погоню. Там стояло несколько машин, преграждая путь, объехать их не представлялось возможным. Немного снизив скорость и видя перед собой довольное лицо за рулем, он слегка придавил педаль газа. Человек за рулем в страхе смотрел на него и, давя на педаль тормоза, пытался остановиться. Кто-то стукнул в зад и постарался немного сместить машину, врезавшись в нее и выруливая в сторону. Но слишком тяжелая задняя часть не дала возможности выполнить этот маневр. Из проулка на главную улицу выскочила задом постовая машина, которую, тараня, словно паровоз, вытолкнула белая машина с номерами по бокам 570. Постовая машина вывернула в бок и оголенными дисками застыла на проезжей части. Застряв задними колесами, она пыталась вырваться, но не получалось. Передние колеса коснулись ступеней, и когда он въезжал на них, металл громко скрежетал. Он немного придавил педаль, и его прицеп оторвался после того, как и задние колеса заехали на ступени. Не спеша поднимаясь по крутой лестнице, которая возвышалась даже над некоторыми домами, Гриша и Джордж доехали до вершины. Сзади раздавались сирены, выбегали люди в форме, крича и доставая пистолеты. Два человека вышли из автомобиля, закрыли дверь. Один из них держал в руке пластиковый комок и в ней же сжимал белый листок. Из здания вышли несколько человек, стояли и ждали, пока преследовавшие добегут до экипажа. Один из них, держа камеру на плече, незаметно снимал людей в форме, скрыв основную часть камеры за своей головой. К головам юноши и старика приставили пистолет, пытаясь поставить их на колени. Незаметно сбоку подошла девушка, держа микрофон в руке и что-то эмоционально объясняя на камеру,

которая была направлена на нее. Другая не переставая снимала подоспевших людей. Грише и Джорджу тыкали в лицо пистолетом и кричали что-то непонятное, но с явной агрессией. Старик сунул одному бумагу, тот попытался отмахнуться и занес руку на листок, но схватив его, заметил печать черного цвета с надписью «Антарктида». Легкое безумие проскочило в глазах патрульного. Опустив пистолет и держа одной рукой бумагу, он, бегая быстро глазами, прочитал надписи, которые повергли его в шок еще сильнее. Хватило бы одной этой бумаги, чтобы они уехали молча. Но тут было написано «абсолютное первое место». Всё, крах всего. Подняв шокированные глаза, он увидел камеру, у которой красная лампочка мигала под объективом. И стоявшая за плечом старика девушка протягивала микрофон и нагло, почти с презрением смотрела на него. Видя, что их коллега спасовал, и пробираясь вперед, только что подъехавшие экипажи заметили, как снимала их лица одна из камер, внимательно и тщательно выбирая их. Стараясь скрыть свои лица и уйти оттуда, эта толпа растаяла, оставив наверху первых, которые так рьяно гнались. Девушка вышла из-за спины Джорджа и продолжила свои вопросы: «Зачем вы гнались за гонщиком и победителем квалификации?» Оператор наставил камеру на пилота, тот стоял с жалобным лицом. Человек пытался что-то объяснить, но его версии выглядели нелепыми. Он громко дышал и багровел, и его творческие мысли ушли. Паника и ужас в голове, но, сумев набрать сил и совладав со своим языком, он ответил: «Поступила информация, что нарушитель двигается со страшной скоростью по городу. Мы вовремя сработали и выехали на задержание. Товарищу гонщику надо помедленнее ездить». И потеряв руки, думая, что сейчас сможет выпутаться. Джордж не спеша открыл дверь и, покопавшись пару минут, достал планшет, клацнул по экрану и показал отрывок разговора возле ангара. Одна камера снимала запись на экране, а другая – не переставая, журналистку. Девушка, не сбавляя темпа, перевела тему на город. «Почему город такой измученный от их патрулей?» – «Это неправда, у нас все в порядке, сами проедьте, все довольные», – оправдывался человек. Джордж, держа в руке комок, стукнул его по голове. Тот погладил место удара рукой и непонимающе посмотрел на комок. «Это у вас дети в парке едят, пластмассу. Или этого ты тоже не знал?» Джордж без эмоций в голосе произнес это и молча, с чувством безразличия взглянул на это существо. Видео транслировалось на несколько регионов. Спустя некоторое время эксклюзивное интервью с «Белым облаком» посмотрели сотни миллионов, и создалась шумиха, призывавшая власти заняться этим городком, на который выделяли огромные средства, каждый год отправляя туда новых специалистов, который уже несколько лет как погряз в страхе. Создав трек и дав людям работу, организаторы не проверяли, как тут ведутся дела. Но несколько человек сумели бежать отсюда и рассказали одному из знакомых Джорджа, что тут творится. Они решили, несмотря на результат, рассказать, что тут происходит. Девушка, окончив интервью и отпустив двух операторов, подошла к Грише. Он сидел на корточках рядом с Джорджем, который сидел на ступеньке, и о чем-то напряженно беседовал с ним. Гриша подался вперед, и ему на лицо упала копна женских волос. Аромат сладких цветов обуял все его нутро. Что-то упругое подпирало его спину, он даже различал спиной ее большие упругие тыковки. Сексуальные интонации в голосе прозвучали ему на ухо: «Спасибо, милый, ты был чудесен». И, поцеловав его в щеку, оставила на ней темно-малиновый след. «Я к тебе приду вечером, никуда не уходи с базы». Встала и, маняще крутя бедрами, пошла к холлу. Возле него эффектно развернулась и бросила взгляд на Гришу. Вместо горящих глаз, которые провожали ее зачастую, она увидела слегка сторбившуюся спину и сверху немного светлых волос в ежике. Улыбнулась и, гордо вышагивая и чеканя каблучками по гранитному красному полу, пошла по холлу. Мужчины провожали ее взглядом, и даже не только они. Она подошла к лифту и, нажав кнопку, стала ждать. Ее темная юбка, слегка доходившая краями до колен, подчеркивала ее очертания сзади, а легкая белая блузка подчеркивала талию. Дверь лифта открылась, и она вошла, развернувшись в проходе. Прежде чем дверь закрылась, все следившие за ней заметили бугорки, которые держались на одной

застегнутой пуговке на блузке, нагружая ее и давя на нее своим великолепием. Видя реакцию обожателей, она улыбнулась и поехала на свой этаж. Войдя в номер, она услышала телефонные звонки. Подошла к телефону и не спеша нажала на сенсор в белое выкрашенным ноготком. «Да, Феликс!» – закатив глазки и снимая туфельки ногой, стала слушать шефа. «Юми, это потрясающий репортаж!» – восторженно заявил голос в трубке. – «Спасибо, я знаю, что насчет моего повышения дорогой?» – закончив снимать туфли и массируя ступни, спросила красавица. «Да, конечно, место твое, кабинет уже прикажу сегодня же очистить. Ты сегодня вылетаешь?» – «Сегодня не могу, у меня дела завтра, пришли самолет к вечеру». – «Хорошо, поговорим по прилету». Послышались гудки, и она положила телефон на стол. Итак, дело сделано: одна ночь – и карьера в гору, мизерная цена за такой разгром. Улыбаясь, налила себе виски и, сев на кресло, немного отпила его. Блузка давила, расстегнув несколько пуговок, стало заметно легче дышать, допив содержимое стакана, она встала и пошла в душ. Слегка подготовиться для вечера с «белым облаком». Обсудив насущные вопросы и сделав выводы, что надо ехать домой, оба провокатора сели в автомобиль и, спускаясь по лестнице, заметили, что одна из покрышек была прострелена. «Вот дела, зацепили», – улыбнулся Джордж. Спустив машину вниз и починив колесо, они не спеша двигались по улице в сторону аэропорта. «Остаться не хочешь?» – поинтересовался Джордж. «Нет, и не думаю над этим», – без эмоций ответил Гриша. «Не понравилась?» – «Понравилась, но я так не могу». – «Да она же только в выигрыше, можно сказать, что это благодарность и она сама предложила». – «Да не в этом плане. Просто не могу так, как-то по-звериному все происходит. Хочешь, так сам останься с ней», – обидчиво предложил мальчишка старику. «Нет, я уже слишком стар и болен для этого всего, здоровье ни к черту за эти годы на службе». И, отпив пару глотков воды с бутылочки, закрыл ее и, держа в руке, периодически пил маленькими глотками. «Что-то плохо мне, трудно дышать», – взявшись за сердце, прошептал Джордж. «Выпей лекарства, наверняка не пил сегодня, поспишь, отдохнешь». – Хорошо, а то я после них сплю как не в себе». – Ничего не произойдет, не переживай». Джордж выпил лекарства и, погрузившись в сон, слегка слышно засопел, периодически подергивая головой в сторону. Знакомые стены автодрома были справа, впереди метрах в двухстах была небольшая взлетная полоса, куда привозили гонщиков. Городок был на небольшом острове, и все, что привозили так, было авиацией доставлено. В свое время тут был небольшой курорт, но после покупки корпорации его переделали для потребностей гонок. Их самолет стоял один на полосе, и уже турбины гудели, создавая за собой волны горячего воздуха. Небольшой самолет, который был белого цвета и от палящего света сливался порой с горизонтом. Вдали которого был песок, который скорее напоминал снег, чем желтые песчинки. В отсеке не было никого, но люк был открыт, заехав туда и выйдя из автомобиля, он увидел пилота, который сидел в сторонке на крышах, прикрепленных к днищу. Смотрел на него и сгорал от жары. «Летим?» – обливаясь потом, спросил его. «Да, летим, Джордж спит, аккуратнее взлетай. «Есть, сэр», – и, вставая, отдал честь. «Клоун», – сухо заметил юноша и, подойдя к отсеку, закрыл его. Закрепил двумя стропами машину с одной стороны, с другой стороны ее уже закрепил пилот и сидел в кабине, готовясь к разгону перед взлетом. Гриша сел возле него на кресло и, пристегнувшись, почувствовал, как машина плавно оторвалась от взлетного поля и устремилась ввысь. «Как все прошло?» – поинтересовался пилот. «Хорошо, все сделали как надо», попивая водичку и отстегивая ремень одной рукой, пробурчал Гриша. «Что злой такой сегодня?» – смотря на него сквозь черные очки и пожевывая какую-то палочку, спросил пилот. «Нет настроения, устал». И, выходя из кабины, закрыл дверь за собой, сел на крышки и уперся спиной к борту, стал смотреть, как потрепало его джип. По белой краске виднелись черные подтеки от ударов, несколько крупных полос по краске были на правом краю переднего крыла. А так, в остальном, все было цело, его бронированный джип не подвел и в этот раз. Самолет плыл по волнам из облаков, проносясь через них, он разрывал своим острым носом белоснежные просторы. Отражаясь, солнце от бортов освещало

его еще сильнее, поблескивая и переливаясь от лучей, он летел выше пятнадцати тысяч километров. Немного потряхивало в воздухе, с непривычки не особо было уютно лететь. Да и, в отличие от отца, он не любил летать, он был этим похож на Джорджа, который множество раз летал на самолетах и вертолетах. Но всегда старался избежать этого и зачастую на задания добирался наземным способом или надводным. Он посапывал в машине, укрытый пледом, становилось немного холоднее, чем было в пустыне. И, найдя в вещах в машине плед, тоже укутался и продолжал сидеть на крышах. Сквозь маленький иллюминатор было видно, как за бортом белоснежные океаны облаков, словно неподвижные острова, застыли в голубом море. Теперь ему почему-то стало более понятно, почему его отец так любил летать, тут было красиво и как-то свободно. Скоро стемнело, и их самолет погрузился в темноту, за бортом давно прошел закат, который он не увидел, самолет летел почти к нему, ослепляя пилота своими яркими лучами. Но за него не стоило переживать: затемняющие стекла не пропускали его яркие лучи, с наступлением темноты они становились светлее, а при ночном небе, когда луна не освещала, подсвечивались зеленым фоном. Видя ночное небо, словно в прицеле ночного видения. У него на машине аналогичное стояло, но по рассказам мастеров на базе при большой скорости и при частых помехах оно выходило из строя часто. Так бы было хорошо проехать все участки, не включая свет по ночам и не издавая звука. Но это лишь рассуждения, было бы все легко – не платили бы столько денег. Ему Джордж часто говорил: «Не думай, куда потратишь, когда выиграешь, не забивай голову, но занять голову надо было чем-то. «Куда же я потрачу свои деньги, – размышляя, сидел он. – Может, куплю себе остров?» Да нет, уровень океана постепенно подымается – несильно, но по сантиметру в год идет. За песчаное дно неохота платить, но тогда на что ему потратить, купить дом? Нет, у него он есть. Тогда на что купить новый спорткар? Тоже не вариант, скорость за этапы мне надоест. Тогда на что мне потратить деньги? Может, на благотворительность пустить, типа такого городка, и снабдить его всем. Но эта идея ему не нравилась, он не понимал, почему они сами не могут заработать их. Путешествуя с Джорджем по странам, которые сильно пострадали от таяния ледников, он не понимал, почему он нищим давал денег. Есть же океан, море, пусть идут рыбу ловить, и на еду хватит им. Что толку дать денег, и они не будут сами стараться. Однажды пытаясь разобраться в этом, он спрашивал у Джорджа, почему они не хотят работать, а просят, чтобы им помогли. На что Джордж, погрузившись, ответил, что, когда было таяние льдов в Антарктике, они были с его отцом очень молодыми. Им в одном из гарнизонов поставили задачу не пускать никого. Опасаясь, что не хватит участков суши на всех, Гималайский хребет полностью перекрыли. Несколько могущественных стран укрепили эти снежные холмы своими частями. Одну из стран и они представляли и, выполняя приказ, они сотни людей расстреливали на подступах к их посту. Множество детских лиц до сих пор сняты ему. Но лицо его не грустнело – так, слегка голос становился менее громким в разговорах. Пропадала на мгновение его командирская нотка. Но когда таяние льдов прекратилось, и, скрыв места, где множество людей похоронили, они с его отцом, уволившись со службы, несколько лет отстраивали дома за свои деньги, накопленные за службу. Тогда он и узнал, что его прадед Холмогоров, тот самый, о котором он в детстве читал статьи. Когда-то один человек правил миром, разбогатев и имея невероятную интуицию, куда бы он ни вкладывал деньги, они ему приносили тысячные проценты. Но потом его не стало, и его империя развалилась. При желании и поддержке военных он мог все вернуть и как потомок унаследовать это все. Но когда он встретил свою будущую жену, он перестал об этом думать и был без этого счастлив. Единственное, что он сделал, так дал ребенку родившемуся фамилию их предков. Вспоминая реакцию, когда, услышав его фамилию, один из спонсоров, старик с уже безжизненными глазами, пристально смотрел на него. И когда все вышли, подошел к нему и, держа его за руку, пообещал помочь с допуском и спонсированием. Не ожидая такой удачи от одного из глав нанотехнических лабораторий. Они, видя, на чем он поедет, усовершенствовали ее всеми

новейшими разработками. Хотя вначале предлагали только ему новейшую их разработку, но, узнав, что это наследство его отца, старикан дал команду собрать лучшую машину на базе этого старого джипа. Согласно регламенту мощность не должна превышать семьсот сил, но, введя хитрую систему и засунув туда двигатель почти в три раза больше, они обхитрили всех проверяющих. Ведь это их разработки в основном катаются на гонках. Снабдив его автомобиль бронелистами, уже встроенными в корпус, и забронировав окна. По сути, его машина не нуждалась в броне дополнительной, ее стандартная броня уже была почти как пластины участников. «Попадет ему от деда, что он чуть не раскрыл тайну его машины, как бы проверять не стали меня, – прошептал еле слышно Гриша. – Но надеюсь, что не будут». И, почесывая голову, приуныл, поняв наказ его дяди. «Да не должны снять меня, я типа раскрыл, что в городке все были рабы и любое снятие повлечет за собой волну негатива в адрес организаторов. Надеюсь, все пройдет удачно и я одержу победу. Дверь неслышно закрылась, и перед ним стоял Джордж, укутанный в плед и глядя на своего племянника. «Снова мечтаешь, куда деньги потратишь? Что за мальчишка? Сказал же – не мечтай. И, покачав головой, подсел к нему на крышку, подперев своим плечом его, что он сполз на край самый. «Долго еще лететь?» – «Не знаю, не спрашивал». – «Пошли в кабину, тут холодно». И Джордж, позевывая, пошел в кабину, открыл дверь и с двери гаркнул на пилота: «Как ты так долго летишь?» Пилот сидел за креслом и копался в телефоне, изредка поглядывая на приборы. Когда он услышал голос Джорджа, то вжался в кресло. «Командир, так автопилот больше не разрешает набирать», – вставая и выпрямляясь по стойке «смирно», ответил пилот. «Вольно», – и не сдерживая смеха: – Ты вообще, я уже на пенсии лет восемь, а ты все не отвык и сам же не в армии». Плюхаясь в сидение второго пилота и смотря, как спутник где-то в высоте пролетел яркой полосой по звездному небу. Пилот улыбнулся и молча сел, смотря в ту же сторону, что и командир его разведывательной группы. Но некогда было смотреть, командир выпался, а значит, можно не следить за шумами турбин. «Гриша, зайди в кабину, сейчас быстрее полетим», – скомандовал пилот. Гриша молча повиновался, усевшись в кресло позади дяди. Стали плавно усиливаться звуки, и, дойдя до противного повизгивания, самолет ускорил свой ход в два раза. В ушах звенело, рядом на панели висели наушники, надев их, стало заметно тише, но звук в ушах все оставался. То ли это остаточные ощущения, то ли они пропускали звук. «Болван, ты мне тут ребенка чуть без слуха не оставил, – гневно его Джордж отчитывал. – И я, старый пень, чуть не оглох». – «Винovat капитан!», – уставившись в приборную панель, ответил пилот. В кабине было тепло и, поддавшись расслабленным мышцам, он уснул. Глаза открыл уже на базе, он лежал на диване в том же пледе. Посреди комнаты горел тускло свет, он был один. Нащупав на тумбочке рядом с диваном пульт, он усилил свет, и стало светло. Откинув плед и свернув его в рулетик, оставил на диване, встал и направился из комнаты, открыл дверь и вышел в большой ангар. Сразу перед дверью стоял джип, возле него стояли люди, которые уже заканчивали подготовку машины. Увидев его, к нему подошел человек в стандартной форме работающих тут, красного цвета с желтыми вставками. «Вам надо съездить на инструктаж». – «Куда?» – «Вас отвезут на служебной, тут недалеко». – «Где Джордж?» – «Они с господином Юшимой в главном офисе». – «Мне переодеться надо, и я буду готов». – «Да, конечно, время еще есть, что вам принести на завтрак?» – «Сока апельсинового и стейк». – «Какой прожарки?» – «Да я что, в ресторане? Да любой, я есть хочу», – проведя по животу рукой, ответил Гриша. Человек молча ушел и, не мешая мастерам, которые уже довершали манипуляции, и он зашел назад к себе в комнату. Сел на диван и включил телевизор, по нему шли какие-то странные мультики, и, немного посмотрев их, пошел в душ. Выйдя из него, на диване лежала одежда новая, и рядом на тумбочке, под белой крышкой, было блюдо, от которого вкусно пахло мясом. Ища глазами сок, он увидел, что стакана нет на тумбочке, и грустно подумал: «Пить не дали, вот гады». Подходя к дивану, вытирая полотенцем волосы и, укутанный в белый халат, чуть не споткнулся о термос, который

стоял возле тумбочки, сливаясь по цвету с коричневым ковром. «Вот и сок», – весело заметил он, падая на ковер лицом вниз. Сел на ковер и, вытирая полотенцем кровь, пошел в ванную к зеркалу. Нос немного изменил форму и начал набухать и краснеть. Рядом лежала аптечка, на ванном столике, открыв ее и найдя спрей, замазал нос. Посмотрев в зеркало, увидел, что опухоль не распространяется и немного нос стал неметь. Через несколько секунд он его уже не чувствовал, но нос немного был в сторону смещен. Засунув два пальца больших в ноздри, попытался вправить его и, вода по нему, ощущал похрустывание. Посмотрел и через несколько попыток вроде как выправил его. Сложив все в аптечку и попрыскав спреем еще на нос. Пошел одеваться и есть. Хотя есть хотелось сильно, но, поев стейк, он понял, что еще слишком мал для стейка с кровью. Тыкал вилкой и, наблюдая, как на чаше остаются красные следы, перехотел есть, съев чуть больше трети. Но зато сок ему понравился, и его было много. Допивая третий стакан, в комнату заглянул человек и бросил фразу: «Пора ехать». Гриша встал и, допив стакан, поставил его на тумбочку, вытер рукой губы и пошел за человеком. Немного пройдя по ангару, возле погрузчика стоял новенький, представительского класса, под вид лимузина автомобиль. Открыв дверь и сев в него, он тронулся неслышно, плавно вырвав наружу посреди контейнеров и каров, которые перевозили полеты со снаряжением и приборами. Выезжая из ангара и кружа немного по строениям, через неширокую дорогу автомобиль притормозил возле КПП, несколько человек подошли к машине и, открыв шлагбаум, стояли и внимательно смотрели, как выезжала она. Под солнечными лучами на его белом фоне выступала золотистого цвета надпись «Бальтазар групп». Гриша не видел ранее такого большого города, все детство он провел на побережье небольшого города, изредка путешествуя с дядей по бедным странам. Огромные небоскребы стремились высоко вверх, потрясая воображение своим величием. Суровые черные формы притягивали к себе много солнечного света. Что отражалось на людях, которых почти не было на тротуарах, а те, которые шли, скрывали лица шарфами и как бы перебежками из одного холла в другой двигались. Многоуровневые дороги, заполненные всевозможными машинами, не спеша, но без остановок двигались по широким улицам. Проезжая возле одного из зданий, у его подножия была статуя, высеченная из белого редкого камня, который нечасто обнаруживали в недрах материков. На ней был изображен какой-то человек, отдаленно напоминающий его отца. Стоящий на горе из монет и древних автоматов, которые отдаленно напоминали современное оружие. В руке одной держал глобус, в другой – книгу и, устремив свой взгляд в небо, смотрел, словно ожидая кого-то. «А чья это статуя?» – спросил у водителя юноша. «Это статуя человека, который дал будущее моему господину», – вежливо ответил человек, внимательно ведя машину по чистым и ровным улочкам. «Я думал, старик всегда был богатым. Как произошло это, расскажешь?» – «Да конечно, господин не запрещает, и тем более он к вам хорошо относится. Когда-то в детстве его подобрал человек. Господин в те года голодал, и, теряя последние силы, он уже смирился со своей судьбой. Забываемый проливным дождем лежал на дороге. Люди проходили, и, бросая на него презрительные взгляды, никто не остановился помочь больному голодному ребенку. Он уже закрывал глаза, было чувство, что душа уходит из его тела, держась из последних сил, он читал молитву и просил Бога ему помочь. Но вдруг он увидел, как люди, которые неспешно шли по тротуару, стали разбегаться и, теряя зонты, рассыпались по сторонам. Кто-то взял его на руки и понес, он потерял сознание и, когда очнулся, увидел человека, у которого он на коленях лежал, укрытый его пиджаком, в огромной машине, и там вкусно пахло едой. Человек занялся судьбой господина, и, когда человека того не стало, имея знания и немного связей, он организовал свое дело. Спустя сорок лет он в одном маленьком городе, где когда-то он умирал на улице, открыл научную лабораторию. И со временем благодаря наработкам и ученым, которым были интересны его идеи, они создали научную лабораторию, которая применяла все свои наработки в этом городе. Создав из захудалого городка вершину технической мысли. Но имя того человека хозяин никогда

не говорил, только грустнел, когда рассказывал раз в год историю в один и тот же день. Я его привозил на то место, где стоит сейчас статуя, и он, часто и подолгу сидя на коленях, молился и спустя некоторое время поставил статую. Вот что я знаю об этой статуе», – закончил рассказ водитель. «Повезло ему», – коротко согласился Гриша. И, не рассказывая, что ему дед помог, замолчал и стал смотреть за окно – как тут все было непривычно. Особенно его привлекало движение: тут не было ни одного светофора, машины между потоками встречного движения двигались, еще мгновение – и они столкнутся. Но не было столкновений, управление велось автоматически, водители практически не управляли машинами, так, на случай сбоев, сидели возле руля. За последние годы случались сбои, когда систему извне взламывали и глушили, но быстро все восстанавливали. Но черных небоскребов было очень много, некоторые были сероватыми, на которые сверху навешивали черные панели. Он примерно знал, что это за панели, у него дома висели они. Энергобатареи, которые из солнечного света вырабатывали энергию. Они стоили недорого и служили достаточно долго, раньше из-за двигателей, которые сжигали топливо, случился потоп. И, плавно внедрив технологии, они стали бережнее относиться к планете, но было не везде так. Что касается его гонок, было не понятно, мир словно из праведников превращался в ад. Хотя, может, и отдушина была эта от всего, что накапливалось за год. Он этого не знал. А молча ехал и выглядывал с окна, смотря как они, въезжая на развилку, скользнули вверх и, уже проезжая на высоте семидесяти метров, может, больше, плавно и не спеша объезжали внизу небольшой лес, который, словно по волшебству, возник посреди высокотехнологичных небоскребов. По краю дороги что-то шло и, выставив трубку, с края дороги убирало пыль. И, подъезжая к нему, увидел, что человекоподобный робот не спеша идет по краю дороги и вытирает края ее двумя похожими на трубки конечностями. Вся его спина была покрыта панелями, которые давали ему энергию на его неспешную работу. Повернув голову и смотря на него, когда они проехали, на лице у него было несколько сенсоров, которые помигивали оранжевым светом. Первый раз видел такое устройство, на краю дороги возле парковки были припаркованы дроны, у которых на нижней части были расположены фонари. Одного из них перевернул человек на бок и что-то паял, немного поблескивая вспышками яркого света. Вероятно, они освещают дорогу по ночам, предположил Гриша. Съезжая с верхнего яруса дороги, они перешли на средний и, немного проехав, словно по винтовой лестнице, скользнули в самый низ, и тень деревьев скрыла их от яркого света. Машина остановилась у входа в здание, которое было похоже на университет. Выйдя из машины, она отъехала и заехала за здание в небольшие ворота. Здание было невысокое, четыре этажа в высоту, и сделано из серого кирпича явно старинного образца. Возле него практически никого не было, несколько человек стояли у входа и смотрели внимательно, как к ним подходил он. «Вам к кому?» – поинтересовался мужчина в костюме с белой рубашечкой, поддетой под него. «Мне на инструктаж», – спокойно ответил Гриша. Человек в черном костюме показал планшет, на котором был небольшой нарисованный квадратик. Гриша молча приставил большой палец. Другой в таком же костюме посмотрел на своем и кивнул головой. «Проходи «белое облако»», – улыбнувшись, пропустил, улыбка его суровому лицу явно не шла. Даже на лицо неуютно было смотреть, а может, и страшно. Холодок пробежал по спине. Пройдя холл со стеклянными дверями, он вошел в небольшой зал, где стояли несколько людей в точно таком же наряде. Их даже лица были определенно схожи. Не зная куда идти, но, видя, что таблички со стрелками были направлены в неподалеку открытую дверь, он пошел туда. За дверью раздавались чьи-то разговоры, и, подойдя ближе, он увидел стоящего посреди аудитории человека, одетого в джинсы и рубашку с галстуком, высокого роста, и напоминал чем-то его дядю. Он зашел и, видя первый свободный стул, молча сел на него. Кто-то сзади напряженно донимал вопросами инструктора. Тот, уже устав отвечать, все разъяснял вопросы, которые были в брошюрке для гонщиков. Было скучно, посреди аудитории висел большой экран, немного сбоку стояла небольшая тумба. У другой

стены были расположены окна большого размера, которые освещали всю сравнительно большую аудиторию. От монитора отражались люди, сидящие позади его. Зал был почти полон, позади него сидел человек, совершенно лысый и жующий жвачку. Человек, который донимал вопросами, сидел где-то в центре зала, и он был похож отдаленно на тех у входа охранников. Встреча продолжалась недолго. По завершении ее и не успев встать, кто-то хлопнул по плечу, и, не поворачиваясь, Гриша одернул плечо и молча вышел из зала. И, быстро шагая на выход, он вышел. Стал возле края дороги и молча стоял, ждал, не обращая на погоду внимания, его вообще мало что волновало. И, отключившись с восприятия этого мира, он не заметил, как подъехала его машина. От стоял и, совершенно застыв, через некоторое время пришел в себя и, видя знакомую надпись, открыл дверь. Сел и, закрыв дверь, натягивая ремень на себя, кто-то постучал в окно. Открыл его, и, посмотрев, кто его беспокоит, перед ним стоял человек, у которого в глазах не было ни капли дружелюбия. Холодно, почти надменно, со слегка непонятным акцентом сказал: «Пошли со мной, тебя ждут». – «Кто меня ждет?» Человек кивнул головой в сторону холла, и Гриша увидел человек примерно триста, стоящих почти на всей небольшой площадке возле здания. Посреди этой толпы на небольшом постаменте стояла девушка и что-то рассказывала и размахивала руками. «Не пойду никуда», – коротко и сухо ответил он. Не успев договорить, к нему подошел второй и, протянув руку, вытащил его из салона за нос и продолжал его так тащить. Отталкивая ногами и почти падая на спину, его донесли до этого постамена и отпустили. Нос не болел, еще держался спрей, но было неприятно. На него уставились сотни глаз, и что-то говорили непонятное по сторонам. Он стоял и смотрел на них непонимающими глазами. Водитель выбежал из машины и направился к нему на помощь, но ему преградили путь люди в черных костюмах, и водитель разгневанно стоял возле их. Смотря внимательно на мальчишку, ему было лет под шестьдесят, со слегка заметным животиком и в зеленой рубашке с коротким рукавом и в бежевых удлиненных шортах. Ему нечего было противопоставить двум здоровым мужчинам, и тем более выпирали из их костюмов рукояти пистолетов. Водитель грозил им пальцем, но после этого один из них что-то сказал, тот замолчал, отошел к машине и стоял, внимательно смотрел в толпу людей. Гриша стоял так несколько минут, не имея силы смотреть на лица окружающих людей, несколько раз бросив свой взгляд, он уставился себе под ноги и молча смотрел на них. Сквозь эту всю суету до него донесся приятный женский запах духов. Принюхиваясь к нему и стараясь понять, кто это, он, осмелев, окинул взглядом толпу людей вокруг, но не поворачиваясь к трибуне лицом, насколько позволял ему поворот шеи. Запах был близко. Кто же так вкусно пахнет? Запах сводил с ума – явно дорогой. Неужели она тоже участница? Очень интересно увидеть ее. С импровизированного постамена спрыгнули чьи-то ноги, но какие-то детские кроссовки – даже у него нога была больше, чем у того человека. И, выйдя немного из размышлений, он стал слышать, что кто-то рядом говорит с женскими нотками в голосе. Повернув голову, он увидел брюнетку, которая что-то почти властным голосом доказывала всем окружающим. Она была достаточно привлекательна, и кепка на ее голове скрывала ее глаза. Пухлые губки часто двигались, он задержал на ней взгляд и поднял голову, выше, из открытых окон, выглядывали люди и спокойно слушали ее. Раздавался уже ее одной голос, из разговора уловил что-то, связанное с белым облаком, и, поняв, что это про него, стал слушать, о чем говорит. «Поймите вы все, что надо идти всем вместе, маленькие группы нелюди быстро истребляют. Кто хочет выиграть, пусть на последних этапах соревнуются. Первые этапы или где их резервации надо проходить вместе, и независимо, кто он такой. Или «белое облако», или «черный дельфин». Всем надо держаться вместе, вы меня понимаете?» Слышав несогласные мнения она разговаривала напрямую с тем и уговаривала тех, приводя доводы, с которыми он соглашался. Ее ораторскому таланту могли многие позавидовать. «Так что, все согласны? – задала она последний вопрос. – Если да, то подымите руки вверх». Все окружающее пространство было заполнено поднятыми вверх руками, даже сама оратор стояла с поднятой высоко вверх

рукой и внимательно смотрела, кто не согласен с ней. Обведя всех присутствующих взглядом и уже опуская руку, увидела, что рядом который с ней стоял, не поднял руки. «Тебе чего не понятно? Хочешь выиграть на последнем этапе, будете соревноваться, нам надо пройти эту трассу хоть раз». Смотря на затылок человека, который склонил голову и молча стоял. Вокруг была тишина, и кто-то в толпе сказал: «Да это «белое облако»». – «Не может быть, ему лет пятнадцать, кто ребенка пустит на смерть?!» – «Да точно он, я новости видел с ним, он шороху навел в городке, где квалификацию проходил». – «Да». – «Да, точно это он». Девушка подняла вверх руку, и слова понемногу начали стихать и постепенно утихли вовсе. «Так что, «белое облако», ты с нами?» – и протянула руку ему для рукопожатия. Он холодно посмотрел на окружающих, видя их молчаливые задумчивые лица. И, замечая, что девушка уже немного согнула руку в локте, устав держать или уже не веря, что он ей подаст свою в знак заключения сделки. Он сухо и коротко хотел ответить. Но реакция получилась обратная. Громко рассмеявшись и глядя в лица, сказал: «Вы можете быть хоть все против меня, я выиграю сам, и мне ваши жалкие тактики не нужны. Запомните этот миг, когда «белое облако» и мой номер 570 финиширует первым и выиграет». И, развернувшись, пошагал в сторону машины. Толпа стояла и не понимала, что с ним. Девушка краснее от злости кипела, он ее унизил и рассмеялся прямо в лицо, уж она постарается, чтобы он поплатился за свои слова. Кто-то хотел его остановить, но она окрикнула того: «Пусть сдыхает». Он прошел возле охранников и, глядя в их физиономии, хлопнул громко в ладошки у самого лица одного из них. Тот моргнул: «Ты проиграл». И молча дошел до машины и, открыв дверь, сел в нее, водитель уже ждал его в машине. Сразу сорвался и, немного превышая скорость, управлял вручную. «Знаешь, кому ты руки не подал, парень?» – взволнованно задал вопрос юнцу седой водитель. «Кому же?» – безучастно спросил у него Гриша, злясь на них всех. «Это «черный дельфин», она дочка главного босса Тихоокеанского союза». – «Плевать!» – коротко, сухо ответил Гриша. Они ехали молча, водитель уже подумывал, что его снимут с гонок. Гриша был в ярости, что гонку превращают в дружеские покатушки, в голове еще прочнее засела мысль только о победе. Все мосты на примирение он сжигал изначально, не желая с ними даже перекидываться несколькими фразами. Самолет, совершая разворот, медленно заворачивал на небольшую взлетную полосу, внизу виднелась небольшая площадка суши, вокруг которой плавали баржи и мелкие корабли. Летали вертолеты и дроны, прожектора освещали темное небо. Поблескивая яркими красными огоньками, была высвечена взлетная полоса. Плавно балансируя на водной толще, колеса коснулись взлетной полосы, завизжали тормоза, раздался хлопок, и вылетел парашют, который быстро затормозил самолет. Перемигивая огоньками, с краев бортов люк плавно открылся и озарил содержимое отсека. Плотная ткань закрывала что-то под собой, выдавая только очертания большого и важного. Погрузчик плавно выкатывал за собой на платформе этот объект. На нем стоял человек в белой форме, на его голове был надет шлем с черным стеклом. Рядом шли несколько человек, к которым вскоре подошли еще несколько человек, поздрававшись. Они все пошли вместе за платформой. Она скользнула вниз и, проехав по небольшому мосту из плавучих поддонов, заехала на огромную баржу, на которой стояли всевозможные автомобили. На платформу смотрели недружелюбно, и зловеще блестели глаза. Проезжая через ровные ряды техники, которая была укреплена защитными экранами и бронелистами, хорошо закрепленными. Легковые и грузовые машины стояли где-то почти у самого края баржи, стояли несколько танков бок к боку. Все освещалось почти при дневном свете, масса дронов летала, снимая все происходящее, звучала громко музыка, вспышками камер слепило участников и гостей мероприятия. На сцене, почти посреди баржи, кто-то громко говорил и показывал рукой на участников. Восторженная толпа аплодировала и восторженно кричала. Платформа остановилась, и погрузчик уехал, пилот смотрел через черный фон стекла, не всматриваясь в окружающие лица и не замечая суету, которую наводили люди, прилетевшие с ним. Вся концентрация была в одном участке, он

смотрел на горы, которые виднелись где-то в слегка проглядываемом тумане. Похлопывая рукой по палатке и что-то приговаривая, он словно взбешенного зверя успокаивал и обещал ему, что скоро его отпустит на волю. Несколько человек пытались прорваться к нему, держа камеры в руках и что-то говоря в микрофон, но натыкались на стену, которая не отражала ничего, только вспышки камер и свет фонарей отразился в черном стекле шлема. Слегка ощущалось легкое волнение южного океана, оно почти затихало, лишь можно было понять, что движение волн есть. Как на небольшой черте к берегу устанавливали поддоны. Рассвет уже наступил и осветил постепенно открывшийся вид. Океан, словно проснувшись, стал оживать, волны уже отчетливо слышались, и легкий штиль стал понемногу пропадать, покачивая огромную баржу и притягивая ее к берегу. Музыка на мгновение стихла, и люди все замерли в тишине, только было слышно гул турбин, которые слегка были слышны, звонкий шум, который можно было сравнить с работой турбины на самолете при прогреве двигателя. Рядом плавал последний поддон, который, не дождавшись команды, несколько человек еще не закрепили. Позади них, уже на закрепленных, были люди в синей форме и с оружием в руках смотрели в сторону берега. До берега было несколько километров, гонка начиналась с момента касания колес песка. Но, опасаясь, что их атакуют на нем, старт был сделан на барже, и при малейшей активности этих тварей поддон разъединится, и мощные двигателя баржи увезут их на многие километры. Первый сигнал был подан на старт, и множество двигателей взвыло на старте, прогревая свои бензиновые двигатели, слабый звон турбин сменился на рев мощных двигателей, подымая клубы дыма, которые не подымались вверх, а застывали в нескольких метрах над баржей, создавая некую завесу. Снимать становилось труднее, вертолеты, летавшие на значительной высоте, не могли развеять эту дымку своими винтами. А беспилотники, пронизывая этот смог, пропадали в нем, и изредка раздавались глухие щелчки, и что-то падало то на баржу, то где-то бултыхаясь в воду. Человек в белом, не замечая этого и действуя по только ему понятной команде, скользнул под палатку, и зазвучал двигатель его дракона – хищника, который был по определению сильнейшим из всех живших и живущих. Фары сквозь плотную материю немного пробивались белыми огоньками, которые периодически мигали. Выхлопными газами палатку немного откидывало от выхлопной трубы. Загорелся красный сигнал возле стартовой линии. Монстр скользнул с платформы, оголив белый капот, и не спеша соскальзывал, обнажая сантиметр за сантиметром своего корпуса. Огромный бампер, словно как отбойник на поезде, выпирал своими краями. Палатка ускорила и сползла окончательно, не встречая сопротивления от своих гладких линий. И узрели все собравшиеся пятьсот семидесятый номер на передней двери. Машина была полностью не защищена: ни одного экрана, ни панелей. Только мощные колеса и слегка приподнятая рама намекали о ее какой-то подготовке к гонке, и то не по самому опасному участку планеты, а по небольшой пустыне где-то в Африке. Рядом стоявшие бронированные машины выглядели как хорошо подготовленные к гонке: блестели броней и пулеметами на своем корпусе. В этой не было совершенно ничего, только переливалась от лучей освещения, которые падали на ее гладкие плавные изгибы, подчеркивая усердность мастеров, которые ее старательно натерли перед заездом. Оранжевый сигнал как загорелся, этот белоснежный дракон подъехал к линии, которая разделяла его жизнь на «до» и «после». На старте стоял человек средних лет, но уже с видимой сединой в своих волосах, в руке которого был флаг с черно-белыми квадратиками, и надписью, которая была тут везде, каждый сантиметр был проклеимен этой надписью «Антарктида групп». Он посмотрел на пилота, который, растемнив шлем, смотрел на него и показывал пальцами «три, два, один», и загорелся зеленый фонарь как раз за спиной человека с флагом. Не спеша скатилась на поддон и, плавно качаясь на волнах, стала продвигаться к берегу, проехав один из участков моста, стартовала другая и не спеша двигалась за белым облаком. Занимая четко по одному поддону и не забегая вперед, множество машин стало продвигаться к суше. Волны слегка били в борта поддонов

и, немного изгибая их, превращали в дугу всю эту конструкцию. Только благодаря мощным двигателям на барже всю эту конструкцию не сносило к берегу, где когда-то был пляж принцессы Астрид. Сейчас же только темно-синий океан. Его называли Южным, но тут ничего не было от теплых мест. Растаявшая Антарктида не отличалась мягким климатом, тут он был своеобразный, и порой замерзало все вокруг, превращая снежные болота в твердую ледяную гладь. Спустя несколько часов погода могла поменяться в другое русло, туман, который окутывал материк, нес за собой почти такую же температуру, как некогда он был скован многие тысячи лет. Колонна плавно двигалась, вскоре они заехали в туман, который, словно росписью, стал прорисовывать узоры на стеклах. Передние колеса коснулись песка, рокот двигателя завизжал, и, закидывая передними колесами, а потом и задними колесами тех, кто шел позади меня, я начал гонку. Своей нетерпимостью ввел суматоху на поддонах, они качнулись от силы его зверя, который легонечко дал инерцию с другой стороны волны. Что повлияло – несколько поддонов изгибались, как змеи, но быстро выровнялись под давлением волн. Облако пыли, песка и грязи я оставлял своим преследователям, огромными колесами отправляя в гонку слои почвы. С чем соприкасались шипы – всюду оставляли след о себе. Гранитные мелкие выступы, которые были скрыты под слоем песка, откалывались и, превращаясь в крошку, смешивались с песком. Наблюдая за участками трассы и следя на экране за точкой, которая пробилась сквозь небольшие холмики из камней. Включив на экране таблицу, Гриша видел номера и прозвища; не имея прозвища, участник оставался безликим номером своего порядкового номера. Первая десятка была вся с прозвищами, он посмотрел первые три. Лидировал Гриша, после шел в минуте отставания «черный тайфун» с номером триста сорок семь, и, совсем не отставая от него, даже иногда обгоняя, шел «черный дельфин» под номером один. Куда кто ехал и как, Гриша не знал, его выдавала только пыль, которая подымалась от колес белоснежного монстра. Но туман мешал другим участникам следовать за ним след в след. Участок с прибрежной системой закончился, вдалеке виднелись высокие горы, на них надо было ехать и находить самому путь для следующего этапа. Находясь словно внутри крепости, окруженной хребтами гор, вся Антарктида представляла из себя чашу. На старте он заметил несколько машин-амфибий, вероятно, используя теплый климат летом в Антарктиде, они планировали проплыть участки. Что же – это безопасно, но это не мой вариант, мой вариант был только основан на четырех колесах, которые вгрызались в камни, которые так и мешали проехать. Не огибая гору и взбираясь в нее, несмотря на то, что джип был огромен, но был легче многих, которые, увешав свои машины броней, становились жутко тяжелыми для горных троп, которые мы, изучив множество карт, нашли, надежда была на то, что проскочим вперед них, склоны были очень нестабильны. Могли не дойти до первого этапа, могли сверху попасть под оползень, а могли и сами его спровоцировать. Так что риск был очень большой, по нацеленному маршруту прямо на моих глазах случился камнепад, закрыв участок дороги, который на карте выглядел многообещающим. Передний бампер коснулся груды камней, которая была выше джипа раза в три. Назад был не вариант возвращаться, иной маршрут не рассматривали. Чтобы победить, надо было двигаться самым опасным и безумным из их. Выцеливая на экране огромный камень, Гриша выстрелил из-под капота стрелой, за ним тянулся трос. И, воткнувшись в камень и натянувшись, помогая колесами, стал взбираться на валуны, почти порой в девяносто градусов зависая и чувствуя, как новейшая лебедка с трудом затаскивает его трехтонный джип. Плюс тонна бензина, который, зная прожорливость своего двигателя, запас и залил во всевозможные потаенные места. Топлива никогда не бывает мало, как сказал Грише один из мастеров, который внедрял все системы. Подъем закончился, и впереди был спуск, который с трудом смог преодолеть. Машина падала на днище, подымая на максимум подвеску, и, пользуясь лебедкой, только под конец он понял, как ему надо было поступить. Но, спустившись удачно с горы валунов, набирая скорость, двигался дальше, отслеживая по навигатору, куда он вообще едет. Сверху

себя он не видел ни одного дрона, и это его немного беспокоило. Все же было бы поудачнее, когда за тобой наблюдают и в случае чего тебе смогут помочь. Гриша был лишь средством для координации движения, даже скоростью не владел, педаль газа порой на ровных участках влипала в пол, и хлопки из выхлопной трубы сопровождали тряску и неровности его пути. Кто управлял монстром и кто вообще хотел выиграть, он не осознавал, туман в голове, страшно тошнило, голова кружилась, спина и все части его молодого организма взрывались. После каждой встряски, когда выпадал относительно ровный участок дороги, он рождался заново. Погибал на каждом страшном повороте, каждая груда камней, куда влетал на полном ходу, убивала весь его детский мир, в котором он до сих пор жил. Перерождался во что-то большее, что было выше жизни. Но дракон, на котором катался, не отпускал в данный момент его сущность, как некий дьявол, которому он продал душу, он тянул его за собой. Не убивал, но страшно калечил его душу и оставлял тело в разбитом состоянии. Порой разгоняясь и бросая случайный взгляд как бы со стороны, где еду и как еду, не понимал, как могу там проехать и на скорости, которая превышала даже какой-либо смысл. Огромной глубины каньоны выросли с обеих сторон, страшная волна поднялась вверх, залила капот, дворники с трудом справлялись, не видя дороги, а лишь по теням, которые отражались от фар, мчался куда-то вдаль. Где четким контуром на навигаторе была выведена линия хребта, вдоль которой летел, мчался, полыхал. Позади виднелось только облако черной воды, которая, смешиваясь с каменной крошкой, теряла свой ледно-прозрачный цвет. Удар под днищем был такой силы, что он и его машина подпрыгнули, но она не встала, но что-то сильное держало, не давая продвинуться вперед. Машина плавно зарывалась в грунт, не имея возможности выехать, огромный валун преградил путь. Спрятанная под толщей воды эта глыба могла приглушить его амбиции, не видел, как попал в эту ловушку. Лебедку невозможно было зацепить, края каньона были из мелкого гравия, в который пика влетит, как в масло, но и не выдержит многотонную машину. Но и разворачиваться нельзя. Сжав руль двумя руками и плавно вдавливая педаль газа, рев и грохот раздался из трубы, что-то еще мощное зарычало под капотом и понемногу двигалось, словно большой карьерный бульдозер. Катил этот валун, спереди виднелись волны, в паре метров от капота подымалась спереди груда грунта, который все возвышался и возвышался, закрывая хоть какое-то видение на дорогу. Колеса передние стали за что-то цепляться, и, вдавливая педаль еще сильнее и сжимая руль обеими руками, вырвался на валун, он больно ударил по днищу и плавно скользнул вниз. И далее продолжил по этому ущелью, и небольшая горная река его тащила куда-то вниз. Смотря на навигаторе свое местоположение, он увидел, что едва заметно отклонился на запад. Видимо, толкая камень, проскочил поворот, который был такой крошечный, что едва мог туда поместиться. Эта была река, и течение усиливалось, его уже тащила, почти не управляя машиной, только колеса крутились и увеличивали скорость. Вдруг почувствовал, что отрывается от дна и что толща воды выдавливает его кверху. Огромные обороты двигателя выли, как на стенде, не испытывая ожидаемой нагрузки. По краям образовывалась белая пена от бесполезно вращающихся колес. Где-то метрах в ста прямо по курсу были заметны брызги. Если заторможу и попытается вырваться с помощью лебедки, его развернет, в голове промелькнула мысль. Стены свисали все с тем же мягким грунтом, закрывая почти собой весь свет, которого и так было немного. Свет от фар уходил под воду, немного подсвечивая воду, которая была прозрачная и чистая спереди, а позади оставалась лишь белая пена. Фонтаны воды как-то странно уходили под днищем и выбрасывались ровной линией сзади, словно у машины стоял мотор от лодки. Смотря в боковые стекла, виднелось, что происходит, в боковые зеркала была видна волна, которую оставлял за собой, белая и бултыхающаяся, словно шапка молока, которое закипело. Спереди рассмотрел, как вода стекает между двух камней, которые слегка были скрыты водой. Своим бампером ударил их, скорость и прочность не оставили им шансов, они оба скользнули вниз. Гриша удар ожидал сильнее и, закрыв один глаз и сжав плотно челюсти, упал вниз.

Кругом – брызги, вода падала ему на крышу, что помогло не вонзиться тяжелым носом в дно. Хотя и запасы его топлива не давали такого дисбаланса между обеими сторонами машины. Всматриваясь через нахлынувшие волны, куда его несет. Один навигатор помогал, отображая с задержкой, которую постепенно вычислил, тренируясь на разных скоростях. Впереди ждал изгиб, вероятно, в который влечу боком, и его может затащить под воду. Но знал, что его дракон не любит воды и не позволит утонуть. Сжимая руль и вдавливая все сильнее педаль, волны скрыли его машину, немного было видно вверху переднее стекло, в которое можно было посмотреть, не будь он туго стянут ремнями. Вырулив в обратную сторону от поворота, что почти развернуло, он резко вырулил почти перед самым изгибом, и резко качнуло на волне, подняв край машины высоко вверх, а низ, чувствовалось, как в тот момент коснулся дна и встретил долгожданную опору. Двигателю с лихвой хватило мощности обойти по дуге, не коснувшись краев берега. Двигаясь так же, боком, и пытаясь вырулить, его стало кренить и пытаться перевернуть. Так как центр тяжести был погружен большей части в воду. Но, отпустив руль, он за мгновение выкрутился и выпрямил колеса, и все так же, не отпуская, а только усиливая давление на педаль. Выровнял машину, не испытывая страха и никаких эмоций. Они куда-то растворились, трепет, страх, адреналин пропали. Не думал, а лишь повиновался инстинкту, и руль делал то, что тело приказывало. Так и тащило далеко вниз, описывая повороты и падая с небольших порогов, вскоре добрался до заметно тихого течения. Но течение было не так страшно, его волновал берег, который был бы способен выдержать вес его зверя. Но тут увидел, что берег почти пологий, не уменьшая оборотов, а только выруливая передними своими винтами, коснулся шипами грунта и немного зад машины, поддаваясь течению, выровнял, позволил его вывести на берег. Не останавливаясь и примерно проложив маршрут уже сам и за несколько секунд, которые он мог хоть что-то осознать. Поехал на восток, ориентируясь только на свою интуицию. Навигатор порою десятками километров не был ни разу удостоен взгляда. Осознавая, что он отстал очень намного и не сбавляя скорости. Хотя эту скорость его машина и не сбавляла никогда, педаль тормоза даже ни разу не нажата была за все время, что он в гонке участвовал. Гриша в пути был порядка шести часов. Дворники с трудом справлялись с камнями, которые летели от его же колес в стекло. Звонко щелкая по стеклу и оставляя только пыль от себя, страдали сильнее дворники, чем стекла. Двигаясь по хребту, увидел, что внизу дорога, посмотрел на навигаторе – точно, это была дорога, даже та, по которой ранее гоняли участники. Не надеясь, что она будет такой, какой он желал, все же съехал вниз на полной скорости с почти отвесного склона, бампером пробороzdил небольшую выемку и, вероятно, его погнув, полетел дальше. Что-то скрипело у него на каждом повороте, управление было какое-то непонятное: в одну сторону поворачивал хорошо, в другую не мог и, выходя из этой ситуации, раскачивал машину и почти опрокидывал ее на каждом повороте, заходил таким образом в поворот. Первая достопримечательность была увидена – ржавый кузов от грузовика. Он стоял почти у самого обрыва у дороги, проехал возле него и, кинув взгляд на него, увидел сидящее под ним белое существо, смотрящее вслед проезжающей машине желтыми глазами. Оно протянуло руку ему вслед, но увидело в ответ только пыль и камни, которые летели в его сторону. Рокот мотора заглушал ее возможные крики. Рассмотреть он лучше не смог, но вспомнил про брошюрку, на которой были показаны они и некоторые записи с ними с прошлых гонок. Но видел запись про своего отца, когда мама оставила телефон на столе в тот же день, когда отца не стало, увидел сам причину ее слез. Она испугалась, что ему будет плохо. Но он молча положил телефон и вышел на улицу, там до вечера сидел возле пляжа и смотрел, как несколько человек играют в волейбол. Его, вероятно, как-то отвлекло это, хотя, когда шел домой, ему слезы накатывались на глаза. Но, отвлекшись тогда, не заплакал и, как только хотел заплакать, что-то случилось, что не мог плакать, а отвлекался на произошедшее. Всматриваясь в грунт на дороге, не обнаружил следов. Если я не ошибался, то финиш первого этапа был через километров пятьдесят. И если шедшие

за ним поехали другим путем, то явно сделали глупость, раз решили себя обезопасить таким образом. Но следов не было, как ни всматривался, и подозревал, что едет первым по этой дороге. Не забывая голову, куда и как они поехали, «белое облако» делало свою работу, только пыль и скорость были его союзниками и конкурентами. И изредка встречающиеся валуны, которые словно специально были положены на этой дороге. Одной стороной почти свисая над пропастью, пролетал эти участки. Вероятно, двигаясь с меньшей скоростью, его бы стащило туда, вниз, и пропал бы он, как и тот водитель грузовика. Но скорость удивительно, но помогала ему. Заметно и помогали мощные зацепы, которые цокали металлическими шипами по граниту, которого тут было великое множество. Их звук был слегка слышен, почти вообще шумов не слышал, а знал, что рев и цокот оттого, что когда испытывал монстра. Но не было тут такой шумоизоляции, как теперь, которой его обтянули весь корпус. Кроме внешних признаков, что это когда-то был джип – в далекие годы нефтяного бума. Остальные все технологии новейшего типа были внедрены и умело поставлены именно в нужные узлы. На одном из поворотов все так же, с неработающим в одну сторону поворотом, он слишком резко повернул в другую и, до конца не выровнявшись, съехал двумя задними колесами вниз, четко услышал, как днище машины упало на камень и задние колеса болтаются без сцепления. Его капот смотрел прямо в стену с гранита, и вывернуть руль в нужную сторону он не мог, а в обратную надо было сдать назад, так как габариты были явно не в мою пользу. Но решение было принято за меня: передние колеса, вырывая куски грунта, выволокли его прямо на стену, и передний бампер скользнул по стене и, повинуясь силе и инерции, выпрямил в нужную ему сторону. Крутанув резко руль, он почувствовал, что может управлять теперь обоими передними колесами и чуть не слетел в ущелье. Уходя на узком участке пыльной дороги и с одной стороны имея отвесную стену из камня, который по своей прочности был явно крепче множества известных, и с другой стороны – обрыв, на дне, которого были раскиданы огромные валуны, острыми краями смотревшие вверх. Осознавая разумом, что ушел в неуправляемый занос и что выруливать на машине, у которой четыре колеса ведущих, нет никакого шанса. Грише оставалось делать одно: как всегда, стал вдавливать педаль ниже и ниже, крепко сжимая руль обеими руками. И это помогло: краем зеркала коснулся стены, но не повредил его, а слегка поцарапал покрытие. И вся мощь под капотом его снова и снова спасла. На скорости выходя из поворота, влетел передними колесами в размытый участок. Передний бампер все так же воткнулся в грунт, и задние колеса на несколько секунд застыли без сцепления. Передние колеса сами тащили вперед его зверя, словно гимнаст, который ходит на руках, дракон сводил на аттракцион. Передние колеса вцепились в грунт настолько сильно, что не давали возможности задним соприкоснуться с камнем. Бампером сгребая все маленькие камни и шоркая по основанию каменистой плиты, проехал так пару метров, и его задние колеса наконец-то соприкоснулись, и былая серьезность вернулась к хищнику. Было заметно, что гимнаст из него был так себе, ему больше шло с разгону разбивать камни, чем жонглировать ими. «Белое облако» спустилось с горы и, видя недалеко первую отсечку, – вот и все, несколько километров, и первый этап завершится. Панель с позициями первых мест он не включал, до этого не было времени смотреть, какое место кто занимает на трассе. Он знал, что не первый, но надеялся, что не отстал надолго. Колеса коснулись песка, и он немного расслабился, не стал как совсем сумасшедший лететь к финишу, а стал как немного больной мчаться. Все же понимая, что и секреты своего монстра не надо открывать, пусть хоть и проиграл. Сверху стали летать вертолеты и дроны, описывая различные фигуры и порой замирая над самой крышей. Машина покачивалась на мелких неровностях и стремилась вперед, скрываясь в пыльной крошке. Впереди увидел что-то наподобие крепости, вокруг нее был вырыт ров и наполнен водой, к нему шли два моста, которые, как в древних крепостях, подымались вверх. Ров был метров двадцать пять, а может, и тридцать в ширину, и сразу за ним была стена из металлических пластин. На стенах стояли вооруженные люди, и через

десять метров были ввинчены башни от старинных танков. Подъехав поближе, было видно лучше, что это не просто стены, а корпуса танков, поставленные стоя и скрепленные между собой. Кто-то явно переусердствовал с обороной. Гриша уже подъезжал к базе, несколько танков стояли на дороге, и возле них крутились люди. Он не хотел снижать скорость, но увидел несколько человек: один из них держал клетчатый флаг, и буквально в сорока, а может, и в пятидесяти метрах от них протянута полоска от двух столбиков. Человек увидел его и, заметив, что снижать скорость он не намерен, стал посреди дороги и начал махать флагом. Гриша повиновался ему, снизил скорость и на километрах восьмидесяти проехал через эту ленточку, разорвав ее и оставив человека с флагом позади, скрыв танки и всех стоящих за стенами людей в пыльном облаке. Сразу после финиша увидел платформу, на которой обеззараживали и мыли машины полностью автоматическими устройствами, напоминая собой классическую автомойку автоматического типа, только с промывкой внутренних деталей кузова. Заехал туда, и мощные струи соленой океанической воды стали смывать с джипа грязь и возможную заразу, которую он мог принести. Эта процедура продлилась не больше минуты, настолько автоматика и напоры воды были сильные, что любая встреченная пластмасса могла разорваться от этих струй. Человек в синем махнул рукой в сторону ворот, которые были закрыты, и «белое облако» поехало по раствору, который скрывал машину почти по окну. Заехал на мостик, и, проехав до его середины, ворота открылись и впустили. Сотни вспышек осветили его, и, затемнив стекло на шлеме, он не выходил, пока пролетающие почти над его крышей дроны и вертолеты, всюду мелькавшие перед глазами, поднялись выше создаваемых пыльных потоков от лопастей. Через затемненный шлем вспышки не резали так глаза, множество журналистов старались окружить машину и готовились напасть на него с вопросами. Отъехав в сторону и припарковавшись метрах в десяти от скопления людей, пилот расстегнул ремни и открыл дверь. Не успел снять шлем, а к нему уже стали подбегать люди, сидя еще в сидении. Стараясь отбиться от всех и скорее уйти к себе в номер. Но как тут уйти, когда десятки человек желают задать вопросы, на которые он и сам не знал ответа. Среди этой толпы людей и непонятных вопросов раздался очень громкий возглас, почти крик: «Пилот устал, все вопросы на пресс-конференции, кто будет настаивать, отправится на большую землю. Вам всем понятно, господа журналисты?» Ответа не было, а люди стали расходиться, не желая с этим человеком пререкаться. Подошел человек, который на старте и на финише махал флагом, и, подав ему листок бумаги, сказал: «Поздравляю «белое облако». Протянул руку и, обменявшись рукопожатиями, протянул листок, Гриша расписался и, несмотря на то, что подписывал, а только когда отдавал листок, заметил, что там была одна надпись «пятьсот семидесятый, «белое облако», первый этап, первое место. «Первое место?» – спросил, не понимая. Человек хмуро и явно с раздражением ответил: «Да, а ты ожидал другого результата?» И его раздражение немного поубавилось, и огоньки в глазах заблестели. Гриша откинулся в кокон сидения и, не веря своим глазам, не понимал, как так произошло. И странности продолжались: главный судья был без защитной маски, и часть охраны так же не надевали их. Только словно издеваясь над журналистами, все были одеты в защитные биологические скафандры. Ему показали его место в боксе, заехал в него, он был совершенно пустой, проехав по нему, и попал в персональный отсек. Все же хорошие правила были придуманы организаторами, все лавры оставались для первого места. Это его радовало, и он мог не беспокоиться за мелкие детали, которые пострадали. В боксе сидели мастера и, увидев заезжающую машину, встали и обступили ее со всех сторон. Гриша вылез из машины и начал захлопывать дверь, его остановил один из мастеров с курносым носом, с покрытым веснушками лицом: «Теперь мы сами, можете идти отдыхать». – «А вам не надо сказать, какие были проблемы?» – поинтересовался с желанием помочь Гриша. «Нет, не надо, мы сами все починим и проверим все узлы», – ответил ему тот же мастер. Гриша, уповая на их мастерство, ничего не мог с этим поделать, сказали, значит, организаторы

молодцы. Оставил машину там, пошел отдыхать и готовиться к следующему этапу, в руке держал небольшую сумочку. Также проводили до его номера, который был очень близко расположен к боксу с машинами. В комнате светил приглушенный свет, освещая только центр комнаты, по краям которой были стол, пара кресел и кровать. За дверью справа была ванная комната, не теряя времени, Гриша пошел туда, скинув с себя амуницию. Сквозь соленоватые струйки холодной воды кто-то постучал. Накинул халат и, вытирая волосы, пошел к двери, открыл дверь, и перед ним стоял человек, который его встречал на финише. «Что вам надо, судья?», – поинтересовался с немного обеспокоенным лицом Гриша. Человек немного улыбнулся и монотонным голосом ответил: «Интервью надо дать». – «Какое еще интервью? Я устал и хочу отдохнуть», – уставшим голосом произнес Гриша. «Ну же, перестань, тебе незачем ссориться с главным судьей», – улыбался, смотрел на него мужчина. Гриша с большим нежеланием повинился ему, ссориться реально не хотелось ни с кем тут, на базе. «Хорошо, сейчас оденусь». Закрыв дверь и стал надевать новый комбинезон. Открыл дверь, и вышел человек, стоял рядом с дверью и что-то перелистывал в планшете. Увидев пилота, он пошел по коридору, пилот последовал за ним молча, они шли, коридор был светло-серого цвета, сливаясь в один цвет стены с полом, наверху вдоль стены светили диодные фонари. По краям коридора располагались двери, на которые были нанесены цифры с номерами машин. Они дошли до двухстворчатой двери, судья вошел первый, за ним последовал участник. Он стоял посреди большого зала, который был заполнен множеством журналистов и слепил его вспышками. Хотя освещение позволяло им не пользоваться ими, да и камеры были очень хорошие, с разными функциями. Зажмуривая один глаз и идя к месту, где на небольшой сцене стояла тумба с несколькими микрофонами, он встал за нее, и судья стал позади него, держа в руке микрофон. С трудом отвечая на первые вопросы, их было примерно с десяток, Гриша уже хотел уйти. Но они все продолжались, судья выбирал из зала, кто задаст вопрос, и они продолжались, уже в голове была тяжесть, и, ответив на последний, он ушел со сцены. Но желающих руки не исчезли все из вида судьи, который имел свой интерес на его рассказы и объяснения. Понимая, что силы его уже заканчиваются, Гриша вышел из зала, и за ним последовал судья, что-то сказав в зале напоследок корреспондентам. Закрывая за собой дверь, судья в которую за ним никто не последовал. Окликнув «белое облако», он стал на месте и, сравнившись с ним, положив свою руку на плечо, судья больно сдавил его, вызвав острую боль по всей руке. Гриша опешил от негодования, он хотел вырваться, но он был сильнее его, и, прижав своей рукой, он не смог даже вывернуться. Скалясь улыбкой и смотря на него яростным взглядом, человек сказал: «Ты будешь отвечать на столько вопросов, на сколько я тебе скажу, ты меня понял, сынок?» – «Я тебе не сынок, и я не обязан вообще отвечать на вопросы их. В регламенте правил сказано». Но удар в живот оборвал его слова. Скорчившись от боли, он согнулся пополам, и, не имея возможности говорить, он только слушал, что ему говорил человек. Склонившись немного и смотря на его лицо, которое корчило от боли, как он жадно двигал губами, подражая дыханию рыбы в безводном пространстве, прошептал: «Ты тут под моей властью, если я скажу прыгать, ты будешь прыгать, если скажу проиграть, проиграешь». И, взяв того за волосы рукой, поднял и посмотрел в лицо. «Я тебя собственноручно убью, сынок, если не будешь меня слушаться, тебе никто не поможет, я тут царь, и это мое царство. И не рушь мой бизнес, каждый заданный тебе вопрос округляет мой банковский счет на миллион». И, отпустив волосы и отвесив напоследок удар в корпус, от которого Гриша покачнулся, но все же остался на ногах, пошагал по коридору. Гриша жадно хватал воздух, он с трудом дошел до своей комнаты, упал на постель и уснул. Сон длился так недолго, и, с трудом открыв глаза от звука, который будил его и даже сквозь смертные потуги смог бы оживить или прикончить любое живое существо с ушами. На экране вспыхнула надпись, сопровождаемая звуковым сигналом. Несмотря на надпись, он поднялся и, понимая, что ему плохо и что-то болит в боку, пошагал к своему боксу. По коридору прошло несколько

человек, вероятно, из персонала базы. Он не всматривался в них, а только шел и старался не показывать, что ему больно, пытаюсь настроить себя на участие в гонке. Он дошел до бокса, возле его машины стояли двое, скрытые шлемами их лица, они отдаленно напоминали людей, которые старательно готовили его к выезду, не успев подойти к машине. Один из них подошел к нему и мощным ударом в корпус отправил на пол пилота. Другой вальяжно подошел и мощным пинком перекрыл все дыхание. Раскрывая рот и пытаюсь захватить остатки воздуха, он продолжил получать удары ногами, и, когда он, уже находясь в состоянии, когда в его глазах наступил туман, те двое вышли из бокса. Гриша валялся на полу бокса и, преодолевая себя, с трудом встал, согнувшись и держась за бока обеими руками, подошел к машине и, оперевшись одной рукой за капот, нагнулся еще сильнее и, простояв немного, пришел в себя. Сделав первый шаг, он упал возле колеса на одно колено и, держась за крышку, попытался встать, но ноги не слушались его. Простояв так немного, он все же сумел подняться и маленькими шажками последовал в кабину. Залез в сидение и, включив зажигание, стал застегивать ремни, но включенные системы отразили на приборной панели неисправность двигателя. Нажав кнопку, капот щелкнул спереди, преодолевая себя, он направился к капоту, хватая воздух ртом и не чувствуя, что сможет произнести даже звук. Открыв капот, он увидел ужасную картину: вся верхняя крышка была откручена. Взглянув на часы, которые были на кисти его наладонника – до старта было десять минут. Он почти час не мог прийти в себя – ужас, он не сможет в свое время выехать, а на этом этапе они будут проходить город нелюдей, если он не проедет его первым, то потом его шансы равны нулю. Его машина не готова к встрече с этими монстрами. Но надо было что-то делать, вспоминая регламент соревнований, он вспомнил, что можно перенести свой старт на после, заплатив при этом немалую сумму. Делать нечего было, он направился к кабине и, нажав несколько кнопок на дисплее, отменил свой старт на неопределенное время. Сев на сидение и сняв с верха туловища комбинезон, достал за своим сидением сумочку. Вытащил из неё два шприца: один был оранжевого цвета, другой – черного. И вколол сначала из оранжевого несколько выстрелов лекарства в места на теле, которые больше всего болели. Он стал доставать из сумки пояс, завел его за спину и приготовился к боли, которая сейчас начнется от его стягивания. Закрыв глаза и стиснув зубы, приготовился, словно змея, обвинившая свою жертву, медленно, но сильно стянуло его корпус, и он с выступившими слезами из глаз открыл их. Он увидел девушку, которая в зеленой форме с голубыми вставками по краям смотрела на него. Она смотрела через окно пассажирского сидения и видела только его лицо, она, видно, только что подошла к его двери, встав на что-то, смотрела на его. Она открыла дверь и села на сидение. Она хотела что-то взбешенно сказать, но увидела, как багрово-фиолетовые подтеки покрывали его правый бок, они шли почти с бедра, терялись под повязкой, подымались до грудной клетки. Девушка хотела дотронуться до его руки, которая была на подлокотнике, но Гриша нерезко, но не одернул ее, положив на ногу. «Это кто с тобой так?» Но в голосе чувствовался тот темп, который был не под этот вопрос. «Ничего, тебя не касается это», – холодно ответил, сжав зубы, и стал стягивать еще сильнее себя поясом. «Давай помогу тебе». И протягивая руки к поясу, но, не успев довести их к краям его, она услышала: «Тебе на старт пора, «черный дельфин». – «Скажи кто, я помогу, у меня отец организовал эти гонки». Смотрела на его измученное, слегка белое лицо. Он не ответил ни слова, а только стянул пояс и, еле сдерживаясь, промолчал. Она не стала настаивать и вышла из машины, он не смотрел ей вслед, но она, дойдя до двери в основной бокс, кинула на его взгляд и молча ушла. Он кое-как натянул комбинезон и, взяв коробку с инструментом из багажника, двинулся на починку. Бока стали немать, но все же резкие движения ему были трудны и больны, стараясь резко не двигаться и в каждое движение вкладывать максимум действия, он чинил машину, закрутив все болты и гайки. Он уделил немного времени оставшимся агрегатам, осмотрел и, обнаружив под самым днищем несколько незаметно открученных болтов, затянул их. После проверил топливо и,

убедившись, что в основных баках его нет, а про секретные сосуды они не догадались, был рад. Переключив баки на подачу из вспомогательных и опасаясь, что топливо плохое, он все же залил до краев основные баки. И, обойдя по кругу машину, убедился, что исправна и надо ехать. На его таймере уже было как полтора часа отставания, речь о победе не шла. Основная группа, вероятно, доехала уже до городка, и ему достанется самое сложное. И объехать его никак, он надел шлем, затемнил его и выехал из бокса, в боксе еще оставались участники, но уже сидевшие в своих монстрах. Несколько десятков стояло с заведенными двигателями. Но его пропустили без очереди, никому не хотелось схлопотать штраф с шестизначными нулями. Да и к тому же его уже не воспринимали как за соперника. Он показался на стартовой полосе, уже было отставание час сорок. Судья, всматриваясь в непроницаемый шлем, сказал на недалеко стоящую камеру, внимательно снимавшую его: «Белое облако», я тебе десять минут списываю, твое отставание – девяносто минут. Желаю удачи», – и хлопнул по двери машины, где была нанесена цифра пятьсот семьдесят. Загорелся зеленый сигнал, и он поехал, сжимая на каждой кочке челюсти и разгрызая губы до крови. Машина, освещая фарами свой путь, кралась сквозь каменистые выступы, которых по сравнению с вчерашним этапом было заметно меньше. Но все же их было много, и только изредка ему виднелись огоньки машин, которые он не мог догнать. Голова кружилась, и глаза слипались от принятого лекарства. Рядом лежал черный пистолет с лекарством. Он снял шлем с трудом одной рукой, и, освободив участок на шее, он взял его в руку и на мгновение прикрыл глаза. Понимая, что настало время, он ввел инъекцию в шею, и во рту стал четкий сразу вкус полыни. Глаза с трудом открылись, множеством отблесков вокруг всплывали. Но, найдя в себе силы, он пересилил себя и, в то время как он принимал лекарства, сбоку от него из-за нагромождения валунов выехали несколько огней, которые светили ему вбок, и сквозь рев мотора и гул камней из-под колес донеслись четкие щелчки, и впереди освещенное им пространство отразилось небольшими искрами в камнях, от которых отлетали небольшие куски этой твердой материи. Что-то щелкало по бокам машины, и, пытаясь убежать от попаданий, он вдавливал педаль газа сильнее, но дорога сливалась, и его огни не справлялись с темнотой, которая была разбавлена пылью. Впереди его недалеко шла чья-то машина. Этот участок был достаточно узок, чтобы две машины могли разехаться, и протяженность его была несколько километров, с небольшими расщелинам по краям. Его видимость упала до нескольких метров перед собой, ориентируясь только по навигатору, он рискнул и полностью потушил освещение свое возле небольшой расщелины, и, пройдя возле нее, он направил заднюю часть машины в ее сторону, снабдив небольшое ущелье обильной порцией пыли. И, слипшись почти с еле различимыми точками, он двигался, словно тень. Вжимаясь в кресла и испытывая глубочайшее перенапряжение, он вел машину, сердце билось, и мозг давал команды, что сейчас может отключиться. А впереди был поселок, населенный тысячами монстров, которые без труда могут разорвать его джип на куски своими монструозными конечностями. Сзади выстрелы стихли, по крайней мере, огней он больше не видел от фар и от выстрелов. По навигатору отрезок его уже почти окончился, и он, просматривая внимательно карту, хотел уйти вправо, наконец-то включить фары и спокойно постараться проехать. Выехав из тени машины, он незаметно скользнул и вдоль небольшого холма в нескольких километрах вышел на относительно ровный участок и стал вдавливать в пол газ. Он ехал не сильно быстро, каждый удар усиливался в разы в его теле. Лекарство только лечило, а болеутоляющие, введенные несколько часов назад, не помогали ему уже. Но если он введет их снова, то может умереть, сильнодействие их было очень велико. Приходилось терпеть и красться между изгибов, которые он изучал. Черные камни встречались и там, и тут, он уворачивал машину под колесами, чувствовался твердый грунт, который, подобно камню, был тверд и неподатлив для колес, которые прыгали и проминались от их количества на повсеместной территории. Этот этап почти весь проходил через горы, поднявшись на первом гористую местность, теперь они спускались в долину,

у подножья которой было несколько озер, и по большой дуге они должны обойти два озера, и у подножья одной из гор на востоке оканчивался этот этап. Сейчас же он двигался на запад, пытаясь спуститься как можно быстрее и пройти участок, который он не хотел проходить. Увиденный монстр теперь его пугал, и он не чувствовал в себе прежней уверенности. Слабость психологическая давала о себе знать, он до этого не принимал такие важные решения. Но теперь посреди этой глуши он уже начинал бояться, детский максимализм уходил, он вообще теперь сомневался, что он способен на это. Да и деньги ему не нужны, и слава – все это мелочи, которые были ему далеки. Единственное, он не любил быть ответственным за что-либо. Но теперь он был ответственен за многое и, прежде всего, за свою жизнь и за обещание, которое он дал. Но чтобы его сдержать, ему надо добраться до финиша всей трассы. На карте все казалось проще, чем сейчас, возможно, это усталость в нем говорила, а может, он и без этого уже осознавал где-то в душе глубоко, что его затея окажется невыполнимой. Вдали показались очертания небольшого поселка, он еще скрывался в темноте, но его границы и черты зданий были четкие. Описывая огромный валун по большой дуге, его фары скользили по нему и из ночи вырвали несколько машин, которые смотрели на него своими выключенными фарами. Через несколько секунд, пока он подъезжал им навстречу, они один за другим включили фары, огоньки заблестели возле их капотов и на крышах. Легкая борозда коснулась его кузова, стараясь уйти от попаданий. Он смотрел по сторонам, но не было нигде обходного пути, с другой стороны валуна выехала грузовая машины и, освещенная прожекторами тех машин, заблестели турели в ее кузове. И, пытаясь навести их на него, другие машины огнем отпугивали от себя, стараясь вывести его под удар турели на грузовике. Оставалось делать одно: поехать в сторону, куда они его заманивали, он резко вывернул руль в другую сторону и, описывая траекторию разворота на месте, он на несколько секунд скрылся в небольшом облаке пыли, выстрелы стихли, и все замерло, прожекторами стараясь высветить его и узнать, где он сейчас. Но «облако» двигалось в их сторону, и несколько машин, стоявших на его пути, были смяты его монструозным бампером, который вырывал куски из их защищенных боков. Раскидав их по краям и проехав через них, он начал ускоряться, но чувства страха не было у него к ним. Лишь страх за то, что он не дойдет и что сдастся так рано. До города оставалось несколько километров, он уже видел первые дома, с другой стороны в него входили колонной машины, блестели яркие вспышки. Позади него было преследование, по огонькам от фар он насчитал с десятков машин, которые видели его огни и которые он не мог потушить. Кто бы знал, что ему задние огни не нужны будут, он ведь и не думал, что за ним будет охотиться кто-то, помимо монстров. Заехав в поселок и стремясь пройти насквозь по самой крайней улице через главный проезд, он выключил фары и, вжимая педаль в пол, ехал, несмотря на то, что впереди себя он видел, как колонной двигались машины. Но он проскочил улицу и, заехав за нею в проулок, углубился в самый край, где стояли ангары. Он заехал за один ангар, тщательно всматриваясь и стараясь не шуметь, его рокот двигателя сменился на легкое шуршание, которое скрывалось в гуле и вое участников, которые старались пройти быстро участок. Он заглушил двигатель и замер, прислушиваясь ко всему, что его окружало, он не заметил, как уснул. Глаза открылись, и он увидел, что дневной свет освещал его, он поднял глаза и, смотря в лобовое стекло, увидел перед собой груды железа, которая когда-то была гоночной машиной. На ней виднелись рваные следы, возле остатков капота была лужа крови. Он смотрел, и его рука тянулась к замку, но, не нащупав его с первого раза, он плавно водил рукой, стремясь быстрее завести машину. Стук по окну – и он замер и, медленно поворачивая голову, увидел страшные когти и руку, которая тянулась плавно к лобовому стеклу со стороны двери. Рука замерла, он медленно поворачивал голову и увидел вторую руку, которая цокала когтями по стеклу, на секунду он замер и, всматриваясь в руку, словно загнипнотизировался, но его ступор был выведен, страшное лицо всплыло у него перед глазами. Клыки, которые выпирали и были словно на пол-лица, глаза желтые, с белой каемкой по краям, которая

почти с цветом кожи сливалась, которая была похожа на цвет пепла, существо смотрело внимательно, не издавая ни звука, пилот смотрел на него. Его шлем не отражал его лица, вероятно, уснув, он случайно нажал кнопку сбоку и затемнил его. Скрывая непроглядным стеклом, которое лишь слегка ухудшало видимость. Существо смотрело на него, такое было ощущение, что оно смотрит прямо в глаза и не шевелилось ни одной конечностью, словно замерло, и порой было похоже на куклу, которую сделали довольно хорошо. Притягивала внимание, и хотелось рассмотреть ее, чувства ужаса не было никакого. Он нащупал пальцами ключ и, повернув его, загорелся слегка дисплей, и, держа вторую руку на подлокотнике, он нажал кнопку, которая мигом его скрыла от монстра, затемнив по кругу салон. Испутив дыхание и переведя взгляд вперед, решил и завел машину. Двигатель все так же слегка рокотал, и, посмотрев вбок, он увидел, что существо все так же на том месте, всматриваясь в боковое зеркало и выруливая задом. Блоки и куча мусора строительного были навалены на его пути, всматриваясь вслед своего заезда, он старался по нему вырулить. И, создавая как можно меньше шума, существо продолжало на него смотреть и внимательно всматривалось, словно видело его через стекло. Вырулив сквозь лабиринт обломков, он развернулся и не спеша двигался к главной улице. Существо стало активнее стучать когтем по стеклу, он старался не смотреть на него, но голова так и крутилась туда. Посматривая в боковое зеркало и видя его, он смотрел, и в один из моментов он засмотрелся и въехал в остатки от вчерашнего боя – разорванную, словно пополам, машину. Раздался скрежет металла, который отвалился и продолжал скрестись, зацепившись за его край бампера. Он в тот момент перевел взгляд на существо, и оно как будто нервничало. Смотрело по сторонам и, уцепившись двумя конечностями за зеркало, держалось и поглядывало в сторону пилота. Но спокойствие было недолгим, и, сильно сжав зеркало, существо дернулось в сторону, держа крепко его обеими руками. Машина легонечко качнулась, Гриша прижался к стене, со стороны которой было существо, и, проехав в каких-то сантиметрах от стены, хотел стряхнуть, но у него не вышло это. Существо лишь уклонилось и прижалось к двери, края зеркала не позволяли проехать ближе, а, начав складывать его, можно было потерять его. Он выехал на главную улицу, которая была усыпана горелыми машинами и лужами крови, обруливая все эти нагромождения. Он ехал беззвучно, не привлекая внимания к себе, существо все не прекращало попыток вырвать зеркало, лишь замирало, когда он вплотную прижимался к стене или к остаткам машин. Оно каким-то немислимым способом все оставалось и глядело на него. Впереди было много дыма, и, посмотрев по навигатору, что соседний перекресток его выведет на улочку параллельно главной, свернул и, проехав немного, вывернул на главную, которая через несколько поворотов закончится. Беззвучно двигаясь и не обращая внимания на попытки монстра вырвать зеркало, он ехал, обруливая взорванные машины, с которых пластины защитные были словно срезаны. Все дома были изрешечены от попаданий пуль. Засмотревшись на окрестности, которые встречались на его пути, он совершил поворот, и толпа монстров стоит и смотрит на него, педаль в пол газа – и, раскидывая их капотом, давя их колесами и волоча за собой, он ехал сквозь толпу, которая пыталась взобраться на его капот и закрыть ему весь обзор. Били по стеклам, цеплялись за все края, но не могли зацепиться за гладкие формы, несколько существ все пытались оторвать зеркала и дворники. Но дворники были глубоко спрятаны под край капота. Зеркала крепко держались на своем месте. Брызги фиолетово-черной субстанции покрывала капот и окна, постепенно скрывая из виду дорогу, которая уже была похожа на лишь смутное очертание. Контуры домов и машин сливались, только благодаря дневному свету он мог видеть; поехал он бы ночью сюда – остался бы, как и многие, здесь. Что-то заградило путь, куча трупов, лежавшая перед машиной, лишь слегка задерживала его. Вероятно, одна из машин была на его пути, но, стараясь не шуметь сильно, он забыл про своего спрятанного дракона под капотом. Две руки сильно сжали руль, педаль акселератора вдавливалась плавно в пол, толпа монстров, подобно водным волнам от скоростной лодки, разлеталась в стороны. Что-то

металлическое скользнуло по днищу, и, не замечая скопление впереди чего бы то ни было, его бампер раскидывал все, что ему встречалось на пути. Вглядываясь через загрязненное окно, он смотрел и в боковые стекла, пытаясь понять, есть там кто-то на капоте или нет. При малейшей оплошности он может потерять их, а дальнейшее приключение может и закончиться из-за этой неполадки. Проехав примерно с пятьдесят метров и поняв что-либо, он ими воспользуется либо въедет в стену. Несколько взмахов – и фон был таким же непроглядным, жидкость попадала на стекло, и дворники терли. Но эффект был обратным: последние частички стекла были напрочь замазаны мутной субстанцией. Надавливая на кнопку дворников, он все пытался отмыть ее, и через множество попыток жидкость все же пробилла участки на стекле, и дворники успешно оттерли. На капоте расположился слой, он была похож на кашу-смесь, пыль постепенно оседала, на нем по краям не было ничего уже видно. Городок оставался вдали, дальше было относительно ровно. На навигаторе сравнивал свой путь, который был проложен по дуге, и, немного отдалив, он краем глаза изучал: вот если бы тут напрямик проехать, то можно и несильно отстать на следующем этапе. Но там по отметкам – непроходимая местность. Может, рискнуть, в голове закралась мысль. Дальше изучая карту, он понял, что ему остается только этот путь, тут почти весь отрезок ровный; если он не рискнет, то его мечта ускользнет. Перевел планшет на участок, который был помечен как крайне опасный; он тыкнул по нему и, несколько раз нажав на сенсоре дисплея, проложил маршрут через него четкой прямой линией. Пески, в которых тонули все, кто на них ступал; черными крупными, подобными земле, был усеян этот участок. А тяжелый джип мог сразу погрузиться в него, и не проехав и пары метров. Но риск был везде, и, понимая это, уже более отчетливо решил рискнуть, уповая на мощь мотора и благосклонность этой пустыни. Сжимая руль обеими руками сильно, почти отдав все силы на это сжатие, педаль газа была сжата так, как никогда до этого, скорость заметно росла, и, видя уже хорошо заметное очертание границы песка и каменистого настила, влетел туда на полном ходу, огромные курганы песка возникли в том месте, все скрылось в темноте, не включая навигатора и снизив все электропотребления, оставив только двигатель и коробку. Чтобы даже малая часть не способствовала потере драгоценной мощности, на которую он так уповал. Было мгновение, что машина застряла, скрытая непроглядной толщей песка и видя перед собой только темноту. Обороты без подсветки не были видны, не было ничего не видно. Лишь слабое ощущение движения вперед подсказывало ему, что он движется. Груда песка двигалась по пустыне, подымая огромные тучи пыли и песка, разбрасывая на многие метры по сторонам и покрываясь еще большим слоем. Колеса вращались, словно в расплавленном масле, не ощущая зацепа, мощный двигатель рычал, глушитель плевался раскаленными песчинками. Красные коллекторы превращались в почти жидкую субстанцию, и их красная плоть доходила вплоть до самой крайней трубы. Грохот был страшный, ревело что-то жуткое под капотом, дракон, живший под ним, плевался пламенем, и грозило, что сейчас растает двигатель, как снежная фигура под летним солнцем. Так продолжалось достаточно долго; оставаясь в полном неведении на то, что сколько он проехал, и всматриваясь в компас, который был на панели у него, и ориентируясь только по нему. Машина стала постепенно снижать скорость, захлебываясь и неровно работать, явно засорились фильтры для подачи воздуха. Обороты плавно снижались, хотя почти вся мощь уже была высвобождена. Он находился в пустыне, которая, кроме как бесконечными и глубокими песками, не отличалась. Делать было нечего, а просто ждать, пока его колеса смогут коснуться твердого покрытия, вспоминая, что было указано на навигаторе несколько таких участков, но они были плохо отображены. По датчикам температуры она падала, и снаружи был туман. Стало заметно холоднее, включать обогрев в машине он не рискнул, а включить утепление в costume не мог, боялся отпустить руль. Лицо стягивало, и руки, словно две сосульки, были покрыты изморозью. Установленный корабельный барометр в его компасе явно был полезен. Отец словно знал, что он ему когда-то пригодится. Чудеса да и только, подумал он, штука своей древностью была почти

антикварной. Но она ему помогала сейчас, сидя в темной кабине и не включая систем, он знал погоду, температуру и куда едет. Стрелка его уходила вниз постепенно, так же, как и стрелка тахометров по миллиметру все ниже и ниже падала. По ощущениям машина двигалась километров двадцать, стрелка, конечно, закручивалась в километрах, который он и не всегда показывал на ровных участках. Удар вывел его из монотонного движения, он уперся во что-то, в памяти ничего подобного не всплыло. Он не помнил участок, где были бы горы. А валуны даже в метр высотой были для него не страшны. Машина стала закапываться всеми четырьмя колёсами, секунда – и все окончится. Молниеносно нажав на кнопку на руле, послышался щелчок, и лебедка заработала, мгновенно натянулась и создала усилие, которое не двигало машину вперед, а не давало закопаться. Постепенно задняя часть машины стала проваливаться в песок, перед тем самым подымался вверх, и машина стала взбираться на возвышенность. Поднявшись на выступ и не успев задержаться на нем, он снова скользнул вниз и, не отпуская педали газа и крепко держа руль, снова погрузился в песчаное царство. Раскрученная лебедка болталась где-то позади. Было бы правильно ее смотать, но руки с руля нельзя убирать ни в коем случае. Заметно стало легче идти, прислушиваясь к реву мотора, он различил бултыхание воды по его днищу. Но обороты все продолжали снижаться, немного отпустив педаль газа и мгновенно нажав на нее, он понял, что машина отзывалась на его усилия, пусть и не так резко, как ему хотелось. Надо остановиться и вылезти наружу, прочистить воздухозаборники. Снижая постепенно скорость, отпустив руль и придерживая его одной рукой, он включил навигатор, который не показывал этот участок трассы. Загорались надписи об опасности, и только такую информацию он получал. Понимая, что его может что угодно ожидать снаружи, решил приоткрыть окошко, но стеклоподъемник не мог опустить стекло. Жижа и множественные слои пыли создали почти монолит, который, затвердев, образовал корку. Также на его команду не ожили и дворники. Нажав на клавишу открытия капота и дернув ручку двери, уперся плечом в край, но это не вызвало никакого эффекта, только бока дали понять, что они болят. О которых он в процессе гонки позабыл. Рядом лежал шприц, который мог избавить его от боли, но, вколов его, он мог выключиться, а пока туман, у него оставался шанс проехать участок этот. Расстегнув ремни, перелез на пассажирское сидение, лег на пол и, нажав всем усилием на дверь, стал давать. Но это не вышло, сев на пол и думая, что делать, он вспомнил, что люк в его машине был рабочим. Может, через него получится вылезти. Нажав кнопку и одной рукой пытаясь помочь, открыть у него не вышло, он ни в какую не поддавался усилию. Помогая уже двумя руками и нажимая на кнопку с помощью ноги, у него снова не вышло. Не теряя надежды открыть дверь, он пролез с трудом к задним сиденьям и протянул руку к двери. Попытался открыть заднюю дверь, но это у него снова не вышло. Остальные тоже не могли открыться, тем самым он четко слышал, как обороты стали плавать и что, работая с переборами, вот-вот его машина заглохнет. В голову прокрались мысли прострелить стекло и вылезти, но он вспомнил, что его автоматом он не сможет даже поцарапать их. Стал думать, сполз к передним сиденьям, дергая за ручки и нажимая на кнопки, пытаясь вырваться из темницы. Но до него дошла одна мысль: а что если сделать так. И быстрыми движениями нажал несколько клавиш на панели, потом, найдя нужную функцию в бортовом компьютере, сел за руль. Сильно сжав руль и нажимая педаль газа совершенно в пол. Неохота – и чертыхаясь через глушитель машины взвыла, со стороны пассажира у него ревело страшно колесо, которое вначале, соприкасаясь с покрытием, вырыло себе канавку, в которую попадала жидкость и омывала дверь. Двигая кнопкой открытия и не переставая газовать и вращать одним колесом, у него стекло мало-помалу пошло вниз, прикрыв его и продолжив еще немного, оставил работающим двигатель, он перелез на другую сторону и нажал кнопку, окно не спеша опустилось наполовину. За сидением пассажира был небольшой контейнер, достал его и, кинув на пол, нашел несколько ножей. Темные, с армейской рукоятью, и, взяв их оба, высунул руку и стал отдалбливать, не жалея стекла, попадая по нему, и оно

звенело от попаданий. Стекло опустилось почти до отказа. Он вылез и, осмотрев местность, почти ничего не увидел: кругом был туман и заметно холодало вокруг. В комбинезоне был встроен обогрев, правда, он слабо работал, больше для отвода пота был приспособлен. Но иного пути согреться не было, он одной рукой схватился за зеркало и подтянулся к нему. Другой держался за ручку в салоне и, перекинув обе ноги, замер, пытаясь сообразить, что дальше сделать. Внизу была какая-то непонятная вода, открыв немного шлем, он чуть не задохнулся от запаха. И, закрыв его, держась одной рукой, включил проветривание в шлеме. Кислородный запас, встроенный в костюм, хорошо работал, и запаса его было предостаточно. С трудом пробрался на капот и немного провалился в субстанцию, которая всасывала его вниз. Перебирая ногами и раскидывая ими насыпанное на капоте, пытался очистить его от лишнего веса, немного раскидав грязь, просунул одну ногу в отверстие решетки бампера и, хорошо почувствовав опору, просунул вторую. Нашупал отверстие под капотом, отщелкнул его и, оттянувшись назад всем корпусом, попытался поднять его. Но это не удалось ему: слабость и боль мешали, чувствуя, что он не сможет дольше так стоять, что его ноги не могли держать его почти на носках. Он попытался и, несмотря на боль, немного приподнял его, опираясь одной ногой на бампер. Вторую ногу просунул под капот и опустил его на него и, не дав затечь мышцам, сделав пару вдохов, поднял его сильнее, помогая ногой, как это было возможно, нагнулся и засунул плечо. И, подымая его почти всем корпусом, забросил вторую ногу, и, работая ногами и спиной, он все же поднял капот. Упоры медленно спускались под весом, но держать было уже легче. Напрягая все мышцы и силы, он открыл его на максимум, упираясь ногами в три радиатора охлаждения. Ножи, которые были у него с собой, один всунул в отверстие, которое не давало капоту закрыться сильнее, и, опустившись на одну треть, тот замер. Трясушимися руками отсоединял защелки заборника, встреченные несколько болтов, не стесняясь, прорезал пластмасс ножом. Снял короб и, откинув его на голову двигателя, стал вытрясать полностью забитую систему песком, который спрессовался. Темный песок был везде, фильтр, который он достал, от нескольких ударов по нему рукоятью ножа рассыпался от песка. Турбины так мощно всасывали воздух, что лишь тонкая часть фильтра уцелела. Проедь он еще немного – и двигатель вышел бы из строя. Закончив с расчисткой системы, немного успокоился двигатель, тихо работал и не плавал уже от оборотов. Ножом отрезал трубку от заборника, а остальной короб выкинул. Приставил его назад, и, прикидывая в голове, как ему поступить, и, вспоминая, что у него из запчастей может ему помочь, он ничего не припомнил, да и думать у него много времени и не было. Вся его спина покрывалась изморозью, было очень холодно, он стоял несколько минут, а двигатель уже не отдавал тепла. Решение было принято, странно даже, что он сначала не решился на эту идею. Но все же решил послушать самого себя. Открыв шлем и сняв его, стараясь не дышать воздухом, он снял подшлемник и, зажмурив глаза, надел шлем и, включив вентиляцию, продолжил свое занятие. Надел на горловину приемника подшлемник и внимательно посмотрел, чтобы отверстие не сместилось. Стал натягивать на него трубку от воздухозаборника. С трудом натянул, пластмасса замерзла, и, закрепив его на пару защелок, прислушался к работе, работа была без изменений, двигатель не капризничал. Вылез из-под капота и стал пробираться к кабине, пролез в окно и, закрыв его, спокойно вздохнул, капот все так же стоял открытым. Сел за руль, стянул себя ремнями, проверил систему, поехал. Немного набрав скорость, резко затормозил, нож, удерживающий капот, выскочил или сломался, он не видел этого, и он закрылся. Потом, вспомнив, что он забыл оттереть лобовое стекло, но решил все же ехать вперед, прислушиваясь к журчанию воды под днищем и нажимая кнопку омывателя раз за разом. Он почти выехал уже с небольшого амиачного озера, когда перед ним предстал путь, лежащий по пескам. Стараясь развить максимальные обороты, он снова, держась обеими руками и вдавливая педаль газа, оживил дракона. Но машина ехала заметно лучше, тяги было предостаточно. И, понимая, что немного было глупо оставлять стандартный забор воздуха из-под колеса, хотя эти фильтры

не пропускали влагу, но вот насчет песка он не подумал. Но тогда не думал об этом он, да и всего не предугадаешь. Его путь все так же не спеша прошел, он выехал из песков, и ему оставалось немного до финиша второго этапа. Газ – в пол, рвя колесами камни, помчался дальше, ориентируясь по навигатору, теперь температура стала повышаться, и солнце стало плотно поддавливать своими лучами. Не обращая внимания, возле чего он проезжает, что там, где он так быстро едет, надо тормозить. Он проскальзывал небольшие речки и ручьи, которые встречались, он, не сбавляя хода, врезался колесами, бамперами. Треск, хруст, – по всей машине шли волны от ударов. Проезжая через небольшие бугорки, машина на них взлетала, больно билась днищем и все так же, не снижая скорости, показывала всю мощь двух безумцев. За небольшой горкой был финиш, заехав на нее, и, несмотря на то, что там был крутой съезд. Рванул по нему, стараясь еще сильнее разогнаться, где-то в долине с другой стороны была видна одинокая машина, которая уже при почти скрывшемся солнце последними лучами осветило. Цель была получена обогнать эту машину. Он съехал и устремился, словно лев из засады за антилопой. Въехал в его пыльный след и, не включая фар, преследовал, постепенно сокращая отставание и вот почувяв, что его прыжок окончит погоню. Рванул все так же сжимая руль и вдавливая плавно газ в пол. Одинокая полоса пыли двигалась к финишу, который был очень близко – несколько километров. Описывая плавно повороты и обруливая все большие камни и овраги, по извилистой полосе двигалась пыльная струя, оставляя за собой темное пространство, но эту струйку закидало чудовищным количеством пыли. Что-то непонятное и необъятно сильное, сквозь слои пыли было заметно, как яркие вспышки где-то в темноте колыхались, не обращая внимания на овраги да ямки, камни и прочее, проезжая по ровной траектории. Даже выпущенная стрела из лука не была так пряма, как его линия, словно вымеренная и прочерченная на листе бумаге. Включив фары при обгоне и несмотря на то, что он обогнал, словно почувявший слабость врага, пошел добивать умирающего. Безжалостно и не испытывая почти ничего, только какая-то жажда проснулась в нем, что-то непонятное рвало его изнутри. Финиш показался, и, не сбавляя ход, он въехал в ворота, возле которых стоял человек с флагом, освещенный прожекторами. Всех скрыло в клубах дыма и пыли, не дожидаясь никакого, и, пока пыль не спала, он дернул ручку на машине и открыл дверь. Все устремилось в его салон, распутав ремни и кинув шлем на сидение. Вылез и, осматривая окружающую местность, которая достаточно хорошо освещалась прожекторами, заметил, что следов нет, значит, он один из первых. К нему подошел человек с флагом, который принял на финише машину, которую он обогнал. И, ярко поблескивая на него, хотел что-то сказать. Но получил мощный удар в корпус, он пошатнулся и устоял. Мальчишка на него смотрел измученным взглядом. Но этот взгляд походил на взгляд измученного волка, а не на овечку, которой он был. К ним подбежали люди и стали снимать на камеры, что-то пытаясь у него выпросить. Он показал им средний палец и пошел к себе, оставив машину с открытой дверью. Зайдя в отсек, увидел совершенно пустой большой бокс, прошел по нему, и у двери его встретили охранники. Один из них кивнул ему головой и показал большой палец в знак того, что молодец. Он, не ответив на это действие никак, зашел в отсек. Подошел к первому же номеру, на котором была цифра не его номера, он дернул ручку, и дверь открылась, вошел в неё и закрылся. Скинул с себя одежду и пошел в душ, помылся, осмотрел свои раны, убедился, что лекарство справилось неплохо. Синяков и подтеков было намного больше, но зато, дотрагиваясь до них, ему было не больно. Вышел из него, нацепив на себя халат и накинув на ноги что-то наподобие сланцев. Вышел и молча пошел к боксу, в котором уже стояла его машина. Стоя посреди большого бокса, один, вытирая волосы полотенцем, молча смотрел, как его белоснежное покрытие было расцарапано и потерто. Долго он этого не мог терпеть. Мелькнула тень в открытой двери бокса, и, словно не отойдя от гонки, он выглянул и увидел знакомую фигуру. Скользя неслышно и попадая в такт его шагов, он преследовал его, внимательно следя за его спиной и постепенно сокращая расстояние. Он

оказался уже рядом с ним, тот с кем-то напряженно разговаривал по рации. Он вошел в кабинет и, подойдя к столу, стоя спиной к Грише, который прокрался за ним и стоял за его спиной, сжимая кулаки, судья не мог его видеть. Судья почувствовал чье-то дыхание и, обернувшись, увидел, как он оказался уже на боку: два мощных правых удара в корпус пронзили его болью, и выпустив рацию, которая, перекатываясь по полу, замерла напоследок, раздавшись коротким звуком. Лежа и жадно хватая воздух, он ожидал, что будет продолжение, видя, кто перед ним стоит. Но юноша не продолжил, прошло несколько долгих минут, за которые он оправился и, опершись на руки, встал. Гриша на него смотрел, сжимая кулаки и встав в боксерскую стойку, прижав кулаки к подбородку. «Старик, один на один давай, мы в равных условиях. Или ты трусишь драться со мной?» – злостно выпалил ему этот малец. Судья, разминая кулаки, улыбнулся и встал в стойку. «Ну что же, сопляк: раз так хочешь, то будем играть по честному. Какая ставка в нашем поединке?» – поинтересовался он, сжимая все сильнее кулаки, уже восстановив дыхание и почти не чуя боли на теле. «Твоя жизнь, старый идиот, думал, я не выиграю? Ты ошибся!» – «Ты так и будешь жаловаться или нападешь деточка?» Не слушая Гришу и не отвечая на его вопрос, полностью проигнорировал того слова. Гриша распознал, что тот только ждет его атаки и сам концентрируется на защите. Но раз вызвал драться, так самому и начинать тогда. Орудя все той же правой рукой, нанес ему удар в корпус, потом еще один, и последовала еще серия. Левая, правая шли в ход, апперкот, не прошедший сразу же, вернулся хуком. Старик стоял в стойке и словно не замечал этих ударов. Гриша, совершив ошибку, с замахом нанес удар и, этого и ожидая момента, пустил свою руку в левый бок. Гриша не ожидал, что он попадется так, но на каком-то самом крае удар скользнул по тоненькому его телу в сторону. Словно пушка из рук старика выстрелила по нему. Старик, потерявший немного равновесие и переместивший центр тяжести на переднюю ногу. Задняя нога немного оторвалась и оперлась на носок. Удар в корпус пронзил его тело, точно в печень боковой по корпусу пришелся в цель. Оставаясь на ногах, он немного побелел и, согнувшись, присел на корточки и не мог отойти от этого подобного уколу рапирой удара. Судья упал и прижался к стене. Гриша на него с глазами маньяка смотрел и, сжимая кулаки, ждал от того действий. Тот смотрел на него взглядом жертвы. «Вам плохо? Помочь?» – с переменившимся лицом спросил у него Гриша. Как будто хотел помочь человеку, которому стало плохо на улице, а он – случайный прохожий. Судья помахал головой в знак того, что все хорошо. «Мою машину – в отдельный бокс: отмыть, покрасить и полностью устранить все дефекты. Ты меня понял?» Тот держался за бок обеими руками и кивнул головой. «И да, я на каком месте?» Человек собрал в грудной клетке воздух и сдавленно прошептал: «Первый». – «Кто первый?» – «Первый «белое облако»», – не смотря в лицо ему, ответил. Гриша развернулся и хотел уйти. «В триста второй номер принести мои вещи, стейк и сок апельсиновый, тебе сорок минут». И ушел в номер. Через сорок минут у него все было, и, доедая уже последний кусок, подумал: я же не сказал, какой прожарки, а мне принесли как раз который и хотел. Могут, когда хотят. И, раскинувшись на кресле, закрыл глаза, кто-то постучал в его дверь, и с неохотой он поднялся и пошел к двери. Открыл – и возле двери стоял тот человек. Недалеко от него стояли корреспонденты, которые ждали команды. Гриша кивком пригласил того в номер и, когда он зашел, закрыл дверь. Сел на кресло, и человек сел тоже и, немного подумав, сказал: «Предлагаю тебе долю: пятьдесят на пятьдесят». Гриша на него и не смотрел, он закрыл глаза и слушал его. «За каждый ответственный вопрос будешь получать пятьсот тысяч, как тебе?» – «Никак», – сухо ответил. «Больше хочешь?» Гриша открыл глаза и, глядя в стену, сказал: «Не сегодня». – «Но если ты проиграешь, то я обращусь к другому». – «Не проиграю, обещаю». Судья встал и направился к двери, Гриша встал и последовал за ним. Открыл дверь ему и увидел с десяток человек, ждущих под дверью их. Судья вышел и, покашляв в кулак, сказал: «Сегодня была тяжелая гонка, интервью не сможет дать «белое облако». Но он пообещал, что даст его завтра, так как заверил, что придет первым. Гриша не слушал его, но, закрыв уже дверь, увидел стоящую

у самой стены девушку, которая хотела что-то у него спросить. Она буквально от его двери была в метре, он резко протянул руку, схватил ее и почти незаметно втащил в номер, оставив ее оператора без своего корреспондента. После того как дверь закрылась, были слышны какие-то разговоры, но они стихли. Девушка держала микрофон в руке и смотрела на него. Он смотрел на нее, красивое лицо, белые волосы, очки, которые придавали ей немного солидности. Синий комбинезон, который подчеркивал ее формы. Она заметила, что он на нее смотрит и, расценив это как благоприятный момент, слегка расстегнула верх замка, немного показав декольте, под которым виднелось кружевное белое белье и упругий манящий бюст. «Ответь на несколько вопросов, облачко, и получишь все это» – и, поднеся свою руку к замку, хотела еще приоткрыть. «Стой! – почти выкрикнул он. – Мне не надо этого, я сам не знаю, почему тебя затащил, но явно не за этим». – «Тогда ответь на вопросы, и я уйду», – крутя микрофон в руках, ответила она. Гриша подумал немного и, найдя единственное объяснение своему поступку, сказал: «Поехали со мной на этап?» – все не сводя глаз с области, где была ее грудь, сказал он. «Судья не допустит меня с тобой», – пожал плечами, ответила она. «Допустит, я уверяю тебя, завтра к старту чтобы была уже готова». Она не успела ответить, и он ее вытолкнул за дверь. Взяв голову обеими руками, в голове скользили мысли: что он творит? Но раз сказал, то, значит, сказал – и, сев в кресло, закрыл в глаза и по памяти стал прорабатывать маршрут. Просидев так несколько часов и изредка подсматривая на навигатору, который был встроены в экран, который был вмонтирован в стену почти напротив его. Он хотел спать, но, борясь с усталостью, вышел из номера и пошел в бокс, первая дверь до двери в общий бокс была его. Открыл ее и увидел, как с десяток человек крутятся возле его машины. Его заметил один из них и сразу пошел к нему навстречу. Одетый в синий комбинезон и лицо скрытое в шлеме. «Устранение завершено, покраска скоро начнется, машина будет готова к старту», – похожим на механический голосом произнес. «Ночью придет девушка сюда, откроете ей, она едет со мной, поможете ей закрепить оборудование». – «Есть, хорошо. Еще что-то?» – поинтересовался мастер. «Нет, все на этом, и, посмотрев еще немного, пошел в номер. Утром подходя к боксу, возле него уже ждал судья. «С вами едет журналист?» – «Да, едет. Но», – начал было он, но потом замолчал. Гриша, без эмоций закрывая дверь, произнес: «Собирай деньги, этот участок легкий и скоростной, через три часа буду на базе». Судья качнул головой в знак согласия и пошел. Три часа, он с ума сошел, некоторые участники только через пять часов стартуют. Как он так ездит, наверное, сумасшедший! Но с него, старика, хватит, пусть что хочет делает. Может, реально выиграет гонку, так ему надо всевозможное сделать на этот случай. Тем более узнал про него многое, что его пугало и могло ему испортить жизнь. Эх, если бы он знал заранее, чей он племянник. И, чертыхаясь, пошел в большой бокс, где несколько людей крутились возле «черного комара». Он подошел и со стороны смотрел, как проверяли все узлы, и недалеко стояла женская фигура в черном комбинезоне с пламенными вставками по бокам. Она увидела его и подошла. «Как «белое облако?» – «Сказал, что победит и в этот раз». – «До сих пор не верится, что два из двух он прошел первым», – изумленно она произнесла. «Я тебе скажу больше: он взял с собой журналистку и пообещал проехать за три часа участок». – «Я не сомневаюсь в нем. Ты нашел того, кто ему ребра сломал? Он что-то говорит?» Он покачал головой и виновато ответил: «Нет, госпожа, он ничего не знает». – «И мне этот дурак ничего не сказал, я хотела к нему подойти, но так зла была на него, что он меня на самом финише обогнал». – «Да я думаю, не стоит за ним бегать, время придет – сам расскажет». И, попрощавшись, пошел к старту. Солнце как-то странно светило, на часах было около семи утра, но такое ощущение было, что полдень. Погода тут как-то странно себя вела, было такое ощущение, что менялась каждые часы. Он снял кепку с головы, вытер пот со лба и, надев черные очки, сел в кресло возле таймера. По территории ходили люди вооруженные и несколько журналистов, которые спешили занять место получше. Из бокса до старта выехал белый джип, его окна затемненными были. Несколько камер начали снимать

его, он с усталостью в ногах привстал и, опершись на подлокотники, встал. База, стоявшая на озере, была окружена так же, как первая, почти однотипно сделано, только боксы были меньше. Взглянув в планшете на общее количество участников, увидел, что их количество сократилось почти втрое. Около двухсот из пятисот семидесяти осталось. И тот, у кого был последний номер, был неоспоримо сильнее. Хотя его машина не была так уж сильна на трассе, за все время гонки лишь изредка удавалось заснять, как едет. Все время теряя из виду его дроны и вертолеты где-то в облаках пыли. На что многие телезрители реагировали нехорошо. Несколько вертолетов вылетели где-то из за боксов, описывая круги вокруг базы. Задача была одна: любой ценой не упустить, как идет по трассе «белое облако». Дроны выходили быстро из строя из-за этого дьявольского тумана, который замораживал все, чего касался. Позади «белого облака» припарковалась черная машина, покрытая вся защитными экранами, и громко ревела своим мощным двигателем, что заглушала даже звук вертолетов, которые проносились возле этих двух. Он скомандовал на старт и подъехал пятисот семидесятый, открыв окно и смотря на него сквозь прозрачный шлем. Операторы, которые крутились возле него за его спиной, снимали пилота и выцеливали его попутчицу. Что-то сказав, что не расслышал пилот из-за рева позади стоящей машины. Гриша кивнул и ладонью подозвал его к себе. Судья протянул голову и внимательно стал слушать. И, рассмеявшись после его слов, похлопал его по плечу. Гриша улыбнулся и затемнил шлем, закрыл дверь и стал готовиться к старту. «Тебя как зовут?» – «Зачем?» – буркнул себе под нос Гриша. «Познакомиться, вместе же поедем». – «Все знают мое имя и фамилию». – «А меня зовут, – начала она, но Гриша ее перебил: – Рейчел, вот давай без этого всего, ты себя ведешь как маленькая. Ты тут смотри и помалкивай, говорить много будешь – язык откусишь. Уже красный сигнал горит, а ты начала знакомиться». И показал пальцем ей на огонек, который уже переключился на желтый. Двигатель подвывал, Гриша смотрел вперед, и не моргая застыли его глаза на фонаре, который вот-вот загорится. Увидел зеленый сигнал и не спеша, мягко переваливаясь с боку на бок, стартовал без пыли и грязи, немного отъехав от базы и уже видя в боковом зеркале темное пятно, которое приближалось к нему. Рев двигателя был так внезапен, что Рейчел немного даже передернуло в сидении. Она посмотрела на него, думая, что что-то с машиной, но не заметила ни волнения, ни других эмоций на лице пилота. Только слышала звон в ушах и что пустошь за окном мелькает очень быстро. Неровности берега постепенно сгладились скоростью джипа, и уже не переваливаясь вальяжно с одного края на другой, а почти не работая рычагами подвески. «Белое облако» летело словно по взлетной полосе. Но вот резкий толчок в спину, потом еще один и еще, она, переведя взгляд с пилота, увидела в лобовом стекле, как по совершенно непроходимому участку, где, вероятно, даже знаменитые бигфуты оставят свои внутренности на этих острых выступах. Затыкая уши, стоящие возле старта смотрели в сторону, где еще мгновение назад был белый джип. Сейчас же его не было видно, и вертолеты устремились за ним, свистя своими турбодвигателями. «Черный дельфин» стартовал через двадцать пять секунд, но, давая машине максимум ускорения, было видно даже отсюда, что «белое облако» уже устремилось по равнине, слегка уходя по дуге. Через некоторое время на том же участке, где ранее было «белое облако», показался «черный дельфин», он заметно отставал по прямой. И, проводив их взглядом, он сел и стал ждать остальных, когда они подъедут на старт. В салоне было достаточно тихо, только сильная тряска и ощущение страшной скорости мешали спокойно сидеть, пристегнутая ремнями, которые вдавливали ее больно в кресло, и шлем, который на слабой шее болтался. В руке держала микрофон, по краям машины были расставлены камеры и снимали происходящее. Она думала, что они смогут мило беседовать и ответит он на ее вопросы, но она не могла даже рот открыть. На каждой кочке, камне, углублении они подлетали или падали в низ. Сжав плотно губки и стараясь не смотреть на трассу, от движения которой ее вводило в ступор. И она большими глазами смотрела на все происходящее. Сердце билось очень сильно, и она напоминала собой колибри. Только вместо движения крыльев у нее

так сильно билось сердце. Немного проехав, но, не сумев привыкнуть к трассе и проехав еще много километров, ей страшно стало плохо. Она кинула взгляд на юношу и увидела монстра, который был похож на героя ужасов. Маниакальная улыбка расплылась по его лицу, взгляд изменился, глаза смотрели в одну точку. Они не моргали, движение руля было таким, что она не понимала, зачем он ему нужен, если он не двигает им уже который километр. Когда же вращение руля произошло, то это было настолько неумело и неуклюже, получались движения его. Этот мальчишка первый раз вел машину, по ее мнению, настолько были движения противоречивы даже для ее опыта вождения. Но логика подсказывала обратное. Она его пыталась позвать, произнося слова, он не слышал ее. Пыльные барханы, которые подымались из-под капота, застилали весь обзор из окон. Погружаясь в темноту и на секунду теряясь в пространстве, ее сильно било в сидении. Сгруппировав руки и придерживая ими свою голову, чтобы она не оторвалась. Но для ног не было задержки, они сильно бились о края обшивки. Острая боль по всему ее женскому телу протекала струйками – острая настолько, что она читала про себя молитву, прося быстрее закончиться этому адскому испытанию. Что-то закапало по стеклу, и, переключив свое внимание, она увидела на внутренней части стекла шлема капельки крови. Дотянувшись до кнопки, она открыла стекло, оно выехало на верхнюю часть шлема и зафиксировалось. И, придерживая голову одной рукой, стала второй вытирать кровь с красивого, слегка курносого носика. Но кровь не переставала вытекать, и, уже измазав всю перчатку в ней, она не знала, что делать. Страх перед глазами трассы, как машина взлетала на каждой кочке и больно приземлялась на колеса, озвучивалась на ее хрупкой спине. Прижимая лицо все ниже и ниже и плача большими слезами, которые текли по ее щекам. Она хныкала себе под нос и сжимала маленькие свои кулачки сильно-сильно. Удары продолжались по ее телу, она была стянута ремнями, но они не помогали от травм, которые наносились с силой хорошего боксера. Это мучение длилось долго, зажав нос пальцами и дыша ртом, она хватала воздух и, зажмурив глаза, сидела молча. Гриша не знал о ее состоянии, ему было не до этого, участок был очень ровный, и он желал на нем высвободить все силы. Рев двигателя звучал как мелодия, она убаюкивала его, и, включив музыку из динамиков, раздалась музыка. Рев электрогитары и возгласы солиста сопровождали его в пути, подражая герою песни, он несся навстречу своей судьбе. Немного покачивая в такт ритму, который создавался благодаря трио, он упивался этим мгновением. Мощь, ритм и тот голос. Все они в целом придавали ему сил. Тело болело, но не так уже, как после знакомства с кулаками друзей старика. Но как-то и обиды не было ни на кого, его били часто, и он относился к этому как к должному. Когда они путешествовали с дядей, то часто он оставался один в незнакомой стране, когда дядю вызывали срочно на службу. И не всегда дожидаясь его, где того оставили, он бродил по городку и попадал в ситуации, где он узнавал цвет своей крови. Руки уже устали сдавливать руль, и немного он ослабил хватку. И скорость немного снизилась, он аккуратно вырулил возле неровного участка, который он заметил случайно. Краем глаза видя, как трясется впереди камешек, лежащий на песке. Прошел левее участок, и, отключив музыку, он сконцентрировался на гонке и перестал отвлекаться по мелочам. Машина, проехавшая в мгновение через относительно ровную местность, оставила следы на грунте, под тонким слоем которого подтаявший слой льда начинал свое действие слегка заметными проталинами от теплого песка, нагретого на солнце, превращая через некоторое время всю местность в непроходимое болото, которое было на вид почти нетронутой песчаной поверхностью. «Дельфин», следовавший по тропе за «облаком», значительно отставал от первого, и уже прошло время около часа, она стала замечать, что колеса проваливаются во что-то мягкое. Всматриваясь в рельеф, она не замечала особенности его рельефа, которые даже не были бы заметны и опытному геологу. Стараясь не застрять, она пыталась вдавливать газ в пол, но, выходя из затягивающих ее песков, она попадала на участок, где она уже боялась так быстро ехать. И, чередуя режимы, пыталась угадать момент, когда надо выдавать всю мощь своего двигателя. Ее мощность была превышена в двойном

размере, но и ее было мало, она чувствовала, что ей не хватает, как минимум в четыре раза больше надо. Навигатор маячил сигналом о смене траектории на следующем участке, она не обращала внимания на его тревожные предупреждения. И, стараясь следовать по следу, сама не подозревая того, но следовала в ловушку, которую материк расставил для всех участников этой бессмысленной гонки. Антарктида – тот материк, который никогда не прощал ошибок человеку, и что его льды, немного сошедшие, не давали послаблений в его отношении к людям. Местами мелькал туман, который периодически скрывал ее от следовавших за ней камер. Иногда посматривая выше своего пути в небе, она видела, как мелькают лопасти. Послушав навигатор, она сменила маршрут и направилась вдоль холма, который сверху был покрыт большим слоем тумана, который походил на дождевое облако. Вертолет, следовавший за ней, теряя ее в тумане, посылал сигналы вызова на рацию, но эта девчонка не слушала наставления Дика, который ее упрощал всегда держать связь. Но она не обращала внимания на его просьбы. И он, находясь в вертолете, теперь всматривался в туман и не мог увидеть ее никак. Сигнал маячка в шлеме не давал сигнала, отражаясь и растворяясь всецело в каменистом пространстве. Усыпанный мелкими камешками весь материк не пропускал практически никаких сигналов на своей поверхности. Серая галька, не превышавшая размера ладони, странным образом блокировала сигналы и словно впитывала в себя. Но на большой земле он был обычным камнем, совершенно не отличавшимся от тех, которые были на пляжах. Тут много что было непонятного, он, воевавший не на одной войне, так и не понимал многое, что тут происходило. Особенно его интересовал мальчишка, который участвовал в этой гонке, он напоминал его в детстве, когда у их была война и он, управляя танком, едва доставал ногами до педалей. Но отвлекаться некогда на свои воспоминания, сейчас он, всматриваясь вниз, не мог увидеть юную госпожу. Кружа по большому кругу, он не мог найти, рация, с большими помехами работавшая, не откликалась на его позывы ответить. «База три, вышлете вертолеты, госпожа потерялась в седьмом квадрате Б, там видел ее в последний раз, с момента потери визуального контакта прошло шесть минут тридцать две секунды. Как меня поняли?» – «Дик, мы тебя поняли, машины поднимаем, будем исследовать все возможные маршруты. Ты в каком квадрате будешь?» – «Одиннадцатый и двенадцатый возьму». – «Принято». Рация смолкла, и, не переставая всматриваться вниз, он следовал дальше. Над Гришей палило солнце, покрывая весь его путь ярким свечением, который отражался на огромной поверхности пустоши, по которой он мчался. Затемненный шлем помогал ему, но усталость в глазах накапливалась уже, и внимательно всматриваясь в дорогу и в голове моментально просчитывая свой маршрут. Напряжение все возрастало и усиливалось, голова уже звенела от перенапряжения. Вдох, выдох, стараясь глубоко дышать, но сдавленная грудная клетка ремнями и боль в боках не давали ему дышать во все легкие. А кругом лишь песок и камень, серость кругом и яркий свет, ему порядком поднадоело, изредка встречая гранитные выступы, он радовался им, словно увидел посреди степи красивый дуб, который ветвистыми своими ветвями спасает путников от летнего зноя. Она, выждав момент, когда они летят с одной кочки на другую, и в тот миг, когда они зависали в воздухе, хлопнула его по руке. Он, растемнив шлем, взглянул на нее, она еще сильнее вжалась в сидение, страх объел ее. Он непонимающе поглядывал на нее, она была не похожа на ту, которую он сорок минут назад взял с собой. Лицо, испачканное в крови, и вся растрепанная, и с глазами такими обезумевшими. Протянув руку и желая ее приободрить, похлопать по плечу, она от него вжалась в край сидения и словно молилась не прикасаться к ней. Выступившие вены по краям его глаз, налитых кровью, глаза, которые не моргали, а смотрели на все как на своих жертв, аура, которая давила и раздавливала ее. И он протянул свою руку, которая повергла в шок ее, ей казалось, что он хочет взять ее голову и сдавить рукой. Она старалась забиться куда подальше и чтобы ее никто не трогал, кровь, переставшая бежать сильно, сдавила нос, и, дыша только ртом с красными заплаканными глазами, она снова в который раз задавала себе вопрос: зачем и почему? И не подозревая, что у него такое лицо

во время гонок, он непонимающе смотрел на нее. Пытавшись что-то сказать, это выглядело так ужасно, что она отводила глаза. Шевеля краями рта и смотря на нее, не сводя взгляд и изредка кидая его на дорогу. Он скалил свою пасть еще и еще, показывая свои белые зубы, которые, по ее мнению, уже были волчьей пастью. Но она хотела сказать, что ей плохо и она не может уже сидеть тут. Но она не могла произнести ни слова, только через ужас и страх она услышала слова от этого существа: «Сумка сзади с моей стороны, красная, возьми ее». Все же у него получилось сказать так, чтобы она поняла его. Хотя он до этого несколько раз внятно повторил то же самое. Поняв, что он хочет от нее, она повиновалась ему, хотя она и без этого странная была. Но ее общая заторможенность сменилась после его слов на быстрые и резкие движения, она судорожно металась по сидению, не зная, что ей сейчас сделать в первую очередь. Гриша, глядя на ее, как после сказанных слов она в ужасе уводила глаза и смотрела на него очень испуганно. Она протянула руку, и ремни не дали ей дотянуться, расслабив один из ремней, она немного вытянулась, грудь мешала ей просунуться еще дальше, но вытягивая руку и вот-вот касавшись. Пальчики скользили по сумке, и, все же сумев дотянуться, она зацепила и потянула ее на себя, положив ее на колени, накинув ремень на плечи и застегнув его плотно, что не сразу у нее получилось. «Два красных тюбика достань из красного контейнера с пометкой три», – произнес Гриша, не смотря на нее, а наблюдая за дорогой. Она, покопавшись в сумке, достала его и положила сумку под ноги. Открыла его и увидела лежащие два тюбика, один открыла и подала ему. Он взял его, и скорость постепенно еще сильнее снизилась. «Пей тоже, тебе надо не отставать от меня, потом ты не сможешь поесть. Без еды ты не сможешь выдержать». Посоветовав ей, стал из него пить какую-то жидкость. Она открыла и глотнула из него, жгучая жидкость текла по ее телу, она смотрела на пилота, как он, искривляя лицо, пил эту жидкость. Это же водка, и довольна крепкая, и с какой-то травой непонятной. Крупицы травы чувствовались во рту, она допила его первой и, закрыв тюбик, держала его в руке. А другой придерживала открытую емкость с разными тюбиками и батончиками. Он допил и положил в дверной отсек его, она сделала то же самое, но со своей стороны. «Теперь возьми красный батончик». Она взяла и подала его, открыв перед этим его. Он взял и откусил кусок, почти не жуя проглотил его. И себе открыла немного, туманность в голове стала нарастать, ей было хорошо. Алкоголь убаюкивал ее. Она и есть не хотела, но, решив откусить пару кусочков, откусила первый, и она закрыла глаза от наслаждения. Вкус батончика перебил все чувства и восприятия, она его растворяла и разминала языком, полностью отдавшись его осязанию. Она не спеша его ела, но с закрытыми глазами не заметила, как его съела и, когда ее губы коснулись фантика, который, как ни странно, был совершенно без вкуса, открыла глаза и, посмотрев на красную этикетку от него, вздохнула. В контейнере не было больше таких, оставалось несколько тюбиков и другого цвета батончики, но меньшего размера, и пара квадратиков в упаковке. Она, можно сказать, обиженно посмотрела на пилота, прося как щенок молча добавки. Он, не сдерживая смеха, хохотал над ней, и его глаза даже блестели, еле сдерживая смех и подавляя его. «Открой один из квадратных и сама съешь, а второй не трогай, это мой. Поняла?» Она открыла один из них и увидела, что в тонком пластике был спрятан бутон цветка с четкими прорисованными лепестками, цвет его был как у настоящего. Красно-фиолетовые лепестки и слегка заметные зеленые листья вокруг него. Она открыла крышку и понюхала его, он пах как цветок, скорее как цветочное поле где-то высоко в горах. На крышечке была приделана небольшая ложечка, она взяла ее. И самого края цветка легонечко коснулась. Белая ложечка скользнула и сорвала один из лепестков. И, коснувшись губами его, чуть не потеряла сознание происходящего. Миллионы ее вкусовых рецепторов взорвались от непонятного вкуса, который совмещал в себе все прекрасное и вкусное. Она не могла понять, на что это похоже, ей казались множества вкусов. Ощущение было потрясающее. Ложечка коснулась края, и, вода по его краям, в ее ротик она пришла пустой. В емкости не было ничего, тщательно собрав все крупички по стенкам, она держала

коробочку в руках. Второй десерт лежал перед нею, и, не сводя с него глаз, она пальчиком водила по его закрытым краям. «Нельзя», – услышала команду. Жалобно посмотрев на того, кто не дает ей прелесть, она молча сидела и смотрела, как в открытом контейнере лежит небольшая запакованная коробочка, на которой были изображены две шестеренки. «Убери все на место, сейчас будем торопиться». Она убрала все, на этот раз справившись намного быстрее и погрузилась в воспоминания. Держа в руке две этикетки, она спрятала их в карман комбинезона. И, закрыв глаза, расслабилась. По курганам машина неслась, порою отправляясь в полет с десятиметровой высоты, полностью не жалея себя и собеседницу. Она лишь жалобно вскрикивала, но не кричала. Не смотрела на трассу совершенно, даже когда выдавались участки, что можно и спросить у пилота вопросы, она молча сидела, закрыв глазки. Гриша не обращал внимания уже на нее, полностью сконцентрировался на гонке. Хотя гоняться с собственной тенью – еще те нервы. За весь участок гонки ему не встретился ни один монстр. И вот показался финиш, все так же, база, – по такому же типу. Он финишировал, вылез из машины и не спеша пошел к себе в номер. «Черный дельфин», описывая по малой дуге возле одного валуна, влетел в него и, перевернувшись на крышу, завис на камне. Сильно ударило рулем по рукам, и она отключилась. Очнулась она от страшного звука: кто-то, проезжая возле нее, выпустил несколько очередей в нее. Она, пытаясь нажать на кнопку sos, протянула руку и снова выключилась. Уже когда ночь наступила, она снова очнулась, звон в ушах стоял сильный, и, пытаясь прийти в себя, она прислушалась и услышала подвывания и скрежет по металлу: что-то рвало ее машину со стороны. Она повернула с трудом голову и увидела морду монстра, который рвал ее защиту. Он был слабо различим, скорее даже виднелась его форма головы при слабом свете от приборов машины. Он кусал своими жуткими челюстями и отрывал части панелей монструозными ручищами. Он почти добрался до стекла и касался его, протягивая через расщелину в защите свой палец, на котором был остро заточенный коготь. Она в ужасе наблюдала эту картину, но, немного отойдя от шока, расстегнула ремни и, придерживаясь одной рукой за руль, сползла вниз. Шум работающего двигателя не переставал реветь на всю пустошь. Были слышны множества монстров, которые подходили на громкие звуки ее мотора к ее могиле. Она нажала кнопку sos, но она не блеснула огоньком в знак подтверждения. Голова очень сильно болела, почти не соображая, она под сиденьем достала несколько пистолетов для инъекций и ввела себе. Сидя на крыше под сидением, со всех сторон уже доносились рев монстров, и, клацая по машине когтями, они уже с заметным успехом отрывали части кузова. Они громко ревели и, словно действуя по сценарию и зная устройство, отрывали сначала мелкие части и пробирались к более крупным. Шли долгие минуты, которые уже длились, словно секунды, она нервно смотрела по сторонам. И уже отчаялась от своей участи. Ранее пришедший монстр пробил отверстие в стекле, она из-за всеобщего шума не заметила это действие. И, находясь в нескольких сантиметрах от двери, что-то чиркнуло по ее костюму, она дернулась от страха. Резко повернулась и, смотря на то, как рука монстра уже прорывалась к ее теплому и вкусному телу, в страхе вжалась в другую дверь и, закрывая руками лицо и истерично плача, наблюдала, как стекло по крупницам высыпалось внутрь ее салона. Про оружие, лежавшее под сиденьем, она и забыла, полностью страх поглотил ее здравый смысл. Полулежа смиренно ждала, но двигатель стал как-то туго урчать и заглох. Наступила тишина, лишь существа, отрывая небольшие элементы, стремились за ней. Разряды тока, до этого защищавшие ее от нападения, стали исчезать, не справляясь с интенсивностью ударов нападавших. Рядом что-то сильно загудело, и немного начала дрожать машина. Она вжалась сильнее в пассажирскую дверь и стала собираться с духом, чтобы выйти и попросить помощи у участника, которого она примерно знала по инструктажу. Людей на танках было всего двое: один из них выбыл, а другой как раз тот. Она уже открыла дверную ручку и, встав на корточки, хотела выбраться и побежать на свет фар. Взрыв, удар – и она далеко летит куда-то в ночь. Переворачиваясь в воздухе, успевает заметить, как множество монстров разбегаются

от огня по сторонам. И как танк выпускает по ним очереди из пулемета, и пушка грохочет в темноте, посылая яркие вспышки света вдаль. Она приземлилась жестко, что-то хрустнуло в боку, и, переворачиваясь в пыли, она прокрутилась по каменистому настилу, больно ударяясь всем телом о камни. Звон в голове, и без того сильный, усилился, и, слабо отдавая себе отчет, но действуя по моторике тела, она сразу же хотела встать и подбежать, но ее нога не слушалась, она приподнялась и, привстав, упала на колено. Разбираясь со своей ногой, она потеряла драгоценные минуты и, повернув голову в сторону танка, увидела, как он удалялся, помигивая своими красными огоньками ей на прощанье. И она, не сдерживаясь, стоя на коленях, громко плакала. Ее из паники вывел, кругом слышались крики и рев, она была окружена повсюду ими. Собравшись с мыслями, она прямо на том же месте стала себя закапывать в пыль, под которой был песок. Выкопав ямку, в которую она села, и, засыпав вначале ноги, а потом легла и закопала себя всю, прижав плотно к груди руки. Боль была сильной, звон в ушах еще продолжал издавать звучание, нога жутко болела. Но оставаться наверху было смерти подобно. Система обогрева медленно грела ее тело, воздуха было предостаточно. Она хотела уснуть, но холод не давал ей уснуть. Послышались шаги, и что-то встало возле нее, следом подошел еще кто-то, она четко ощущала волнение вокруг ее почвы. Кто-то схватил ее и, вынув из песка, поднял на руки. Она закрыла глаза от страха, но, не почувствовав терзаний ее тела и приоткрыв с надеждой, смотрела, яркий свет ослепил ее, и она, ощущая рычание нелюдей, стала в ужасе стараться выбраться, действуя от страха этих звуков, но существо, держащее ее, сжало сильнее, и она не могла пошевелиться. Сердце билось сильно, и организм, дав команду, отключил ее сознание. Лежа на руках Дика, она только вздрагивала от припадков, которые из-за волнений и пережитого страха выдавали импульсами команды нервным окончаниям. Дик прижимал ее к себе и нес к вертолету, его группа отстреливала подходящих монстров, ловко орудуя оружием и с первого попадания вырывая огромные куски их плоти. Они падали и продолжали ползти на встречу к свету, чувствуя кровь, которая стекала из-под пробитого комбинезона. Они не хотели терять свою жертву, Дик уже был совсем рядом с вертолетом, когда его за ногу что-то схватило. Он одним движением кисти выпустил из пистолета в неведомую преграду пол-обоймы из своего пистолета. Остатки лапы остались лежать возле монстра, который держал свое предплечье другой лапой и шипя провожал взглядом его. Вся группа успешно вернулась в машину, и они взлетели, снабдив всех подошедших особой обильной дозой свинца. Он положил ее на пол и, стоя возле ее на коленках, стал снимать часть ее комбинезона. Освободив ногу, он увидел, что она была перебита и несильно кровоточила. Перевязав ногу и уколов ее несколько раз из шприца пистолета, Дик снял ее маску, все лицо было залито кровью. Боец его, сидевший рядом, уже достал из аптечки салфетку и подал ее командиру. Он взял ее и нежно вытирал ей лицо, которое периодически искривлялось от страшного сна, в котором она была до сих пор. «Командир, есть контакт с кровью. На базу?» – «Я знаю, возьмем однозначно на базу, сообщи, что объект уровня А». – «Есть». Боец доложил на базу. Ночью Гриша прохаживался по территории, проверив машину и идя до своего номера, он решил посмотреть на внутренний двор, где была какая-то суеда: приземлились три вертолета, из них выбежала группа вооруженных людей. На руках одного из них была маленькая фигурка, которая спешно скользнула в помещение. Он, посмотрев еще некоторое время, пошел в номер отдыхать. Усталости не было, только тело потряхивало от лекарства, которое еще долгое время будет давать о себе знать. После сложного второго этапа, когда он был на самой грани, он не считал за нагрузку этот этап. И, совершенно не устав, искал, чем себя занять. Рейчел стояла под душем совершенно подавленная. Плавными струйками стекала по ее телу вода, она вышла из душа и, смотря на себя в зеркало, на себя, такую красивую, такую умную и хитрую. Ей восхищалось множество людей, а она лишь пользовалась ими, теперь же она сама себе была противна. Ей около тридцати, а у нее, кроме вечной борьбы, ничего не было в жизни. А за три часа поездки она превратилась словно в другого человека, ей захотелось

чего-то непонятного и нелогичного. Она смотрела пристально в зеркало, вытирая запотевшие капли с его своей ладонью. Слезы сами собой катились по ее щекам, уже после этапа прошло более шести часов, но все же ее до сих пор не отпустило. Вытерла слезы и пошла в постель, укутавшись в одеяло, закрывая глаза, она вздрагивала от пережитого ею. Гриша уже давным-давно стартовал, она только проснулась, подошла к столику, где были все камеры, которые установлены были в машине. Подключив одну и смотря на монитор, она промотала первый час и остановила на том моменте, когда она молилась. Пересматривая раз за разом, ей становилось плохо от увиденного, то чувство возвращалось. Собрав свои вещи в сумку, она оделась и, вызвав вертолет с берега, хотела быстрее же улететь с этого дьявольского материка. Ребека открыла глаза после страшного сна. Вокруг было светло, белоснежный потолок был слегка освещен. Она опустила глаза ниже, белоснежные стены сливались с освещением, она невольно вспомнила свой этап, где, погнавшись за чей-то мечтой, чуть не стала мертвой. Она ощущала легкие покалывания по всему телу, было сложновато дышать. Кто-то держал ее за руку, она повернулась и увидела седую голову человека, который склонился и, держа ее руку в своей, дремал. Другую руку хотела поднять, но она не шевелилась, повернула голову и увидела множество трубок, которые были подключены к ней и уходили за стену. Окинув взглядом все вокруг, осмотрела палату, только ее кровать стояла, и больше ничего не было. Она пошевелила рукой, и человек проснулся. Уставшие красные глаза смотрели на нее. «Доченька, ты как?» В палату вошли несколько человек, он посмотрел на них. Один из них намекнул ему, что надо поговорить. Девушка ничего не могла ответить. Что-то сдавливало ее, и она молчала. Мужчина тяжело поднялся с колен и, слегка прихрамывая, пошел вслед за человеком. Другой остался в палате и, смотря в ее глаза, стал внимательно их осматривать. И молча быстро вышел из палаты. Дверь щелкнула, и она осталась одна, через некоторое время к ней вернулся человек в палату. Молча взял ее руку, вколол из шприца ей в вену какое-то лекарство и, открыв ее веки, стал смотреть в их. Его лицо было совершенно скрыто, она не видела его лица, черное стекло скрывало его. Облаченный наподобие гоночного костюма в одежду, плотно загерметизированную. Немного посмотрев на нее, она хотела что-то сказать, но голоса не было. Он понял, что она хочет говорить, и произнес: «Госпожа, вы пока не можете говорить». И так же ушел из палаты. Несколько раз к ней входили и выходили, брали пробы и вкалывали какие-то препараты. Она не чувствовала себя плохо, легкий холодок пробежал по коже, и мысли из головы куда-то исчезали. Отец не заходил к ней после того, как вышел, его не было рядом с ней больше. Пытаясь вспомнить, что произошло, она не могла вспомнить, постепенно мысли ушли о том, кто она и зачем тут. Когда вошел к ней седой мужчина, она на него равнодушно смотрела, пару часов назад она бы вспомнила, что это ее отец. Безжизненный взгляд ее пожелтевших глаз смотрел равнодушно на все происходящее с ней. Петр Михайлович смотрел на свою дочь и еле сдерживался, чтобы не упасть перед ней и не извиниться. Он себя корил за то, что согласился на ее капризы, ученые его уверяли, что все будет рассчитано и безопасно на этот раз. Если бы она не летела вслед за этим дьявольским мальчишкой, все бы обошлось. Зачем она пыталась гнаться за безумцем, он не понимал. Сейчас же он потерял свою дочь, как он скажет об этом своей жене, он не представлял. И с этими мыслями он смотрел на свою маленькую Ребеку. Доктор сказал, что она до конца дня полностью обратится в то создание, которое они выпускали по материка. Сейчас он ничего не мог сделать и принял это достойно. Напоследок посмотрел на нее и резко вышел, хлопнув дверью. Она смотрела на человека, который, нахмутив лоб, бегал по ней глазами. Словно это был один из врачей, которые заходили к ней, и не придавала этому значения. Петр Михайлович шел по длинному коридору зоны. А уже была позади. Он вышел из здания и, обернувшись на него, посмотрел, как возвышается это дьявольское здание. И, проклиная все свои деньги, сел на ступени и, откинувшись на них спиной, смотрел на небо. К нему подошел водитель и, не успев что-то сказать, шеф резко встал и пошел в машину. Водитель молча посмотрел на него и пошел за руль. «Петр

Михайлович, что-то случилось?» – поинтересовался водитель, который уже не один год его возил и был почти как свой. Петр Михайлович ничего не ответил и закрыл глаза руками. Они следовали по кварталу, водитель остановился возле обочины и, открыв заднюю дверь, хотел помочь своему другу. Но, не успев произнести первого слова, увидел, как нож для льда ему вонзился в шею, он плюнул кровь и повалился на пол машины. Он бился в судорогах и хрипел кровавой пеной. Петр Михайлович сидел неподвижно, и рассыпанный лед на полу смешивался с кровавым пятном. Следующий этап не отличался от ранее прошедшего. Он теперь был один и финишировал также с огромным преимуществом. По приезду дал множество интервью, его машину так же подготовили идеально в его индивидуальном боксе. Пришлось ждать остальных участников, пока его преследователи до последнего не собрались на следующем этапе. Их было не больше двадцати машин. Он, прохаживаясь по большому боксу, смотрел на их потрепанные машины, которые уже разваливались на ходу и были покрыты налетами ржавчины. Уставшие осунувшиеся лица пилотов готовили машины. И немного боязно смотрели на пилота в белой форме, который прохаживался среди их искореженных машин. Зачастую кто дошел до этого этапа, машины были сильно порваны и виднелись следы на их боках от множества когтей. Решетки на окнах были сорваны, бронепластины порой вырваны или прострелены. Даже у танка крутились люди и что-то наваривали на его корпусе, он подошел к нему. Присел и увидел, что вдоль всего днища были заметны следы когтей. Где они ездили, что их так рвали страшно, удивленно подумал он. Немного осмотрев участников, не увидел «черного комара». Но не сожалея пошел дальше осматривать кто на чем добрался. В основном дошли тяжело бронированные машины, то есть на следующем этапе у него в принципе нету соперников. Только со старта надо будет сразу уходить вперед, а то расстреляют в затылок. Главное, чтобы танк не выстрелил в него, от остальных убежит. Вооружение осталось, пулеметы – и то, судя по всему, нерабочие. Даже отсюда были видны оторванные шарниры для их вращения. Да где они ездили, что им все поотрывали, непонимающе смотрел на них. Он тут ходил, на него в былое время накинута бы, но тут совершенно были все спокойны. Даже между собой не переговаривались, а молча крутили и варили. Он выйти из бокса хотел, но ему охрана запретила, и от безделья зашел к себе в бокс, возле его начищенной машины стояли несколько мастеров и натирали ее тряпочками. Его увидели, и один сразу подошел к нему. «Что-то хотите добавить?» – поинтересовался мастер. «Нет, просто смотрю», глядя на машину, ответил и, не отвлекая от работы, ушел в номер. Закрыл глаза и стал идти, останавливаясь возле каждого препятствия, обходя кресла и кровать, дошел до ванны. Открыл глаза и, подойдя к столу, взял на нем из чашки конфетки и раскидал их по всему полу. Внимательно посмотрел и, закрыв глаза, стал ходить между ними, не задевая ни одну из них. Несколько раз прошел по комнате так. Решил усложнить задачу. Собрал все до одной с пола и, пересчитав их, раскидал по полу. Внимательно посмотрел и закрыл глаза, пошел прямо на последнюю от него, он, не задев ни одной, дошел до нее и, присев, взял с первой попытки двумя пальцами и положил ее в ладонь. Развернулся и стал собирать их не глядя и точно в одно движение поднимал одну из конфеток. Далее усложнил себе задачу еще сильнее. Отобрав два цвета конфет, он раскидал их и, постояв немного, собрал сначала один цвет, потом другой. Сел на кресло, включил маршрут и стал изучать трассу, прорабатывая в голове каждый участок и отрезок ее. Уснул так и на кресле утром проснулся и, не дождавсь оповещения, пошел в отсек. Там было несколько охранников, которые стояли возле двери, он молча прошел возле них. Проверил все системы и, долив топлива в запрятанные баки, сел в машину, надел шлем и выехал из своего бокса в главный, а затем его охрана пропустила во двор. Он стоял один, заняв место на полосе левое крайнее. Заглушил машину и, затемнив стекла, сидел. Включил музыку, и она стала играть в его салоне. Он, притаптывая ногой в такт, тихонько подпевал девушке, у которой снесло голову, и она летела по городу. Стали собираться другие участники, рядом с ним на первой полосе встал огромный броневи́к. Гриша на него посмотрел, странно, но он не видел его

ранее. Из-за панелей он не видел, кто там сидел, и, закончив смотреть на него, увидел, что позади него стояли тоже машины, о которых он и не знал ранее. Судья подошел к нему, Гриша открыл дверь и, обменявшись приветствиями, он у него спросил: «Новые участники?» Судья скривил лицо и сказал: «Новые участники будут вводиться на каждом этапе, а то двадцать машин всего дошло до этого этапа». – «И по сколько будут добавлять?» – «От тридцати машин, так что желаю тебе удачи». Гриша закрыл дверь и начал просчитывать все варианты, за минуту, что он сидел, задумавшись, просчитал массу и решил, что прежнюю тактику надо не менять. Вдали виднелись старички, которые сумели дойти сами до этого этапа. Они стояли самыми последними все с тем же потрепанным видом. Судья на старте с флагом и на этот раз в маске стоял перед ними. Прозвучал сигнал на старт, и он рванул, придерживаясь своей стратегии на резкий и быстрый уход. Он так и поступил, как только сигнал был дан и стоявшие рядом с ним, гремя моторами, танк гудел турбинами и заглушал их свиристель. По прямой он вылетел вперед и сразу же, срезав острый угол, ушел вправо и стал уходить и скрываться по неровностям берега. Изредка его крыша отсвечивалась от солнца. Не успев спуститься к берегу, он увидел, как едва различимые точки стали приближаться к нему. Он наблюдал за ними краем глаза в зеркало и, все еще не разбудив своего зверя, решил сделать то же самое, что и с патрулями во время отбора. Заманивая своей не сильно скоростной ездой, но не давая возможность быть долго на возможном прицеле, мчался по слегка примороженному берегу, сбавляя ход, пуская машину по склону катиться под воздействием инерции и не нажимая газа. Следил, как прыгали они по его следам, сплошной линией следуя след в след за ним. Он знал, что эти наивные ребята поедут за ним, он заманивал их в свою игру. Его тяжелая машина была, безусловно, в зоне риска, он мог провалиться так же, как и они, в мягкий подмороженный грунт. Но все же риск был оправдан в данном случае. Уходить сразу в отрыв он не мог, организаторы могли еще что-то придумать. И, играя по их правилам, он хотел перехитрить их, сославшись на своего неверного помощника – это изменчивый климат. Спустя первый круг вокруг озера, которое он прошел первым, но находясь всего в нескольких километрах впереди. Он обошел танк, который, сев всей своей огромной массой, уже не двигался и не подавал признаков жизни, периодически покручивая башней. Гриша не имел возможности объехать и, следя за его башней внимательно, держался в нескольких метрах, всегда сбоку от его дула. Сзади всматриваясь в его дуло, он так же словно убегал от его наведения, быстро передвигаясь по неровностям, которые в данный момент служили для него защитой. Пройдя его по дуге и уже отъехав несколько километров, увидел, как грузовик лежал на боку и возле него бегал человек. Увидев «белое облако», замахал руками и пытался того остановить. Но Гриша не был добрым самаритянином, который бросится на помощь к своему сопернику. Он скорее злостная росомаха, которая съест даже медведя, если тот будет лежать без движения. И, видя его движения руками, он свернул немного вбок и удалился от него. Второй круг прошел быстрее прежнего, но уже чувствовался мягкий грунт, который под действием солнца превращался в болотистую местность. Стандартные обороты с трудом уже справлялись, и показания тахометра доходили до восьми тысяч оборотов. Остался последний круг, он, приближаясь к танку, увидел рядом с ним скопление новичков, которые стояли и кого-то ждали. Не питая иллюзий на свой счет, он удалился от них, прыгая на неровностях, и чувствовал, как острые камни больно и нещадно били по подвеске и всему корпусу. Видя их отдаленно тени и зная, что часть ударов по корпусу – это не камни стучат по ему, он доехал до лежащего на краю грузовика, человек, увидев его, не махал руками, а странно поглядывал на то место, где он проезжал ранее. Он улыбнулся сам себе и, снизив скорость, почти не взлетая на каждой кочке, а переваливаясь с бока на бок, ехал прямо на грузовик, сидящий человек не ожидал такого и, стараясь отогнать его, взял лежащий автомат под ногами и открыл по нему огонь. В лобовое стекло влетали свинцовые капли, которые, подобно каплям дождя, разбивались и осыпались. Уже огонь продолжался с правого бока, и, проехав неудачного сапера, он

помчался дальше. И, уже не сдерживая себя, чувствуя еще во второй раз, как по днищу бьет влажная почва, стал сжимать крепко руль и придавливать педаль вниз, ускоряясь, но сильно не афишируя всю мощь. Рядом летали дроны и вертолеты, которые постоянно мешали ему разогнаться и окончить этот этап за считанные часы. «Он проехал рядом со мной, движется на финиш. Мины снимать?» – отбросив автомат, раздраженно говорил пилот грузовика. «Да, возвращайтесь на базу, в следующий раз должны его загнать получше». Пилот, перекинув ствол за спину, брел по песку, немного погружаясь обувью в него, и вспоминал слова командира, когда тот учил ставить видимые ограждения. «Да, капитан, такому ты нас не учил». Произнеся это вслух, шел дальше, вдали виднелись машины, которые спешили к нему. Они, собрав все мины и поставив грузовик на колеса, двинулись на базу. Гриша финишировал, но не встретил привычного человека, к которому он уже привык за эти дни. Кто-то другой махал флагом, по крайней мере, фигура было другой. Гриша вылез из машины и, ожидая, что к нему кто-то подойдет, никого не увидел. Несколько человек прошли возле него с автоматами на груди и о чем-то между собой говорили. Гриша захлопнул дверь и направился в ангар. Дойдя до кабинета судьи, постучался и открыл дверь. «Что случилось?» – сходу задал вопрос ему Гриша, стоя в дверях и не закрыв еще дверь, непонимающе смотрел на этого старикана. «Да ничего не случилось, просто журналисты уехали, участников мало, твое преимущество почти десять часов, смысла не видел стоять и ждать тебя». – «То есть мне можно вообще не гонять, давайте деньги и я пошел?!» – улыбнулся Гриша. «Смешной какой, сначала пройди трассу. Ее и без гонок никто не проходил. Ты будешь первым». Попивая виски, с чувством обреченности произнес: «Засады будут?» – «Да». – «Зачем?» – «Петр Михайлович распорядился гонять тебя, как лису на охоте». – «А ему зачем и кто он такой?» – «Владелец, можно сказать, этого материка». – «А зачем?» И, поставив уже допитый стакан на стол, старик ответил: «Черный дельфин» его дочка». – «А мне что с того, что она дочка его?» – «Ребека попала в аварию, попытавшись погнаться за тобой». – «Так тут гибнет людей каждый день десятками. Я тут при чем, дядя?» – возмущался Гриша, который уже сидел на кресле и стучал по шлему пальцами. «Да я откуда знаю, что у него в голове, он вообще водителя своего застрелил». – «И что, теперь за мной придет здоровый мужик с ножом и зарежет меня во сне?» – улыбнулся Гриша. Старик посмотрел на него. «Вообще-то было изначально сказано тебя пристрелить», – с серьезным видом заявил ему. «И?» – уже явно напрашиваясь на хорошую затрепину, спросил у него Гриша. «Ты чертов идиот!» – кинув стакан со стола в него, выругался судья. Гриша поднял руку, и стакан соприкоснулся с комбинезоном, оставив небольшой синяк на коже, упал на пол. «Понял, за что?» – гаркнул на него судья. «Да, понял», – тихо ответил Гриша. «Что понял?» – «Что стакан не разбился об пол». И, подняв стакан, поставил его на столик возле кресла. Судья, уже краснея лицом и массируя виски, пытался с собой совладать. Гриша встал и направился к выходу, судья услышал щелчок замка и, подняв голову, увидел, что его нет в комнате. Не глядя нашупал рацию и набрал на ней частоту. «Дик!» – «Да». – «Зайди ко мне, поговорить надо». – «Через час буду, сейчас мне не когда». – «Через час может быть поздно, зайди ко мне, это важно». – «Тут, скажи мне, некогда, понимаешь ты это?!» – «Это насчет «белого облака»». – «Иду». В кабинет спустя минут пять зашел здоровый мужчина. И, сев на кресло, на котором ранее сидел Гриша, спросил: «Что за дело с ним?» – «Ты же знаешь, что его приказ поступил убить». – «Да, сегодня ночью исполним, хотя по мне жалко пацана. Но задание есть задание». И развел руками, стукнул ими по коленям. «Я тебе могу кое-что сказать, что может изменить твое решение». – «Какое еще!» Уже возмущаясь ихнему диалогу. «Джордж». Дик при этом имени немного изменился в лице и, повернув голову, сказал: «У него нет детей». – «Это не его сын». – «Тогда он тут ни при чем, сказал же, ночью его уберут. Официально будет, что он разбился». – «Да ты мне дашь договорить или нет? Что ты меня перебиваешь вечно!» – возмущался старик, не отошедший еще от хамства Гриши. «Так командир тут при чем? Что ты заладил!» – «Это сын его сестры, которого он воспитывал с шести лет». Дик

сморщил лоб и, сжав лицо своими ручищами, встал и направился к выходу, опустив руки и уже открывая дверь кабинета. «Дик?» – встав, судья его окликнул. «Что Дик?» – не поворачиваясь, буркнул себе под нос. «Сохрани ему жизнь, давай его отправим с материка. Пусть исчезнет, но будет жить». – «Нет!» – сухо ответил Дик, держа ручку в своей кисти от двери. Судья плюхнулся на кресло и, не найдя стакана, прямо из бутылки начал пить горький напиток. Сделав несколько глотков, поставил бутылку, Дик все в той же позе стоял. Судья на него посмотрел, и ничего не хотел, и не мог ему больше сказать. «Я это сделаю не для Джорджа, а делаю для его отца. У меня одна почка от него, и полпечени и крови в меня влило его не один литр. Этого парня никто не тронет, слово даю. Хотя не дам, а клянусь, что никто ему не помешает. Мое слово уже не в цене». И с этими словами вышел из кабинета, закрыв дверь так, что защелка на замке неслышно сработала. Дик шел по коридору и направился в бокс, где стояли бойцы возле белого джипа и монтировали к его днищу мину. «Отставить», – гаркнул Дик. Боец, монтировавший мину, вылез из-под днища и на него смотрел непонимающе. Дик решил пояснить и сказал: «Он сын одного из наших. У меня полтела собрано из его органов. Если кто тронет, то будет моим кровным врагом. Это всем понятно?!» – громко рявкнул на всех стоящих, смотря на них гневным взглядом, сжимая рукоять пистолета в руке. «Дик, успокойся. Мог и не объяснять что и как, – заметил один из бойцов. – Если сын одного из наших, то не тронем и не дадим никому его тронуть». – «Да если надо, и хлопнем Петра Михайловича за этот заказ», – добавил другой. И все дружно подхватили общий настрой. Боец, сидевший возле машины, залез под нее и разминировал объект. «А чей парень сын? Лицо знакомое, а вспомнить не могу», – поинтересовался рядом стоящий боец. «Холмогорский». – «А кто это такой? Я не помню такого». – «Да и я не помню». Непонимающе смотрели на командира. «Джорджа знаете?» Несколько бойцов ответили утвердительно: «Да». Другим же пояснили, что до него был один из командиров Джордж. «Так вот, он сын его сестры. А повторяю для тех, кто не понял. – И, повысив голос, добавил: – Холмогоров – это один из наших, который женился на сестре командира. «Белое облако» – это их сын. Всем понятно?» В ответ услышал утвердительное молчание. «Парни, я же вам рассказывал, как он ушел от моей засады? – хихикая сказал сапер, который уже стоял и держал в руке мину. – Вы мне еще не верили. А теперь видите, кто его научил всему. Можно было догадаться, что со школой нашей имеем дело». – «Да, точно. Он даже от вертолетов отрывался», – заметил стоящий за машиной боец, который, положив автомат на капот, перебирал пальцами патроны в обойме. «Это все хорошо, но я предлагаю следующие». Возгласы стихли, и Дик начал излагать свой план, который он придумал, идя по коридору: «В открытую не вступаем в конфликт, а делаем вид, что мы вот-вот справимся с заданием. По окончании этапов, если он проходит последний, я и еще несколько ребят полетят со мной, и устраним заказчика, и все следы подчистим. Только если пройдет сам все этапы и не сгинет где-то. Заранее не будем на себя наводить тень. Как вам план?» – «Идея неплохая, если суждено жить, то не помрет и пройдет. А потом и поможем. Классная идея», – подметил боец, стоявший за спиной Дика. Посмотрев на бойцов, иных идей он не услышал. Проведя подробный инструктаж, они разошлись. Мастера все так же налаживали машину. На вертолетах привозили еще партии новых машин. Новые прибывшие получали устные рекомендации и корректировку по их заданию из уст бойцов, получивших от Дика. Гриша копался в еде совершенно без аппетита, молча сидел и наблюдал, как на экране мелькал логотип «Антарктида групп». Значит, судьба его умереть здесь. Что же, подумал он, если суждено, то от судьбы не убежишь. Держа вилкой кусок сочного мяса, он не боясь ел его. Насчет отравления он не думал, зная по рассказам дяди, как устраняют, он уже примерно понял, что его устранят на трассе, возможно, даже заминируют машину или расстреляют с вертолета. Капли стекли воды со лба вместе со слезами, и, положив вилку в тарелку, он закрыл глаза руками и заплакал. Плечи тряслись от волнения и страха, ему хотелось выиграть и осуществить желаемое. Но, видать, ему не суждено было сделать это и после того, как

выплакался. Не выходя из номера, лежа долго на кровати, смотря в потолок, не моргал и уже почти смирился с участью. Теперь он знал ощущение добычи, когда ее хищник загонял в тупик. Совершенное чувство обреченности и того, что он тут один и некому помочь. Раздался звуковой сигнал, и, не проспав и минуты, он встал и, одевшись в комбинезон, держа шлем в руке, не решался открыть дверь. Его страх сковывал, и он не мог себя перебороть, вдох глубокий и выдох, и он все же решился на этот важный поступок. Идя по коридору, он надел шлем и, затемнив стекло, скрыл свой испуганный взгляд. Проходящие возле него люди пугали его до дрожи в сердце, он словно сжимался от их присутствия. Полностью потеряв себя прежнего, такого бесстрашного, который даже с судьей не боялся драться. Теперь же его даже любой, кто, резко дернув руку, мог испугать и заставить его, бросив все, забиться под стол и плакать и просить не трогать его. Но что-то непонятное его держало, и он, глубоко дыша, дошел до бокса. Открыв дверь, увидел несколько человек, стоящих возле машины, у них было оружие, и они о чем-то говорили с мастерами. Гриша молча и не глядя в их сторону прошел и, усевшись в машину, не проверив совершенно ничего, закрепив трясушимися руками ремни, выехал из бокса и, проехав по ангару, совершенно не мог пересилить себя посмотреть по сторонам, только видя перед собой два метра пространства и почти не реагируя на шумы вокруг. Доехав до стартовой линии, остановился и замер, слушая, как сердце сильно билось в груди и как его разум затуманивался, он, глубоко дыша, пытался с собой совладать. Его вывел из ступора слабый стук по стеклу, и это был судья, который уже был без шлема, и его седые волосы развевались от слабого ветра. «Ты готов?» – сухо и холодно его спросил судья. Гриша, не сумев заставить себя открыть рот и произнести трясущимся голосом ни звука, кивнул головой и казался ему совершенно спокойным и даже расслабленным, словно его ничего не волновало в данный момент и что сказанные ему слова он не воспринял всерьез. Но старик был спокоен и скомандовал на старт, и «белое облако» унеслось вперед. Гриша сильно вжимался в сидение и, ожидая, что его зверь вот-вот рванет, мчался, словно он находился на трекке в гоночном болиде, совершенно не смотря, куда он идет и куда показывает навигатор. Немного придя в себя, он стал осматриваться, какой-то горный хребет был напротив него, и он стоял перед ним. Навигатор не показывал место, только лишь было написано: «Хребет номер один долины Лазарева». Сдал назад, пытаясь выпутаться из ранее проделанного пути. Светило ярко солнце, и под колесами проваливался песок. Скрывая уже наполовину покрышки, шипы звонко клацали по камешкам, порой оставляя искры в твердой породе. Навигатор вскоре показал так желаемую полосу, от которой он немного отклонился. Таблица так же показывала его первым, далее шли просто номера. Следуя своей траектории, он двигался вдоль этого хребта, порой карабкаясь на него и скатываясь в многочисленные долины между вершинами. Почти весь путь его так прошел, колеса порой скрывало полностью в проталинах, и, днищем ложившись на это покрытие, он застревал. Лебедка выполняла свою работу на отлично, даже мощь его трех тысяч не помогала в этой области. Солнце уже близилось к закату, когда он, спустившись с вершины, увидел точку на экране. И совершенно эмоционально обессиленный пересек финишную полосу, его встретил судья с флагом, на которого он не проявил ни капли эмоций, даже забыл о том, что его хотят убить, совершенно разбитый брел к себе. Шлем, который он всегда забирал с собой, оставил в машине и, расстегивая комбинезон, в коридоре стал его стягивать. Его тонкая и худая спина была почти вся покрыта синяками и фиолетовыми подтеками. Плечи все содранные, и на них светились кровавые подтеки. Руки были покрыты кровавыми мозолями, он не замечал ничего, а шел в таком виде до номера. Рукава свисавшие волочились за ним по полу. Даже на шее были кровавые растяжки, словно разрывали его тело. Дик, стоявший возле окна и что-то объясняющий бойцу, увидел, как что-то обезвоженное и изможденное прошло возле него. Покрытое слоем синяков и ссадин лицо того существа не выражало эмоций, только следы от шлема на скулах были заметны красно-кровавым пятном. Дик его молча проводил взглядом, когда тот, проходя возле него и пройдя

буквально метров десять по коридору, остановился и, опершись на стенку, немного постоял и пошел дальше мелкими шажками. Следы крови блестели от его прикосновения на серой стене. Не имея в себе никаких сил, он сел на кресло и стал стягивать остатки комбинезона. Сидя в одних трусах в дверь кто-то постучался. Гриша не стал подниматься и открывать. Немного подождав, в замке щелкнул ключ, и дверь открылась, в ней стоял судья, Дик и еще один удерживающий в руке чемоданчик белого цвета. Гриша не обратил на них внимания и не отреагировал, даже когда они начали обрабатывать его раны. Ноги так же, как и верхняя часть тела, были покрыты фиолетово-красными подтеками, а порой и разрывами кожи, которые были скреплены пластырем и окровавленными бинтами. Дик коснулся его правой ступни и, немного не рассчитав силы, проткнул пальцем кровавую мозоль на его пятке. Лицо юноши немного скривилось, и он вышел из ступора, непонимающе смотрел на них и сказал: «Что вы делаете и как я доехал?» – «Ты на базе, прошел этап. Сейчас тебя перевяжем», – ответил ему судья. Гриша осмотрел свое тело и встал на ноги, окровавленные подтеки выступили. И он сказал: «Со мной все хорошо». Дик хотел было подойти, но его остановил судья: «Не надо Дик, это его выбор». – Давай его перевяжем, тут немного осталось», – ответил ему Дик. «Сядь, мы тебя перевяжем», – сказал ему Дик. Гриша больно переступил на ногу и сел в кресло. Троица его быстро перевязала и оставила одного, принесли ему стейк, и он с большим аппетитом его съел. Закрыв глаза, в его голове маршрут просчитывался, изредка открывая глаза и сравнивая его с транслирующимся роликом на экране монитора. Наладонник, подключенный к нему, выдавал все его заготовки на маршрут и траектории. До поздней ночи он изучал и сравнивал маршруты, внося корректировки на погоду и давление, которое скакало очень сильно. С трудом он завершил последующие этапы. Сумев единственным пройти все этапы и не повстречав практически нигде этих существ. После финиша он, залив топливо, сразу же поехал в неизвестном направлении. Его пустили без сопровождения. «Пусть делает что хочет». С такими словами его главный судья отпустил. Он ехал по гребню сопки и высматривал координаты его маршрута. Спустившись на машине со склона и обогнув его по растянутой дуге, заехал в небольшую расщелину, где с трудом протиснулась его машина. Увидел стену, стоящую перед ним, словно сложенную искусственно из множества валунов. Сравнив координаты, убедился, что все верно оглядел по сторонам, и вышел, закрыл дверь и, открыв багажник, достал автомат, закинул его через плечо и вытащил несколько контейнеров. Закрыв багажник и пошел к стене, залез на нее, она была невысокой, метров пять. Скинул один конец веревки, а другой закрепил за камень. Спустился с помощью нее, принес один из контейнеров, потом последовал за остальными. Привязал их к веревке и взобрался обратно. Внимательно сидя на корточках, осмотрел местность и стал затягивать один из них. Край контейнера показался, и он, ухватив его за ручку, подтянул выше и, оттащив с метр от края, стал затаскивать другие, которые были привязаны веревкой одной на расстоянии семи метров друг от друга. За ним последовал и третий, отдышавшись немного. На наладоннике посмотрел координаты и, погрузив один, понес его на спине, переваливаясь с ноги на ногу от тяжести. Он прошел участок, где было множество камней, и стало легче идти, ровная площадка в диаметре около ста метров. Он прошагал по ней и, дойдя до небольшого выступа, увидел в овраге куски искореженного металла. Положил контейнер и пошел за другим. Принеся последний, тяжело дыша, присел на них и, отдышавшись, осмотрел местность, еще раз прицепил веревку к небольшому выступу метрах в четырех от оврага и стал спускаться в овраг. Спустил все три и не спеша слез вниз. Небольшие камни лежали на искореженном ржаво-черном металле. Он обошел и внимательно смотрел на обломки, посмотрел по сторонам и, что-то высматривая, увидел. Подошел к небольшому участку, где между изогнутой кабиной и камнем, почти с его рост, был небольшой просвет. Подошел к контейнеру и открыл тот, который был помечен цифрой два, открыл его, достал несколько инструментов и понес их к месту. Приставил отбойник и стал выдалбливать отверстие, глубоко забуриваясь. После того как бур ушел

на всю длину, сделал второе такое же, отложил в сторонку. Забил в отверстия несколько белых арматурок. Взял отбойник и пошел дальше за инструментом. Вытащил швеллер тоже такого же цвета белого. Принес его и вставил в две арматурки. После, полив жидкостью, постоял немного, придерживая его в ровном состоянии, снизу были яркие вспышки. После того как они стихли, пошел еще за материалом. Принес небольшую полоску и горизонтально плоскости под девяносто градусов надел на штырьки, которые выступали из швеллера. Полил их жидкостью и, не придерживая, пошел дальше к контейнерами. Сел на корточки и стал накладывать узорчатые изгибы все из того же белого металла. Набрав их охапку, он донес их и, аккуратно положив у креста, стал на них намазывать раствором из тубика и прислонять. И сразу отпускал их, вспыхивали легкие вспышки, он затемнил стекло и стал без спешки, но быстро прислонять их. Прислонив все из принесенных частей, пошел дальше за ними, набрав их, принес и тут же проделал операцию. Отошел назад на несколько шагов, посмотрел и остался доволен. С одного контейнера достал квадратную коробочку и отнес к кресту, намазал на белую сторону раствор. Прислонил его и, досчитав до десяти, отпустил. Далее забрал из контейнера два баллона, которые были довольно тяжелые и, взяв один, другой у него выскочил, он упал. Не подбирая его, он пошел с одним, перехватив его рукой, и поставил, принес второй и, осматриваясь по сторонам, он искал вокруг себя пистолет для этих баллонов, но не мог найти. Возле контейнеров тоже не было. Но перерыв весь ящик с инструментом, нашел его. Взял и, приделав к одному из баллонов, покрыл ровным слоем черной пены весь крест. Заполнил швеллер и скрыл все металлические части им. Опустил баллон и, взяв не большой шпатель, стал выводить ровные контуры, освобождая изгибы, которые ранее приварил. Несколько минут он выводил все участки, раствор стал застывать уже. По быстрому доделав, взял второй баллон и стал опрыскивать его бесцветной жидкостью, обильно поливая весь крест и изгибы. Оба баллона отнес к ящикам, сложил в них все и, перед тем как закрыть, вытащил маленькую красную сумочку. Повернулся – и крест блестел черным цветом, и его изгибы переливались золотистым цветом. Несколько раз нажал на шлеме кнопку и подошел поближе, сделал еще снимки и с коробочки снял крышку. Там было фото его отца, на которого он был очень сильно похож. Черно-белое фото очень шло этому кресту, осмотрев внимательно свою работу, его устроило и вынул из сумочки два тубика. Один открыл и положил возле креста, пролив несколько капель на камень. Другой держал в руке и снял шлем, отпил из него и, передергивая лицо, допил все же его. Достал из сумочки несколько батончиков и, открыв один, поставил возле тубика, а от второго откусив кусочек, перебил горечь во рту. Немного постоял, дожевал его и, надев шлем, несколько раз нажал на кнопку на шлеме. Тубик и фантик свернул и положил под камешек возле груды железа. Посмотрел еще раз на овраг и, кинув последний взгляд, пошел к контейнерам. Рядом с ними висела веревка, он поднялся с помощью нее. Перед самым верхом, держась руками за веревку, выглянул и посмотрел внимательно по сторонам. Никого не было, он поднялся и, распутав веревку, пошел к спуску. Дойдя до спуска, присел у самого края и, привязывая веревку, внимательно смотрел вниз. Автомат перевесил на грудь и быстро спустился вниз. Сразу же развернулся и замер, держа автомат одной рукой, осмотрел подход к машине и, убедившись, что все чисто, быстрым шагом направился к ней. Перемахнул через несколько камней, которые стояли на его пути. Метра за два машина мигнула фарами, и, коснувшись ручки, дверь открылась, он сел и сразу же закрыл дверь. Автомат кинул на пассажирское сидение и завел двигатель. Выехал аккуратно и не спеша направился к базе. Хотя его неспешность продолжилась несколько километров, когда он подъехал к базе, его встретила вооруженная охрана. Он не выходя из машины открыл окошко и, смотря на одного из них, хотел что-то спросить. Человек, держащий автомат возле бедра и пристально смотревший на него сквозь забрало шлема, сказал: «Вам надо в карантин на сутки». Гриша молча повиновался, шел в сопровождении охраны, и, не дойдя до общего ангара, его завели в неприметное помещение, по ступенькам

немного спустились вниз. Возле первой же двери его остановили, и, открыв дверь, он вошел в комнату, там горел свет. И комната была почти такая же, как его номер. Только не было ванной комнаты и стоял один диван с телевизором на стене. Он осмотрел комнату и расстегнул комбинезон, стащив его до живота. Сел на диван и посмотрел в монитор, там шел отсчет и уже показывал двадцать три часа и пятьдесят семь минут. Растянулся на диване и закрыл глаза. Его разбудил голос. Он открыл глаза и сел на диван. ««Белое облако», что будешь есть?» Голос был незнакомый. Гриша не думая ответил: «Стейк, апельсиновый сок и конфет». Голос исчез, и примерно через час ему принесли его заказ. Он сидел на диване, когда в небольшой люк просунули продолговатый контейнер. Он подошел к двери и взял его. Ему протянули еще один и термос с соком. Он взял это все и не стесняясь положил на диван. «Голос, стола тут нет?» – поинтересовался Гриша, открывающий термос с соком. «Нет, извините, запрещено». Он молча открыл контейнер и вилкой посередине вонзилась в стейк, из которого маленькими крупичками выступил сок. Он откусил его и счел достаточно вкусным. Сидя на диване, попивая сок и жуя стейк, смотрел по телевизору новости, где обсуждали его и как он прошел участки. Увидел знакомые лица, в студии сидела Юми. А некоторые кадры были из машины, когда он катал Рейчел. Спокойно глаза, что про него говорят, он доел и сложил остатки назад. Лег на диван и, набрав гору конфет, стал их жевать. Он проспал всю ночь. Утром заказав то же самое, поел и стал дальше смотреть новости. По всем каналам крутили одно и то же: что какой невероятный участник, уже предполагали, на что я потрачу свои деньги. Множество тех, кто, мягко говоря, не верил, что он вообще отберется, теперь говорили, что поддерживали и наставляли его. Наступил вечер, ему открыли дверь и выпустили, он шел по коридору до своего номера, его сопровождал охранник, который довел его до самой двери в номер, возле которой уже на стуле сидел судья и снова копался в планшете. Увидев конвоируемого, он улыбнулся и встал со стула. Протянул руку навстречу ему. Гриша протянул, и они пожали друг другу руки. «Поздравляю «белое облако», твой пятьсот семидесятый номер, уже высеченный на кубке, ждет тебя. Еще раз поздравляю», – улыбался его бывший враг. Он слегка улыбнулся и, открыв дверь, оставил ее открытой. Судья зашел и закрыл дверь, Гриша не садился в кресло, а стоял и расстегивал комбинезон, спустил его до живота. Судья сел в кресло и начал разговор: «Какие планы?» – «Домой!» – «Предлагаю тебе сделку». – «Какую?» – «Акционировать в разработку одного месторождения». – «Тут?» – «Ты догадлив». – «После того как побываю дома, скажу, сейчас пока ничего не отвечу». – «Хорошо, я оставлю номер, как надумаешь, позвони, но не позднее двух месяцев». – «Детали обсудим не тут», – Гриша без эмоций ответил. Уже после четвертого рубежа начал считать, куда потратить его миллионы. Судья с искрами в глазах вышел и аккуратно закрыл дверь. И не спеша пошел по коридору в свой кабинет. Там его ждал человек в сине-черной форме, на животе его лежал автомат. Увидел входящего судью, отвел глаза от автомата и снял его с шеи, поставил возле кресла. Судья прошел и сел напротив него, взял со столика бутылку и налил два стакана. Человек в форме молча взял и, держа в руке, смотрел на него внимательно. Судья немного помедлил, смотря на стакан, и протянул человеку, они чокнулись. И, выпив стакан, человек в синем взял автомат и пошел из кабинета. Судья допил стакан и налил еще один, потер виски и закрыл глаза. Через сутки его направили на вертолете в окрестности берега Леопольда и Астрид. После карантина Гриша и его зверь летели на самолете. В аэропорту их ждало множество народа, он вышел с отсека, следом за ним вывезли «белое облако», и, сопровождая овациями, ему вручили кубок. Он блеснул белой шапкой на вершине глобуса, и россыпь бриллиантов украшала его чемпионский кубок. Он держал его и подымал высоко над собой. В тот день к нему много кто подходил со спонсорскими предложениями, он не отказывался и соглашался. Несколько раз был в больнице, врачи сказали, что ему не надо часто бывать, от его появления ничего не изменится. Спустя месяц, отснявшись во всех роликах и пополнив свой банковский счет не на одну сотню миллионов, он шел по небольшой улочке. Большая соломенная шляпа и очки

в пол-лица скрывали его лицо, позади был рюкзак. Он плавно обходил встречающих людей, которые снимали окружающую местность и не смотрели особо по сторонам. Несколько раз его останавливали туристы, и он фотал их возле статуй и на фоне старинных домиков, молча уходил. Невысокие старинные здания окружали всю улочку. Открытые кафе и рестораны манили своими запахами. Множество народа отдыхало и наслаждалось отличной кухней. Ветер дул с моря и подымался вверх по улочкам, неся с собой прохладу. Улочка вела вниз, немного изгибалась возле пляжа и уходила в небольшой лес. Он вошел в него и направился по почти безлюдному парку, в центре которого была его цель. Виднелось небольшое здание с красной черепицей и окруженное пальмами. Слегка подровненные кустарники окружали вход в здание. Рядом раскинулось поле с цветами различных цветов. Он остановился, посмотрел на них и, смотря на холл здания, вздохнул и вошел в него. Легкая музыка звучала в слегка затемненном фоне. С потолка на него смотрело множество звезд, на темно-синем фоне нарисованных известной ему рукой. Он поднял голову вверх, снял очки и смотрел наверх. К нему подошла менеджер. «Здравствуйте, вы заказывали столик». – «Нет, не заказывал, но я хочу стол заказать с приготовлением от шеф-повара, если можно». – «Она не может сегодня». – «Я заплачу тройную цену, если она согласится». – «Нет, она категорично заявила, что не будет сегодня готовить». – «Проводите меня к ней, и она приготовит, я уверяю вас. Она, возможно, из-за меня и отменила все заказы». И, улыбнувшись, кинул взгляд на зал, который, как всегда, был полный. Девушка нехотя послушала его и, не заставляя ждать гостя, провела его во внутренний зал. Он шел по залу и осматривал изменения, но их не было, он с самого детства помнил это место. Аромат даже был тот самый. Он вышел в маленький дворик, и менеджер сказала: «Подождите здесь, я сейчас позову шеф-повара». И, слегка поклонившись, ушла. Солнечный свет обильно поливал небольшую полянку, по краям ее росли пальмы, и под одной из них увидел знакомую статую. Он не спеша шел по зеленой травке и, войдя под тень ее листьев, снял шляпу, надел ее на статую и прошептал: «Тебе голову не напекло на таком солнцепеке стоять?» И улыбнулся сам себе. Снял рюкзак и вытащил свой кубок. Откинул его в сторону и поставил у самого подножья. «Вот тебе небольшой сувенир от меня, отец». И похлопал его по плечу. «Он в тени стоит, ему шляпа не нужна», – позади услышал голос. Он повернулся, и перед ним стояла женщина в служебной форме черного цвета, на ее голове была косынка с черным кружевными узорами. Он подошел поближе и обнял. «Я рад тебя видеть, мама». Она прижалась и молчала, они постояли немного. «Я рада тебя видеть, я как чувствовала, что ты придешь сегодня», – улыбаясь ответила и тянула его за руку с собой за стол. Он пошел за ней, но она отпустила руку, взяла его кубок и принесла за стол, поставила возле кресла. Он усадил ее и сел сам, стали разговаривать. Посидев минут пятнадцать и сделав заказ, продолжили общение. Первое блюдо принесла официантка, и, отвлекшись от матери, он взглянул на нее. Его взорвало в тот же миг, он пристально смотрел на нее, не сводя взгляда. Девушка почувствовала взгляд и покраснела, даже, можно сказать, багровела на глазах. Лиза делала вид, что не заметила, и продолжала ему что-то говорить. Он не отвечал, а только смотрел, как ее рыжие локоны спадали на плечи. Как зеленые глаза старательно уводили взгляд от него. Она, положив блюда, быстро ушла и через несколько минут вернулась обратно. Он ей только вслед смотрел и ждал ее появления. Она несла поднос, он смотрел на нее, она с розовыми щечками и вся такая огненная и жгучая шла и заметно, как ее руки дрожали. Она еле собирала себя, еще чуть-чуть – и она уронит поднос на глазах своей начальницы. Она расставляла блюда и уже откровенно не смотрела на него, а только все больше вгонялась в краску. Она сильно прижала поднос к груди и, согнув голову к нему, быстрыми маленькими шажочками ушла. «Понравилась?» С десятой попытки он услышал маму. «Да!» И, начав было перечислять, опомнился, замолчал и начал копать вилкой в супе. Лиза не выдержала, стала смеяться долго и еле сдерживала себя. Он багровел и, поняв, что его раскрыли, сменил все же вилку на ложку. Но есть не хотелось уже. Все мысли были о девушке. «Даже не думай, я не разрешаю».

Он посмотрел на нее и спросил: «Почему?» – «Тебе сколько лет?» – «Шестнадцать». – «Ей пятнадцать, вы оба маленькие». Он хотел было возразить, но что-то замешкался. «Вам надо повзрослеть, а потом думать о чем-то. Знаю я вас, детей, нашкодите и потом прибежите оба жаловаться ко мне. Так что я запрещаю, оба подрастаете – тогда и сами разберетесь». – «Но вдруг». И она его оборвала на полуслове. «Значит, не судьба и не расстраивайся. Но сейчас, я тебя уверяю, не надо торопиться». – «Эх», вздохнул он и выпил воды несколько глотков. Окончательно расстроился. «Ты не забыл, что у тебя дело еще в Антарктиде?» Она на него внимательно посмотрела. Он напряг лоб и, окинув взглядом статую отца, произнес: «Нет, не забыл, я разберусь в причине». – «Вот и молодец, давай ветер с головы гони и сделай дело, а потом уже и думай о ней. Но если хочешь, я сохраню ее для тебя». Он посмотрел на нее гневно и только открыл рот – она его опередила снова: «Супчик ешь, а то уже весь с голоду опух. Смотри, какое красное лицо у тебя». И засмеялась звонко и весело. Он посидел немного и тоже рассмеялся. Они оба посмеялись и принялись за еду. Она нажала на кнопку, и пришла официантка, но уже другая. «А где Кэтрин?» – поинтересовалась Лиза. «Ей стало плохо, и она ушла». И, начав защищать стажерку, начала ее выгораживать, что, мол, с утра ей было плохо, потом жар у нее, что аж лицо покраснело. Лиза молча выслушала и, сделав заказ, отпустила ее. «Не один ты заболел, малыш». И почесала кончиком ногтя свою бровь. Посидела, немного подумала, но, не успев что-то сказать, пришла официантка без подноса. И за ней вышел следом человек в строгом костюме и с маленькими очками на носу. И, окинув взглядом того, кто с ней сидел, небрежно произнес: «Я вас жду, сударыня, а вы все не выходите, персонал ваш мне нагло врет, что вас нет сегодня. Я вот и думаю: что ли, вам третья звезда не нужна? Я же пришел пригласить вас лично на вручение ее». И с вопросительным взглядом уставился на нее. «Голубчик, мне глубоко все равно на эти звезды в этот день, и можете не приглашать меня. Я сказала, меня нет сегодня ни для кого, значит, нет». Официантка скрылась из вида и куда-то быстро ушла. Он раздраженно и все с более презрительным взглядом смотрел на юношу и произнес: «Доблестную звезду нашей организации меняете нанелепые шашни и даже не скрываетесь». Она молча поднесла руку ко лбу и была в шоке. Гриша молча встал, взял кубок в одну руку и подошел к нему. Поднял его двумя руками и тыкнул сильно в лицо. Очки слетели с носа, и он, пошатнувшись, отошел на несколько шагов от кубка. Гриша смотрел на него, и тот непонимающе протирает глаза, пытаясь что-то произнести. Его опередил юноша и произнес злостно: «Лучше молчи и читай, что написано». Мужчина наклонился, взял очки и, надев их, стал всматриваться в штуку, которой его чуть не сбили. Бриллианты блестели в солнечном свете, цвет золота и платины хорошо откликнулся на лучи света. Даже без надписи из бриллиантов он понял и узнал кубок, а следом за этим юношу. Точно, по новостям показывали не один раз первого чемпиона Антарктиды. И сам же он удивлялся, что где-то видел его, лицо было очень знакомо. А тут пазл сошелся, он ее сын. За ним что-то шлепнулось, и он повернул голову. За ним стоял в черном фартуке и грозно смотрел мощным мясистым лбом один из поваров. И, взяв его за нос, шкрябая каблуками на лакированных туфлях и хватаясь руками за его могучую руку, вывели из ресторана через служебный вход. Гриша сел за стол и поинтересовался: «Давно так?» – «Как узнали, что Джордж в больнице, один за другим приходят все, в женихи сватаются. Гриша держал кубок в руках, поставил его на стол и произнес: «Поставь его в холле, и больше никто не будет лезть к тебе, верный способ». И, сделав лицо, как в рекламе, подмигнул и поднял палец вверх. Она молча на него посмотрела. Выпила фужер вина и, помассировав виски, ответила: «Сделка согласована». Оба слегка улыбнулись и немного посидели, после чего им принесли счет. Он ошарашенно смотрел на нее: как так счет, я думал, меня угощают. Она прочтала в его выражении лица его вопрос и сказала: «Давай рассчитывайся и официанткам хорошие чаевые оставь». – «Хорошие – это сколько?» Непонимающе смотрел на нее. Она немного призадумалась и что-то вспоминала. «Пятьдесят тысяч хватит за все». Он поперхнулся и молча

провел карточкой по стоящему на столе терминалу. «Ты хорошее дело сделал, ты человеку помог, не пойму, в кого ты такой жадный у меня. Человеку чужому тебе сложно помочь». Он качнул плечами, мол, не знаю. «Подожди меня тут, я скоро приду». Встала и пошла не спеша, что-то листая в телефоне. Он прождал ее около двух часов. И вот она пришла в черном просторном платье и косынке черного цвета. Он встал, и они вместе пошли из ресторана, проходя через служебный проход, увидели сидящую на лавочке официантку, которая что-то говорила по телефону и плакала. «Не обращай внимания, молча пошли», – прошептала ему на ухо, когда увидела, что он посмотрел на нее. Они отошли немного, и она ему сказала: «У нее ребенок болеет, нужна операция, мы собираем деньги, я бы могла дать их, но потом придет каждый со своими проблемами. А я все же начальница, а не меценат». – «Да, понимаю, помогла. Но я все же и до сих пор считаю, что каждый пусть решает свои проблемы». – «В кого ты у нас такой?» Она обняла его за руку, и они пошли к дому. Наутро они вышли из дома, попрощались, она пошла на работу, он полетел в Антарктиду. Сидя в самолете возле своего «белого облака», услышал звонок. Взял трубку и услышал знакомый голос: «Я не дождался звонка, вот сам и звоню узнать». Гриша оборвал на полуслове своего собеседника: «Сколько надо и какой процент и окупаемость?» Голос замолчал и произнес: «Я так понимаю, что ты летишь обратно?» – «Это не важно, примерные наброски скиньте в сообщении, я прочту и дам ответ. И я не звонил, что ваш номер не знал». – «Да, точно, прости, я и забыл про это. В течение часа пришлю, только не затягивай с ответом, хорошо?» – «Да». И скинул разговор, миллионов сто наверняка попросит, это много, но если реально вариант, то я дам их. Единственное, что плохо, что без документов договор. Ладно, что придет, изучу и решу. Файл пришел, посмотрев и оценив потери, он согласился. Перевел средства и, конечно, речи о договоре тут не шло. Его экспедиция была туристическая на несколько месяцев. Самолет не мог сесть из-за большого тумана, и решили его спустить с помощью парашютов. Зацепили за платформу и, выбрав координаты, высадили. Он сидел в машине и плавно спускался посреди облаков, в промежутках густых белых облаков виднелось солнце. Позже скрывалось и снова виднелось, оно слоеный пирог напоминало ему. Датчики на навигаторе работали и показывали высоту, до поверхности оставалось менее полукилометра. По координатам он шел ровно к тому месту, где был большой участок с ровной поверхностью. Посадка была практически мягкой, он сел, и небольшое облако пыли взлетело вверх, белый парус парашютов развивался от небольшого ветра. Он вышел из машины и, распутав стропы, свернул их и, накидав на них камней, придавил. В машине смотрел в навигатор и внимательно изучал местность, прежде всего его волновала местность, где был его отец и где он заразился. Но она была запрещена к исследованию, и множество монстров было там, и к тому же до нее было почти тысяча километров. Примерно по составленной схеме он знал, какие участки ему надо исследовать. Первый участок лежал всего в десятке километров, и он не спеша направился к нему. Не проехав и нескольких метров, его машина погрузилась в снежно-водяную кашу. Колеса застревали, лебедку не было возможности зацепить. Высунулся через люк и стал осматривать, не беспокоясь за подход нелюдей к себе. Найдя выступ метрах в ста семидесяти, он вылез из люка и спустился на капот, взял высвобожденный крюк и не спеша пошел по этой гуще, погрузившись почти по пояс, местами уходя с головой. Конечно, можно попробовать воспользоваться гарпуном и зацепиться с расстояния. Но выступ был слишком мал. Немного было холодно, но трудность была продвигаться, сильно сковывала движения эта снежная каша. Добравшись до выступа, влез на него и, прикрепляя крюк, понял, что этот выступ состоит из льда, покрытого небольшой песчаной коркой. Внимательно всматриваясь дальше, не увидел ничего подобного, спрыгнул назад. И, вода по дну гарпуном, стал искать малейший выступ или углубление. Проведя в этом занятии около получаса, он нашел примерно в двухстах метрах от машины выступ, всунул в него крюк и, дернув пару раз, предположил, что тот выдержит. Возвращаясь назад и придерживая одной рукой трос,

добрался до машины и, забравшись на капот, что-то его схватило и потянуло вниз. По шлему пронеслось несколько мощных ударов. Он, не видя противника, ощущал только сильные толчки по голове, но, собравшись, он удалился на пару метров и, заходя по памяти к багажнику машины, проделав весь этот путь без труда и слегка приподняв голову, увидел монстра, который со стороны крыла пытался забраться. Его обезображенное тело кипело и бурлило, создавая некое подобие пены. Он неслышно подошел и, прислушиваясь к тактам, когда монстр пытался взобраться, стал плавно забираться. Когда он залез на крышу, монстр залез на капот и, осматриваясь и что-то вереща, уставился на фигуру пилота. Что-то кряхтя и фыркая, он без труда вспрыгнул на крышу и, видя открытый люк, заглянул туда. Но удар его сбил, и он покатился вместе с человеком в белом комбинезоне. Упали оба в воду, и, обняв монстра за живот, держал его, он бил по голове руками и кусал за шлем. Но удары чувствовались, но они были без значимого урона. Лежа на самом дне и удерживая монстра, он его кусал и пытался вырваться, но с каждым ударом его силы таяли, порой взрывались в несколько сильных ударов и снова превращались в легкие толчки. Пролежав на дне несколько минут, и, когда монстр взорвался серией ударов, он его отпустил от инерции ударов, он немного сместился. Гриша резким движением перекрутился, встал и быстро направился к машине. Нога коснулась отверстия в бампере, вторая встала в соседнее отверстие. Быстрым движением поднялся и в несколько секунд уже был на капоте. Монстр только всплыл, очень медленно начал двигаться и, протянув руку к машине, шел за ней. Гриша посмотрел на него и, еще тяжело дыша, просунул половину корпуса в люк и достал автомат. Навел прицел и нажал на спусковой крючок, голова монстра опрокинулась назад, и он, глядя вверх, упал назад и так и повис на снежной воде. Гриша залез в машину, и закрыв люк, нажал на kostюме несколько кнопок и, подсоединив провода от сидения, ждал результаты на дисплее. Через минуту стабильность системы вывелась на экране, осмотрев все внимательно, включил лебедку, и она не спеша натянулась, и он, помогая немного колесами, стал пробиваться дальше. Спереди постепенно выростала куча из ледяных крупинки. Они наваливались на капот и плавно падали, по краям образуя две ровных полосы. Дойдя до стрелы гарпуна, нажал одну кнопку на дисплее, и машина немного наехала на него. Раздался маленький щелчок, и на дисплее погасла лампочка лебедки. Категорически не желая терять драгоценное топливо, он спускался вновь в воду, когда застревала машина, и, пользуясь лебедкой, двигался вперед. Но все же через некоторое время он выбрался на берег, остановился и, осмотревшись, вышел наружу, но уже хорошо держа автомат в руке. Осмотрел местность, где, кроме лишайников и мелкого камня, ничего не было вокруг. Ровная полянка была и, выбрав ее, расценив как за хорошее место для ночлега. Солнце уже стремилось к закату, и, не желая привлекать внимание светом от фар, не пройдя и половины намеченного пути, разложил спереди постель и лег полностью, выключив системы в машине. И, греясь только от пледа и обогрева костюма, проспав пару часов, открыл глаза и, потянувшись, осмотрел окружающую местность через стекла. Все было чисто, но на улицу по нужде что-то подсказало, что не надо выходить. Но что сделать – он впоследствии придумал, и эта задача была одной из трудных для него в этот день. За окнами падали снежинки и покрывали ровным слоем пустошь, было очень светло, он даже без фар мог видеть все очень хорошо. Завел двигатель, и он чуть звучно шептал, сидя в кабине, даже не было слышно, как он гудит, давая плавно газу и аккуратно обруливая небольшие бугорки снега. Двигался до своей цели, снега было немного, сантиметров сорок, но он был довольно тяжелый, и крупинки были крупными, напоминали песчинки. На навигаторе показалась точка, которая светилась от него в двадцати метрах, не подъезжая близко, остановился. Взял рюкзак, к боковым вставкам приладил ножи и, держа автомат в одной руке, открыл дверь. Снег все так же падал, напоминая своим движением капли дождя. Перехватив рукой автомат, надел за спину рюкзак, автомат надел на шею и, сходя на землю, опустил ноги в снег, который был ему почти до колен. Ноги тяжело передвигались в нем. Дошел до багажника и достал из него лопату и веревку,

двинулся к своей цели. Наладонник показывал уже пару метров, и, остановившись, он стал постукивать лопатой по снегу впереди себя. Но это не вызвало эффекта, пришлось вернуться к машине, и, привязав один конец веревки к колесному диску, он направился обратно. Держа обеими руками лопату и переместив назад автомат, попрыгал на месте, взяв край веревки, намотал несколько раз ее вокруг черенка. И, придерживая один край кистью и держа обеими руками лопату, стал медленно шагать. Левая нога нащупала пустоту, он остановился и, отойдя на полшага назад, стал разгребать ногами снег, пробив маленькое отверстие примерно в полметра снега. Он включил фонарь на шлеме и стал медленно спускаться. Темно-серые камни были кругом, он спускался по самому краю, примерно в метр диаметром отверстием. Свет сверху отражался от снега и немного просвечивал, хотя уже стало заметно темнее, чем было. До дна пещеры было порядка семи метров, один край веревки у него был привязан, а другой остался наверху. За два метра перед окончательным спуском тщательно посветил на дно ее и, убедившись, что никаких сюрпризов его не ожидает, спустился окончательно, встав на твердую почву, но она была уже земляная, а не каменная. Высмотрел небольшой камень и замотал вокруг него веревку. Пнув несколько раз ногой по нему, развернулся, пошел. Медленно перебирая шагами и держа в одной руке лопату, в другой автомат, настроив на шлеме рассеянный свет, он видел вокруг себя примерно метров на пять. Стены его сразу заинтересовали, они были очень гладкие и без срезов на его краях. Конечно, они были не все такие, но большая часть из них была гладкая и визуальна, и на ощупь через перчатку. Двигаясь по ней и непонятно что ища, он продвигался глубоко на запад. Он примерно прошел километра три. Но не встречал ответвлений от главной ветки. Она немного шла под уклон, и становилось теплее. Дыша через фильтры, он не ощущал запах, который тут был. На шлеме скапливались капли, которые не застывали, это и помогло ему определить, что становится теплее. Дойдя до самого края, он увидел совершенно плоскую перед собой стену. Прислонил к ней руку и, вслушиваясь через динамики, когда постукивал по стене краем лопатки, снял рюкзак, вынул из него устройство и установил его на треногу в паре метров от стены. Подключил через провод к нему наладонник и стал внимательно смотреть. Устройство было немного прямоугольным, и на кончиках несколько овальных выпуклостей было. Сбоку – небольшой экран, по нему ходили какие-то импульсы в стороны. Гриша немного постоял и, собрав устройство, положил его назад в рюкзак. Достал маленькое устройство, по цвету которое почти сливалось с фоном пещеры. От него шли два проводка, из бокового разъема достал черную сферу и, неся эти две штуки, с краю приладил, положив сферу в начале, и к нему подключил устройство. Смотря на наладоннике, немного поправлял ее. Окончив поправление, пошел к рюкзаку, в другом крайнем кармане взял небольшой баллончик и, распыляя на установленное устройство, пошел обратно. Дойдя до того места, где он спускался, увидел, что веревка была на месте. Закинув автомат за спину и просунув лопату через одну из лямок, стал залазить наверх. Возле середины немного передохнул, спутав веревку ногами. Потряс руками и долез до выхода. У самого края так же запутал ногами веревку и, взяв лопатку, постучал по небольшому слою из снега, который уже успел нападуть и создать корку, он упал ему на шлем. Но, соскользнув, упал вниз. Кинул лопатку наверх и поднялся наверх. Снег почти закидал его протоптанные следы, и, смотав один край веревки, он закинул лопату за спину и, не спеша заматывая на каждом шагу веревку, двигался к машине. Положил все снасти в багажник, предварительно положив в него комплект ранее используемого оборудования. И кинул несколько обойм к его оружию, снял его и положил там же. Но, чуть не закрыв багажник, взял его с собой. Сел в машину и, заведя двигатель, попытался выехать, но машина слабо и помаленьку двигалась вперед и назад. На навигаторе осмотрел местность и, что-то прикинув, сжал крепко руль и, вдавливая плавно педаль газа в пол машины, – злобно заурчала двигателем. Слои снега разлетались в сторону, он двигался напрямки, внимательно смотря на цифры, которые уже на глазах уменьшались. Не доехав сотни метров до видимого

темного участка, скорость снизилась, и он еле слышным звучанием двигателя выехал почти на той инерции, которую ему придал разгон. Не останавливаясь ехал, уже сутки прошли, и вновь стемнело, включив фары и выровняв на них поток луча, он неслышно двигался, как пантера по джунглям. Всю ночь держал путь, местами попадая на участки, которые с трудом ему давались, но, не применяя всю мощь двигателя, он выезжал. Несколько валунов были навалены возле его следующей точки, включил фары посильнее и увидел, как несколько теней направились к нему навстречу. Не сбавляя ход, высунулся из люка и, прижав автомат к плечу, неслышными вспышками направил в сторону. Спешащие монстры упали один за другим, обруливая небольшие кочки с помощью ноги, он внимательно осмотрел местность. Сидя в салоне, выключил фары и, перезарядив оружие, вышел из машины. Взял рюкзак, направился в сторону валунов. Спускаясь в пещеру, были видны следы на грунте. Спустился в нее, спуск в туннель был под слабым углом и прямо уводил куда-то вниз. Включенный фонарь все в том же ритме светил, и, держа лопату в одной руке, он не спеша двигался и осматривал края. Пещеры были явно искусственные: такие четкие линии и уклон на них был совершенно одинаковый. Скорее напоминали шахты горняков. Или даже проходы в пирамидах. Несколько монстров выскочили из темноты света, он не растерялся и мощным движением вбил черепушку одному из них острием лопаты. Он завизжал, другой монстр, махая вокруг себя страшными когтями, разрезал воздух и стремился на лучи света, которые его слепили, и он, рыская своими желтыми глазами, не мог уловить источник. Два светлячка пробили его голову, и выпущенный один чуть позже пробил голову другому. Гриша подошел к тому, у которого была лопата в голове. И, достав баллончик, попрыскал на рукоять. Взял ее и вытащил, с острия стекала жижа, несколько раз распылил раствор и, немного отряхнув его позже, положил его в сумку и, так же держа лопату в одной руке, двигался дальше. Но уже рукоять автомата держал в левой кисти. Несколько пар монстров напали на него, и он шелкал по ним точно в голову. Они беззвучно падали. Пройдя километра три, он снова натолкнулся на точно такую же стену. Прodelал то же самое и пошел обратно. На обратном пути сел возле ранее убитого монстра и, тыкая в него кончиком лопаты, стал рассматривать его. Достал баллончик и несколько раз прыснул на страшную руку с её массивными медвежьими когтями. И внимательно смотрел, что происходит с нею, она покрывалась волдырями и немного выпускала дым. Она растворилась до кости, кисть была в точности похожа на человеческую. Не спеша он хорошо опрыскал его страшное лицо. И оно так же покрывлось волдырями от ожога и постепенно растворилось до кости. Череп был, как у человека, зубы немного его выпирали, но уже не так страшно, как до этого. Ниже пояса в промежность он пшикнул и стал наблюдать, как у него постепенно растворяется плоть. Прыскал еще и еще, и, в последний раз прыснув, откинул баллончик в сторону. Но позже поднял его и забрал с собой. Костей таза он не обнаружил, они словно растворились. Разрывая плоть острием лопаты, он прорвал до самой грудной клетки. Органы, насколько он понимал, все были на месте, но вот почему тазовых костей нет, хотя он видел, как монстр на него двигался. Что-то явно было непонятное в этом, не спеша он шел к выходу. Вдалеке немного уже было светло. Дойдя до края, увидел несколько монстров, которые сидели над трупами и жадно их ели, вырывая большие куски их плоти. Гриша молча наблюдал за ними возле машины, он не видел ни одного. Они ели, и он вышел из укрытия, они, не отвлекаясь, продолжали трапезу. Он случайно задел камень, и он издал слабое звучание. Один из них повернул голову и, оскалив клыки, стал смотреть на него. Гриша не стал стрелять, а шел медленно к машине, не сводя с них взгляд и оценивая обстановку. Другой, не отвлекаясь, поедая внутренности, другой же, немного посмотрев и видя, что он удаляется от пищи, отвел взгляд и стал есть далее, жадно чавкая и вгрызаясь, покрывая свою белую кожу темными подтеками их внутренностей. Дойдя до машины, он из багажника достал баллончик и побрызгал на лопату. И все время не сводя взгляд, заметил, как монстры затихли и смотрели на него, как он обрабатывал лопату. Он закончил процедуру и, держа автомат

в руке и наставив его вниз, прыснул в их сторону раствором. Один из них крикнул и что-то прошипел. Гриша, закрыв багажник, сделал несколько шагов и снова брызнул в их сторону. Тот, который визжал, сделал несколько быстрых прыжков к нему и замер, другой же убежал. Гриша подошел ближе и, подняв автомат, нацелил на него, подошел еще на пару шагов и снова распылил жидкость. Монстр встал на две ноги и, ссутулившись, стал визжать на него, злобно клацая клыками. Гриша медленно шагал назад и, поглядывая боковым зрением по сторонам, дошел до машины и сел в нее. Монстр все так же грозно смотрел на него, он завел и не спеша отъехал от него. И, заехав за валуны, вышел из машины. Монстр не видел его со стороны. Он держал автомат в руке и неслышно двигался, стараясь не шуметь, взобрался на один из валунов и стал наблюдать сверху за ними. Тот, который убежал, прибежал назад и стал жадно догрызать тело, другой, который стоял, был на том месте, где стояла машина и обнюхивал те места, где он распылял жидкость. И, что-то повизгивая себе едва слышно под нос, подошел к своему завтраку и не спеша стал догрызать тело. Первый, который жадно ел, быстро рванул в пещеру, и спустя пару минут из нее раздался визг, второй вбежал туда на четвереньках. И поднялся визг двух монстров, они визжали несколько минут. Гриша так же не слышно спустился и, добежав до машины, залез в нее. Отъехал несколько километров и остановился. Достал небольшой планшет и, нажав на экране, увидел, как два силуэта в пещере сидели возле убитого ими существа. Он припомнил и как раз вспомнил, что это возле того, у кого не было костей таза. Они так сидели долго, но ему было интересно, что они дальше будут делать. Быстро перекусив и все так же наблюдая за ними, они оба не сходили с места. Прошло несколько часов, и он, сгорая от любопытства, вернулся туда назад. Неслышно вошел в пещеру и, держа в одной руке пистолет, в другой нож, шел неспешно. С полностью выключенным светом. Дойдя, примерно за метров пятьдесят до них сел на корточки и, достав из кармана подобное биноклю устройство, приставил его к шлему и стал всматриваться в них. Они все так же не шевелились, а смотрели на того монстра. Он поднялся и маленькими шашками подходил и вот, стоя от них в нескольких метрах, держал на прицеле одного из них, включил на шлеме свет, который осветил их. Но они не шевелились, Гриша, не сводя с них взгляда, вложил нож в ножны и, сняв наладонник, кинул в одного из них. Он ударился об плечо и упал возле его ноги. Гриша, держа на мушке первого, выстрелил, и пуля вонзилась в стену, подняв небольшой всплеск пыли. Они оба не шевелились, сместив пистолет чуть в сторону, он нажал на крючок, пуля яркой вспышкой вонзилась первому голову. Затем последовала мгновенно вторая и прошла второму голову, стоявшие их фигуры на коленях опрокинулись и упали на труп монстра. Подойдя поближе, несколько вспышек вспыхнули, и черные брызги показались с их ран. Поднял свой наладонник и вышел, сел в машину и поехал дальше. Проехал примерно с часа три, он все же хотел отправить запись, сделанную им. Но сигнал был заблокирован, и, заезжая на возвышенности, он так же не мог уловить сигнала. Возле небольшой скалы остановился и, заглушив машину, начал думать и что-то состыковывать у себя в голове. Он имел странные пещеры, странное поведение монстров возле них. И к тому же те существа что-то испытали при виде погибшего. Хотя других они ели и при этом ничего не испытывали, много непонятного в голове у него от увиденного. Надеюсь, старик разберется, и, почесав было лоб, он потрогал шлем пальцем. По навигатору посмотрев участки пути, они вели его высоко в горы. Добравшись до вершины горы, подъехав и осмотрев ближайшие подножья, убедился, что надо идти пешком, но, опасаясь, что, пока он будет ходить, от его джипа оставят только разорванные части, стал его маскировать. В нескольких километрах от горы, где он приметил совершить восхождение, орудя лопаткой и затемнив перед этим окна, закидывал ее песком, хотя бы отчасти скрыв ее. Закинул рюкзак, но, уже заметно наполнив его, сложил лопатку и приладил ее к рюкзаку. Автомат повесил на шею и закрепил его на тонкий тросик. Пистолет его тоже висел на груди, пара ножей по краям ног была вставлена плотно в ножны. Перед дорогой несколько раз прыгнул на месте и, прислушавшись, понял, что ничего не звенит,

пошел. Как раз было начало ночи, и он шел почти вслепую, изредка всматриваясь в устройство для ночного слежения. Несколько раз камни под его ногами предательски стучали. Но в тот же миг он опускался на землю и несколько минут не двигался, внимательно вслушиваясь. Дойдя до скалы, стал взбираться, тут выступы были некрутые, и он с легкостью подымался наверх. Наступал уже рассвет, и, решив отдохнуть, он присел. Лучи рассвета освещали долину, которая в его лучах заметно хорошела. Лучи понемногу стали его слепить и морить в сон. Поспать точно надо, и, встав, он стал присматривать себе место для ночлега. Пещеры ему точно не нужны, то, что подойдет, – так это маленькая расщелина или выступ. Но тут такого не было, под склоном, под которым он сидел, был небольшой камень. Отодвинул его немного в сторону, натаскал небольшую кучу камней и, сложив их в небольшую горку, лег под склон. Тщательно закрывая себя камешками, орудую одной рукой, он наложил камней на все тело и втиснул ее под тот сравнительно с остальными камень. И задремал, конечно, было жутко неудобно, и на тело все давило, защитный слой придавал только защиту от когтей, но не от тяжести веса, который превышал его в два раза точно. Проспав довольно долго – сказался тяжелый переход – проснулся и, открыв глаза, увидел тусклый луч света через мозаику камней. Вытащил руку и неспешно снимал с головы камни. Освободив голову, приподнял ее, и никого не было рядом. Беззвучно сняв с себя камни, подготовившись к пути, двинулся дальше. Последние лучи солнца освещали его подъем, когда он добрался до почти отвесной стены. Ночью было почти невозможно подняться, но тратить время тут точно ему не хотелось. И скрепя сердце придумал выход из ситуации. Включив зеленую подсветку на шлеме, он, смотря только в стену, стал подыматься. Несколько раз камешки скользили вниз, потрясая среди ночи всю округу, но, откуда они точно упали, было сложно определить. Даже всматриваясь в стену, по которой он лез, можно было его принять за монстра, который лезет вверх по стене. Руки после часа на скале сильно затекли, было трудно цепляться в перчатках. Пальцы скользили, на ногах мышцы сводило от перенапряжения. Глаза болели от сильного напряжения, и больше всего оттягивал рюкзак назад. Нашупав руками выступ, пальцами ухватился и подтянулся, и, балансируя на одном выступе, он встал на него, обшаривая руками стены, и слабый луч света, который освещал ему. Было почти ничего не видно, одна нога сильнее затекла и уже начинала сгибаться в коленке. Но выступа ухватиться не было нигде. Прижавшись рукой и вода другой по стороне, он ничего не мог найти в качестве опоры. Достал нож и стал искать им маленькие щелочки. Но острие нигде не встречало расщелины. Нога уже тряслась сильно от перенапряжения, и, сделав свет сильнее, он снова продолжил искать себе новую опору. Но вот нога резко согнулась и соскользнул вниз. Падая вниз и пытаясь зацепиться за выступ, не рассчитав силы, попытался резко схватиться. Но он промазал и вместо касания с захватом у него получился удар по стене. Рука в нескольких сантиметрах пролетела от маленького выступа, и голова содрогнулась. И боковиной шлема ударился об него, тело обмякло, и он потерял сознание. Фонарь его ярко продолжал светить всю ночь, он повис благодаря ножу, который был в его руке, крестовина ножа зацепила его за перчатку, а край ножа в нескольких метрах внизу зацепился за тонкую продолговатую полоску в камне, куда обмякшая рука влетела после потери сознания. Рев сквозь туманное сознание доносился до него, открыв глаза, он почти ничего не видел, кровь залила его шлем изнутри. Присматриваясь, он через нечастые мелкие просветы видел каменистую стену. Голова сильно болела, повернул голову, в сторону от стены увидел дневной свет, лучи пробивались сквозь стекло. Ноги были не на опоре, касаясь ими стены, опоры не было под ними. Рука одна была чем-то зажата, и она не давала признаков на движение. Второй рукой нажал на шлеме, и стекло открылось вверх, и, посмотрев наверх, он увидел, как самым краем материи палец перчатки держался за рукоять ножа. Тонкий кусочек металла его спас, он, не спеша и почти не двигая корпусом, вытащил пистолет. И, сняв его с предохранителя, несколько раз выстрелил в камень, рикошеты и осколки пули летели в его. Но он их даже не ощутил на себе. Положил пистолет на место и, вытащив нож,

воткнул его в небольшую расщелину. И, надев на рукоять ремень от автомата, зафиксировал себя относительно крепко. С помощью второй руки помог освободить подвешенную, рука упала, как хлыст болтаясь на плече. Нож все торчал там же, аккуратно вытащил лопатку и плоской стороной ударил по рукояти, немного он вошел, и, продолжив процедуру до того момента как он перестал входить, скинул лопатку вниз, она глухо упала и осталась внизу. Веревка, висевшая за спиной, ему пригодилась, сделав одну петлю кое-как, он с нескольких попыток закинул лассо. И, натянув ее и немного подергав, решил спускаться. Но рев в ушах не дал ему прыгнуть вниз. Кинув взгляд вниз, увидел небольшое скопление нелюдей, которые тихонечко сидели, и некоторые из них рычали. Лопата, упавшая ранее, замертво положила одного из них, раскроив голову напополам. Монстры не смотрели на него, он мог бы их всех снять с высоты, но внизу было бы опасно оставаться, приходилось оставаться тут. Но ремень его больно сдавливал, и чувствовалось, что надо отдохнуть и набраться сил. Протер стекло, и, закрыв его, индикатор высветил скорый разряд батареи. Без нее вентиляция будет невозможна, а дышать вирусом он точно не хотел. Ему хватило того, что он уже раной контактировал с ней. Повиснув над монстрами и соображая, что ему сделать, стал осматривать местность вокруг него. Рука понемногу отошла уже, было жалко лопатку, но ничего уже не сделаешь. И, несмотря на то, что происходило внизу, отцепился и стал понемногу забираться наверх, но перед этим привязал к себе за пояс веревку. И, отмерив пару метров, привязал ее к одному из ножей. Другой всунул в ножны и, встряхнув онемевшую руку, стал забираться выше. Много что ему хотелось сделать, но это было неосуществимо в данный момент. Все же он имеет внизу монстров, которые хоть и не скалолазы, но могли своими криками созвать их сотни. Освещая ранее не видимые ему выступы, он уже долез до того момента, где он сорвался. На выступе был небольшой скол камня. Он ощущал его частью своим черепом. Но стал ощущать, как увидел скол, потрогав рукой, нащупал, что его шлем был пробит камнем. Немного замедлившись и решая, что предпринять, внизу услышал рев, опустил голову вниз, и несколько монстров с черными пастями пытались лезть вверх. Пытаясь ускориться, он стал уже не особо осторожно взбираться. Находя расщелины, втыкал нож, подтягивался и лез дальше. Вверх пролез несколько метров, руки сильно затекли, опустив голову вниз, оценил обстановку. Видя, как человек лезет вверх, они последовали его примеру. Монстры лезли довольно быстро, цепляясь за камни своими лапами, ползли вверх, его импровизированный крюк хорошо его держал. Вытащив пистолет, прицелился, и слегка слышимые щелчки щелкнули, и первые двое замедлились, но не упали. Положив пистолет на место, принялся дальше лезть, до окончания этой стены было примерно метров еще десять, которые давались ему уже очень тяжело, зажмурив один глаз и дрожащими ногами толкая себя вверх. Нож ослабевшими руками не с первой попытки удавалось просунуть в нужный промежуток. Держаться было совершенно не за, что это, с одной стороны, был плюс, так как его преследователи долезли до выступа и дальше не могут лезть. Он периодически снабжал их едой, и они спускались, доев своих товарищей, лезли дальше. Но эти движения у них были интуитивные, даже не визжали вслед ему уже. Только смотрели своими желтыми глазами и иногда слабенько повизгивали. Порой ему казалось, что они за его спиной, так было тихо, и только их шорохи разбавляли эту пустоту звуков. Последний рывок – и он, обессиленный, лег на площадке порядка двух метров в длину и где-то сантиметров тридцать в ширину. Отдышавшись и пожимая руки, взглянул на свою свиту, они были далеко внизу. Отмотал веревку (примерно семь метров), отрезал несколько кусков. Снял рюкзак и вытащил из него две прямоугольные коробочки примерно с ладонь. Нажал на кнопку, и маленькая лампочка замигала желтым. Привязал к одному из концов по одной и спустил вниз, развесив почти по всей длине его балкона. Закрепив их за нож, воткнутый между камней, быстрым движением снял шлем, и подшлемник чуть не снялся вместе с ним. Осмотрел шлем, он весь почти был залит кровью, и торчала смятая гофра внутренней защиты. Камень не пробил защитную сетку. Это радовало. Выколунав его

с помощью ножа и достав из рюкзака аптечку, вытащил тюбик и залил отверстие в шлеме. На наладоннике включил камеру и, смотря на стекло шлема, стал обрабатывать рану. Взял черный шприц и посмотрев вниз, увидел, что монстры все там же. И, покрутив его в руках, пока не решился на его применение. Протерев начисто рану, вытер лицо, полил свою ссадину из баллончика, закрыл глаза и, глубоко дыша, перетерпел жжение. Если болит, то хорошо, значит, я еще не заражен. В шлеме имелся маленький отсек, обычно туда наливали воду, и иногда по чуть-чуть можно было пить. Но он нашел другое применение: напыскал в него из другого баллончика раствора и, высвободив трубочки, отсоединив у самого моторчика, обрызгал свое лицо с него и внутри шлем, что он аж стекал со стенок. Надел его, нажал на кнопочку, и по голове потек раствор, сильно соленая смесь стекла по лицу и, попадая в глаза, сильно щипала. Но, закрыв стекло, немного помотал головой, перетерпел дискомфорт. Сложил все в рюкзак, встал и, надев его, двинулся дальше, но уже не карабкаясь так сильно, а порой даже идя пешком по скале. Сверялся с координатами, до цели оставалось несколько сотен метров, но надо было идти скорее до цели. Пройдя от своей остановки несколько сот метров, усталость взяла свое, сев на камень и тяжело дыша, в голове сильно звенело. Жадно откусывая от батончика куски, запивая водой, которая жутко соленая была. Напоследок позволив себе смочить губы обычной водой. Но пить хотелось жутко от количества съеденной соли. Продолжил путь дальше, солнце сильно пекло, его белый костюм уже нагрелся, словно он был в пустыне. Солнце нещадно било своими лучами, и становилось очень плохо. В глазах темнело, и, дойдя до своей цели, он перекинул автомат себе на плечо и, сжав нож в руке, включил фонарь на шлеме, который светил довольно плохо. И предполагая, что это от усталости у него зрение не может адаптироваться и от света яркого. Он шел все так же по привычной пещере, которая все под тем же углом была направлена вниз. Не спеша и почти не прислушиваясь к звукам, прошел около километра, мелкие камешки попадались ему под ногами. Свет все тусклее освещал, и, когда заряд батареи окончательно исчерпался, свет погас, и, сделав по инерции несколько шагов, его ноги провалились в бездну от мощнейшего удара головой. Удар в левый бок, потом удар по ногам, хруст костей. И провалились в бездну он и его сознание. Страшно ударяясь о стены, падая по узкому туннелю глубоко вниз, упав метров с пяти, он катился метров десять под уклоном, и у самого падения, словно по маленькой дуге, вкатывался на пик и продолжал дальше. Бездыханное, с перебитыми костями тело упало в пустоту, всплеск воды, и брызги образовались от его приземления. Но, исчезнув в воде, тело его всплыло и зависло в глубине мрака и пустоты. Лиза стояла на коленях возле могилы своего мужа. «Прости меня милый». И, собравшись с духом, хотела что-то сказать, но увидела, как Джордж с тростью в руке бежал через небольшой проход прямо на нее. С совершенно белым лицом. Она встала и, придерживаясь рукой за могильную плиту, непонимающе и испуганно смотрела на него. Он смотрел, и его белое лицо скривилось от сильной боли, от недавно перенесенного сердечного удара. С дрожащими руками и с не менее дрожащим голосом: «Лиза». Задыхаясь и чуть не крича на нее: «Гриша в Антарктиде?» Грозно смотрел на нее. Она не смотрела на него и, поглаживая мрамор, ответила: «Да, он туда полетел». – «Ты как его отпустила? Тебе сына не жалко?» Стуча по дорожке тростью и яростно махая рукой по сторонам. Она ничего не ответила, все так же продолжала гладить плиту рукой. «Когда он улетел?» – «Двадцать второго августа». – «А сейчас какой месяц?» Сжимая трость обеими руками и кусая губы, смотрел на нее двумя огнями глаз. «Тридцать первое мая», – сухо ответила она. «И как я понимаю, он ни разу не звонил тебе?» – «У меня телефона нету». Не смотря на него и с мокрыми глазами, стояла она, уткнувшись глазами вниз. Он, взявшись за сердце, присел и, сидя на корточках, расплакался и упал на колени, зарыдал. Она стояла, и слезы уже стекали по ее лицу и капали незаметными каплями на темный асфальт. Все розыскные экспедиции были безуспешно отправлены, но, проводя разведку только с воздуха, они не могли найти следов. После нескольких лет поиска с его участием уже смирились.

Возле статуи отца появилась статуя другая, и на могильной плите возле своего отца стояла и его. Так род Холмогоровых был закончен. Выплюывая кровь и стараясь разглядеть, где он, не чувствовал своего тела. С трудом подняв руку, нащупал на шлеме кнопку, но, нажимая ее, эффекта не было. Было слышно, как бултыхала вода и как запах воды и камня, перемешанный с кровью, был у него в носу. Рукой проведя по стеклу шлема, оно было разбито, левую сторону тела он не чувствовал. Она только сильно болела и, нащупывая наладонник на руке, он его не нашел. Становилось очень холодно, оно и было холодно, только сейчас сквозь боль холод стал доминировать. Стуча зубами и преодолевая боль, перевернулся в воде и, барахтавшись, одной рукой попытался достать батарею. Несколько попыток у него не вышли, чуть не потеряв ее, все же достал ее. Положил на живот и стал отсоединять старую. Зажимы не дали сразу, замерзшие пальцы и, вероятно, несколько их были сломанными, с трудом поставил. Нажимая кнопки на шлеме, он не мог включить почти ничего, только подсветка зеленым светом окрасила пол его лица. Оставив кнопки на шлеме в покое, стал ощупывать свое тело, трясаясь от холода. Рука вроде вторая была цела, по крайней мере, кости не торчали, но, подымая ее, она падала, лишенная действующих мышц. Напряг ноги, и они с болью, но шевелились, спина не сломана, значит, есть шанс. Преодолевая себя, чтобы не отключиться, осматриваясь по сторонам и продолжая мучить шлем, все же добился от него результата, он стал его немного согревать. Но света все так же не было видно, прислушавшись немного, он ничего не услышал. Темнота давила на него, он не знал, куда ему идти или плыть, но, подгребая рукой, он неизвестно куда направился. Барахтая рукой и лежа на спине, он двигался, голова во что-то уперлась. Трогая рукой, это было что-то твердое, скорее всего, камень. Повернув лицо и слегка подсвечивая подсветкой, увидел было без единого выступа и ровная, словно стена, по которой он восходил на гору. И, придерживаясь стены рукой, стал по направлению ее двигаться, смотря на стену. От полной темноты ему было плохо, было ощущение, что сейчас что-то упадет ему на лицо. Неизвестно, сколько он проплыл так, но несколько раз остановился перекусить батончиком и, с трудом откусив кусочек, положил его в шлем. Ощущая запах не только крови и воды, но и еды, ему становилось легче, и не давили мысли в голове. Усердно проплыв, он не заметил, как впал в горячку и как его всего тряссти начало. Становилось и жарко, и холодно, казалось, что кто-то плывет за ним и воет ему под ухо. Словно вот-вот из темноты на него выскочит кто-то и будет его медленно поедать. Вкус крови усиливал этот эффект, который периодически густой массой ощущался во рту. Что-то у него было перебито, и оно не болело, как ни странно, только из сосудов выплевывала кровь. Мощная снежная буря скрыла долину и все ее окрестности, замело его транспорт метровым слоем льда, и всё покрылось сверху коркой песка. Пальцы коснулись острых углов, и, не понимая, что он делает и когда это сделал, с трудом залез на камни и, лежа на животе и истекая кровью, которая капельками стекала у него с лица в воду, впал в бред. Выкрикивая что-то в темноту и бормоча, трясаясь страшно в конвульсиях, несколько дней он провел так, совершенно не осознавая себя. Открыл глаза и, смотря в темноту, не отдавая себе отчета в том, кто он такой и что ему делать, сел на камни. Только боль по всему телу бежала и насыщала его этим первым чувством, которое он испытал. Снял шлем и отложил его в сторону, и тряпка, висевшая у него на голове, слезла вслед. Спину оттягивало что-то, он снял сначала металлическую трость с двумя выступами, отложил ее. Мешок, висевший на двух веревках, тоже снял. И чувство боли и голода – его два этих чувства вели. Открыл рюкзак и стал вынюхивать там съедобное, ведя себя, словно пес, ищущий зарытую кость. Нашел несколько продолговатых ломтиков в упаковке, раскрыл ее зубами и, съев пару кусков, взялся за живот и заскулил. В то мгновение разум прояснился, и, трогая себя за голову, он искал, где шлем и где вещи его. Нашупав автомат, подтащил к себе и включил небольшой фонарик, осветив, где он сидит. Площадка примерно была около трех метров в длину и в ширину порядка полутора метров. Сняв с автомата фонарь, достал из аптечки обезболивающее,

положил его рядом и, съев несколько таблеток с витаминами, стал осматривать свои раны. Первое, что он заметил, – это неподвижную руку, снял комбинезон и отключил обогрев его. Стал осматривать места, где боль была сильнее. Видимых нарушений он не нашел на неработающей руке, она просто ничего не чувствовала: ни боли, ни функциональности, сняв комбинезон в полулежачем состоянии, стал осматривать бока и ноги. С правой стороны виднелись сильные гематомы, одна нога с видимым искривлением, была поломана кость. Но открытого перелома не было, ощупывая руками и оценивая повреждения, рассмотрел и вторую. Она была тоже сломана, пальцы не шевелились на ногах. Снял с автомата дуло и затворную раму, прислонил к изогнутой кости. И ремнем с автомата разрезав его на две части, стал стягивать, боль усилилась очень сильно, и он, отложив это занятие, перевел дух и не спеша стал постепенно выправлять ее, зажав приклад автомата зубами, и, сдерживаясь от потери сознания, выправил ее, закрепив ремнями. Со второй ногой, осмотрев ее лучше, не нашел действенного применения, но, разрезав аптечку ножом, прислонил ее. Примотал ее пластырем и сделал наподобие гипса. После витаминки во рту чувствовался сильный вкус крови. Из инъекционного пистолета вытащил ампулу и положил ее в карман рюкзака. Осмотрев дальше свои лекарства, нашел маленький тюбик с зеленой жижой. Вставил его и ввел лекарство в вену. После натянул на себя комбинезон и, держа в руке квадратный блок, разобрал его и вытащил прямоугольный, зеленого цвета блок, подсоединил его к разъему батареи и включил обогрев в костюме. Стало заметно теплее, разобрал все устройства, набрал батареи и отложил их в сторонку. После с овальный сфер вытащил все батареи и положил их в одно место. Осмотрев запасы еды, разложил их и поделил все на мелкие кусочки, примерно по сантиметру каждую дольку. Таблеток с витаминами было шесть штук, питьевого раствора практически не было с собой, но воды тут было много. Намочив руку водой, высунул язык, и ему упали несколько капель, вода было достаточно вкусной. Напоминала талый лед по своему вкусу. Ему жутко хотелось пить, но пить было нельзя. Лежавший рядом шлем отмыл в воде от крови и, вспомнив про раны на голове, осмотрел их, ран не было новых, только старая рана немного сочилась, но сейчас она уже засохла. Немного протерев возле нее, он так ее и оставил. Протерев шлем изнутри салфеткой, надел его и, выключив фонарик, закрыл глаза. Проспав несколько часов, очнулся и, нащупав лежащий фонарик на животе, взял и включил его. Тело сильно болело, но надо было терпеть, рассосав одну из таблеток, ввел снова себе в вену желеподобный раствор и посмотрел на ампулу – оставалась еще одна доза. Во рту все так же был отчетливый вкус крови. И, закрыв глаза, выключил фонарь и стал ждать действие препарата. Проспав несколько часов, включив фонарь и съев витаминку, тщательно рассосав ее, он ввел в последний раз лекарство, которое должно было устранить кровяные подтеки. И, вытащив ампулу с обезболивающим, зарядил ее в шприц. Так же достав пистолет и зарядив в патронник патрон, поставил его на предохранитель и, выключив фонарик, закрыл глаза. Не было на этот раз сил подавить боль и уснуть, ноги и бока жутко болели, было трудно дышать до этого, но сейчас, вдыхая маленькими вздохами воздух, ему было больно делать вздохи, теперь он понимал, что было разорвано где-то в легких. Пытаясь как-то себя отвлечь, он стал про себя считать, досчитав до девятисот семи тысяч трех, его это занятие утомило. Включив фонарь, достал последнюю витаминку и, рассасывая ее, поглядывал на пистолет. Рядом лежал пистолет с обезболивающим, он ощутил вкус крови и, вздохнув глубоко, что его бока и страшно заболели, и внутренности словно залило кровью, поднял шприц, ввел себе всю ампулу и, закрыв глаза и выключив фонарик, поднес себе пистолет к голове. Стало очень хорошо, по телу протекли расслабляющие нотки, легкие покалывания, тело все расслабилось, и он, не решаясь нажать на курок, стал считать до семидесяти двух, чтобы тогда нажать. Считая вслух и уже чуть ли не крича, на пятидесяти одном его рука колыхнулась, и тело, жившее еще мгновение назад, упало без сознания. Рука, державшая пистолет, упала, и пистолет отлетел на несколько десятков сантиметров в сторону. Свет и туннель весь во мраке по краям, когда он шел, его кто-

то тянул, но он, не обращая внимания, шел к маленькому огоньку света. И, протягивая руки к свету, его сон окончился, и он открыл глаза. Было темно, ощупывая свое тело, он понял, что он жив и жить ему что-то сильно захотелось. Найдя фонарь, который скатился с его тела, он включил и, осматривая себя, сильно ругал за то, что он хотел сделать: зачем же ты батареи все вытащил и пистолет к голове приставил?! Чертов идиот, гневно крыл себя на чем свет стоит, действие болеутоляющего еще было активно. Пистолет лежал от него в полуметре и смотрел дулом на него. Глядя на это дуло, он испытывал страх смерти, глаза смотрели на это темное создание с чувством ужаса. Набрав в ладонь воды, он сделал несколько глотков, вода пошла вниз и легкой прохладой его обдала. Умыв лицо и полусидя наблюдая за местностью, смотрел по сторонам, освещая лучом фонаря свет. Несколько дней он так провел, сидя на камнях и используя батареи, он ждал неизвестно чего. И периодически разносил самого себя за то, что он в какую-то секунду чуть не выпустил себе в голову пулю. Так прошло еще много дней, его запасы еды уже подходили к концу, организм не трясло, и он не испытывал боли сильной, одна нога болела. Но организм все же восстановился быстро, рука так же не работала, в остальном все было довольно хорошо. Даже уже начал вставать на одну ногу и, немного держась за стенку, ходить. По его подсчетам он примерно месяц провел тут, но делать было нечего, сигнал SOS он никак не подаст, да и никто и не знает толком, где он. Пещера, которую он сейчас случайно нашел на карте, и предположил, что ее склоны похожи на пирамиду, решил проверить. Вот и проверил, чуть не угробил самого себя. Он находился словно на специально созданной площадке для него, вокруг метров на сто по разным сторонам была одна вода, совершенно не имевшая какого-либо движения на своем покрытии. Но она была очень прозрачная, если светить фонарем на ее дно, то можно было увидеть его, а если при дневном, то искажение будет практически как от воздуха. Такой чистоты воды он не видел нигде. Через некоторое время он, поставив новую батарею в костюм, лег спиной на воду и, отталкиваясь рукой, стал двигаться дальше, стараясь найти выход. Шли дни, батареи заканчивались, и, включая на несколько часов их в день, в основном, когда спал, он плыл дальше. Теперь уже, подгребая ногами и привязав к боку руку, чтобы она не болталась, продолжал свое плавание, свет фонаря включая на несколько минут, когда ел крупички припасов, которые он употреблял раз в пару дней. Сверху затопленного зала была лишь темная пустота, которую фонарь не мог достать лучом света. Через несколько недель обессиленный, он еле держась за стену, включив фонарь и смотря на несколько кусочков, которые остались у него от его энергетических батончиков, трясущимися пальцами взял кусочек и, положив его в рот, подержал немного, от слюны он немного растворился, и питательные вещества понемногу стекли к нему в живот. Но, напрягая остатки силы воли, он вытащил его назад и, упаковав, положил в кармашек рюкзака. Держа во рту пальцы, которые держали его лакомство, он плыл, и уже его темнота не пугала. К холоду он привык и, осознавая, что у него батарей больше, чем еды, стал не экономить их, а интенсивно использовал на всякие мелочи. Даже несколько раз распутав проводку в шлеме, вытащил несколько проводков и сделал что-то наподобие кипятильника. Срезав банку с раствора, кипятил себе воду и попивал. Один раз попробовал сварить себе суп, у него ничего не вышло, крупички батончика сварились и покрыли все стенки густой мыльной жижей, по краям оставляя безвкусную и слегка напоминающую рыбий жир субстанцию. Водичка была слегка сладковата, но он с трудом это съел, хотя есть очень хотелось. Три дня назад у него закончились все припасы, но он все так же плыл в неизвестность. По его подсчетам прошло пару месяцев с того момента, как он тут. Закрытые глаза не открывал с завершения еды, не включая фонарик и уже не передвигая ногами. Слегка отталкиваясь рукой, тихо и мирно засыпал, проводя рукой в полубреду, ему казалось, что он не движется. Рука, касаясь стены, падала в воду, и, снова поднимая ее, он пытался оттолкнуться, но, все же преодолевая себя, открыл глаза и, нащупав ослабевшей дрожащей рукой фонарь, включил его свет, слабым лучом севшей батареи осветил окружающие его камни и перину воды, на которой он лежал уже

очень долго. Смотря на стену, он поставил на нее руку и толкнулся, но не продвинулся ни на сантиметр, напряг руку и сделал усилие – попытка два не увенчалась успехом. Повернув голову немного влево и освещая фонарем, увидел, что он уткнулся в небольшой выступ. Держа в руке фонарь, перевернулся и, ухватившись за край, преодолевая все-все свое изнеможение, попытался подняться. С первого раза ему не удалось это, и, снимая с себя все принадлежности, он стал их класть на постамент. На спине остался только рюкзак, который удерживал его, как балласт, на весу и постоянно переворачивал на спину. Со второй попытки залез и, освещая фонарем, который чуть-чуть светил на метр, стал осматривать. Оставив на краю оружие, он прошел несколько метров вглубь, и, шагая по поверхности, его ноги прогибались от тяжести и слабости. Но он остановился и с трудом вернулся за своим оружием. И использованные батареи лежали небольшой кучкой, их не стал брать. Также выложил магазины, но все же потом забрал их назад. Остатки от сенсоров также оставил и, перезарядив батарею, двинулся дальше вперед. Он шел и, опираясь, словно на трость, на автомат, разрядив его полностью, он с трудом делал шаг за шагом. Фонарь далеко впереди яркой полосой освещал небольшой туннель, его глаза, отвыкшие от света, сильно болели. Энергии организму не хватало, хотелось пить, но воды у него не было с собой, лишь в нескольких карманах рюкзака было немного капель, выпив их, он шел дальше. Сил на возвращение уже не было совсем. Пройдя порядка трех километров, он освещал фонарем свой путь, и на мгновение ему показалось, что где-то вдали есть свет. Опустив фонарик и вглядываясь в темноту, ничего не увидел. Дальше продолжив свой путь, он вышел из туннеля и замер. Весь пол был усыпан множеством светящихся лепестков растений. Они освещали немного стены, и, войдя в это невероятное поле, касаясь рукой за них, он видел свои пальцы, пройдя несколько метров вперед, сел на корточки и, положив автомат возле себя, стал рассматривать их. Сорвал одну веточку, она тут же потухла, он поднес ее к носу и вдохнул. Ощутил знакомый запах и, откусив маленький кусочек, тщательно разжевал его, потом еще и еще, и, съев его, понял и вспомнил – сильно смахивало на клевер зеленый. Присмотревшись к лепесткам, увидел, что листочки были похожи. Сорвав несколько веток, он съел их без остатка, стало немного полегче, и, положив рюкзак под голову, он стал срывать, пожевывая не спеша растение. От усталости и сытости глаза налились свинцом, и он уснул. Проснувшись, он себя очень плохо чувствовал, голова болела, хотелось жутко пить, но желудок есть не хотел. Набрал в несколько карманов комбинезона веток растения, он, поднеся рюкзак к входу в комнату, высыпал все содержимое. Отобрав несколько вещей, в которых он сможет принести воды, кинул их в мешок и пошел к воде. Дохромав до нее, набрал в рюкзак и, наполнив остальные емкости, закинул рюкзак за спину и направился назад. Фонарь легким белым светом освещал дорогу, хотя можно и не освещать свой путь, но так было как-то спокойнее. Не дойдя до половины пути, он потух, и пришлось идти в темноте. Дойдя до полянки, он обнаружил, что нога уже не болит, но мелкая тара с водой уже сухая, словно он всё выпил. Подумав, что тара протекала, не придавал этому значения. Ранее сделанный им кипятильник лежал согнутый возле небольшой кучки с батареями, приделав к батарее проводки, налил воды и кинул несколько листьев туда и стал ждать, пока она закипит. Прождав около тридцати секунд, вода закипела. Он вытащил проводки и, когда начал пить, заметил, что она холодная уже, и уже насыщенный аромат клевера с примесью чего-то непонятного был во рту. Вкус не изменился, но вот привкус был чего-то очень непонятного. Сделав несколько глотков и вспоминая, что это за вкус, у него закружилась голова, и легкая расслабленность хлынула по телу. Он лег на спину и начал смеяться, его разморило, и он испытывал наслаждение. Придя в себя и страдая от жуткой головной боли, он съел несколько листиков и поймал себя на мысли, что его ломает от этих растений. Туго соображая и пытаясь разложить все по полочкам, осознал, что рюкзак, стоящий возле него и который был полный воды, уже пуст и что на доннышке совсем несколько капель осталось. Не дожевывая растение, выплюнул его. И, закрыв глаза, стал собираться с мыслями, он очнулся от дикой жажды и, включая фонарь, заметил, что батарея

села, потом, вспомнив, что она села еще в тот раз, поставил другую, но она тоже была севшая. И, перебрав их все, обнаружил, что все они были севшие. С трудом посчитал и ужаснулся: заряда батареей хватало на несколько недель работы непрерывной в маленьком фонаре. Попытавшись встать, упал ноги, не держало его тело, а совершенно ослабили растения, они обвили его тело и покрывали небольшими побегамии его костюм. Отполз к выходу и, собираясь с силами, встал, но, сильно покачиваясь, подошел к растениям и, где он ранее лежал, взял рюкзак. И направился в полнейшей темноте за водой. Добравшись до места, словно животное, упал на колени и жадно глотал воду, немного попив, снова начинал жадно глотать. Но постепенно жажда прошла, и, напившись вдоволь, он стал собираться назад. Набрал в рюкзак воды, и с полным рюкзаком ему было проще идти назад, только тело тянуло к тем растениям, хотелось их поест еще и еще. До места дошел с совершенно полным водой рюкзаком и, опустив его, стал соображать. Мыслить голова стала яснее, вероятно, эти растения содержат какой-то токсин, что его вырубает так. Но, кроме них, есть пока нечего, надо придумать способ, который будет действенен. Сделал два эксперимента: сорвал две веточки и, налив немного воды в емкость, замочил ее, а другую оставил на подложке. Взяв пистолет только с собой и держа нож в рабочей руке, пошел через поляну. Можно было не беспокоиться с видимостью, они освещали довольно хорошо, и маленькие их кустики, которые были высотой не больше двадцати сантиметров. И росли кучно, давали видимость для глаз, куда ставить ноги. Идя возле стены, чтобы не потеряться, так как поляна была большая и заплутать ему не хотелось. С собой взял немного воды, налив ее в когда-то бывший аптечкой контейнер. Оставляя стену с правой стороны, двигался, периодически останавливаясь и отдыхая. Но как мысли появлялись о растениях, он вставал и шел дальше, сильно тянуло к ним, так, что он еле сдерживался. Идя возле стен, заметил странные рисунки, но, не разглядывая их, сильно торопился найти выход отсюда. Он дошел до первого угла и, повернувшись к стене, пошел, так же придерживаясь правой стороны. Показался третий угол, а затем и четвертый, он был полностью в закрытом зале. Сев у своих вещей, стал планировать свой побег. Пока, еще отдавая себе отчет в своих поступках и не начав объедаться травой, решил попробовать свои эксперименты. Сначала одну треть лепестка, не разжевывая, держал на языке и прислушивался к своим ощущениям. Вскоре выплюнул и, присев к стене, закрыл глаза. Очнувшись, и, выпив воды, ему стало полегче, но голова болела. Вода, значит, усиливает действие, а что если сухая? И, взяв пожухлые листки, которые не все пожухли, а лишь несколько, от одного откусил примерно половину и проглотил. Глаза не слипались, и было довольно ясно, только хотелось пить сильно, но ясность была сохранена. Начал срывать растения, которых было довольно много, и подносил их к своему лагерю, складывал возле него и уходил дальше. Возле его лагеря лишь несколько кустиков уцелели, которые он оставил для освещения территории его. Испытав третий эксперимент, попробовал корни, они отдавали горечью полыни, и от них становилось желудку плохо. Тщательно вытряхнув рюкзак и дав ему просохнуть хорошо, периодически срывал сухие съедобные листья и складывал их в рюкзак. Они были не все сухие, но надо было что-то делать и куда-то выбираться отсюда. Вырвав аккуратно одно растение, он положил его в воду, и оно не теряло своей яркости, снарядил небольшое ведерко, сделал себе переносной фонарик. Закинув свои припасы за спину, он направился на выход. Подошел к туннелю, который был подобен тихому пруду. Надел шлем и, закинув автомат за спину и проверив, что все закрыто, лег в воду и, положив свой светильник на живот, стал отталкиваться. Но движения давались тяжело ему, он не имел возможности отталкиваться правой рукой, а левой было не возможно, так как фонарь мог слететь, правой больной ногой стал отталкиваться. После нескольких сот метров его нога жутко болела, но, не переставая ползти, он все же двигался. Холод пробирал все тело, но после съеденных листьев становилось хорошо, и холод как-то отступал, но и реальность не уходила никуда. Он плыл не один день по его подсчетам, прижавшись к стене, он закрывал глаза и, очнувшись, снова начинал грести и толкаться. Голова

стукнулась о преграду, но он знал, что за преграда была – это его спасительный островок. Он залез на него и несколько часов отдыхал, но стоял стоя, так как от постоянной лежки его крутило уже. Даже несколько раз смог отжаться, хотя силы были уже не те, но организм требовал такого действия. Он продолжил свое плавание, но посадил на том островке одно растение. И, уплывая, посмотрел, как слабое свечение где-то в темноте блесло. Первый раз улыбнулся и подумал: вот надо было второе там оставить. Стало бы жутко, кто-то тут, в туннеле, будет смотреть, если кто-то еще заплывет сюда. И, рассмеявшись, уже повеселел. Ему вверху показался какой-то выступ, буквально в нескольких сотнях метрах от его островка. Он поднял свой фонарь вверх и увидел, что наверху воды была небольшая плита. Она была толщиной почти тридцать сантиметров. И на высоте порядка сорока. Он потрогал ее, она была гладкая, как и все стены тут. Развернувшись, стал смотреть на нее, как ему взобраться, была бы вторая рука рабочая, он бы без труда мог залезть даже в этом состоянии. Но сейчас была задача не на шутку серьезная. Достал нож и стал возле стены ощупывать на возможные неровности и щели. Но вспомнил, что у него боекомплект есть и, вложив нож в ножны, достал пистолет и, наметив контур чуть выше воды, прицелился и, отвернув голову в сторону, выстрелил раз. Посмотрев, куда вошла пуля, выковырял ее ножом, прицелился и выстрелил дальше. Так же проделав манипуляцию со всеми пулями, прислонил нож к выемке, и он зашел глубоко лезвием. Немного шатаясь, но все же можно было держаться и опираться на него. Снял автомат, отстегнул от него связанный из разрезанных кусочков ремень и, немного отплыв, кинул его на выступ. Он звякнул и остался лежать на нем, только прикладом слегка показываясь. Фонарь так же закинул, и остатки воды каплями упали по воде. Рюкзак снял, но, попытавшись пару раз, не смог его закинуть, его матерчатые места сильно намokли и утяжелили его, в нем оставалось еще много патронов. Привязал край веревки к рукояти ножа, всунул его в лямки рюкзака, обмотав несколько раз вокруг, и привязал его к себе за ногу. И, опершись одной ногой и рукой на рукоять, стал взбираться. Сначала у него не вышло это, но потом, предприняв другую стратегию, подтянулся на одной руке и, опершись коленкой, удержался на ноже. И, уцепившись рукой за выступ и опершись локтем, поставил уже носок ноги. И, приподнявшись, закинул туловище на слегка изогнутую площадку. Немного еще подтянулся и одну ногу закинул тоже и, перевернувшись, сел и стал отводить ногу в сторону. Нож без колебаний вышел, и он подтянул рюкзак, помогая рукой. Накинул его на плечи и, вернув на место ремень, закинул и автомат. Собрал растения, они несильно пострадали, несколько лепестков лежали на плите. Подъем шел вверх по плите, это уже радовало. Но уклон был довольно большой, и, пройдя по нему, организм сильно выматывался, но волшебные лепесточки как-то сглаживали боль в мышцах. Небольшие выступы встречались на его пути, но он забирался на них, они были невысоко расположены, но не все были одинаковой формы. На одном из них он забирался в точности по той же схеме, как и с воды. Кругом было темно, и мрак доставлял дискомфорт, хотя вроде он и привык к нему, но именно давили стены, так как ширина этого туннеля была не более двух метров. Цветки после пережитого падения уже не светили, и, оставив их на выступе, он пошел дальше вверх, перекусывая листьями и не отвлекаясь сильно на отдых, лишь местами закрывая глаза. Но когда приходил в себя, хотелось сильно пить, но пить уже нечего было, так как он, как всегда, забыл воду, он лез вперед, поедая листья как семечки уже. Спустя пару дней по его ощущениям его рука коснулась чего-то, и, одернув руку, он, вытащив нож, стал тыкать туда. Что-то, чего он коснулся, упало ему на руку тонкими изгибами тела, покрывая его запястье, когда он ухватил того за его тело. Но шипения и звука не было. И, тыча ножом и вращая им, он ощущал, как касался им чего-то, но оно не отвечало. Вложив нож в ножны, протянул руку и стал осматривать тело неведомого существа, и оно было жутко длинным, он несколько колец насчитал, но оно было и тонким. И когда он сминал его пальцами, то ничего не было слышно, и, дернув его на себя, под ноги упало что-то. Немного отступив назад, он, рукой тыча в темноту, нащупал скрученную веревку. Он поднял ее и, переведя

дух, улыбнулся. Сев на корточки, стал ее осматривать и пытаться пристроить к рюкзаку. Продолжил дальше путь, и, встав на камешек и почувствовав, как что-то треснуло под ногой, он посмотрел и вниз и увидел там, где была его подошва, как что-то сияло. Подняв ногу, увидел что это его наладонник. Он взял его в руку, и он горел, зарядка была почти полной, и, нацепив его на руку, он стал уже вбираться при слабеньком освещении. Серые стены, слегка шершавый пол и совершенно гладкие по бокам. Потолок был очень высок, он его даже не видел. Сигнала на нем не было еще, он не отображал даже намека на сигнал. На привале нажимая уже позабытые кнопки, он долго всматривался в горящий экран. Он светился черно-белым фоном и, по сути, выполнял функции часов с настройками на небольшую карту в меню. И можно было отправить экстренное сообщение sos. Но тут вся территория экстренная и никто не полезет за ним в неизвестность. Через неделю своего восхождения он добрался до вершины, откуда слетел, его не было здесь, по его ощущениям времени, три года. Уцепившись рукой, он выполз на площадку, по которой раньше шел, осветил с наладонника, что откуда он вылез, и на стене увидел до сих пор следы крови и маленький осколок стекла. Он шел по туннелю, чувствовался тяжелый воздух, перед выходом из пещеры перекинул автомат под рабочую руку и, передернув затвор, стал приближаться. Легкий ветерок подул в его сторону, стало тяжело дышать от его насыщения. За пещерой было темно, сверяясь по карте, он шел до того подъема. Дошел до края его и, привязав веревку, продев ее за спиной, стал удерживать рабочей рукой и небольшими шажками стал сходить вниз. Была кромешная темнота: ни звезд, ни луны – ничто не освещало его спуск. Но, спустившись и идя примерно до своей цели, он быстро спускался с горы. Когда наступил рассвет, он шел уже напрямик к своему зверю. Согласно координатам он был уже на месте, только все, что он видел, был песок, темный песок, ступая по которому он тонул в нем по щиколотки. Кинув рюкзак на песок, сняв автомат и рядом положив шлем, он вытащил проводки питания шлема и, разобрал наладонник, увидел шесть контактов, которые подходили к его батарее. Приделав к ним проводки, его шлем ожил, и, нажимая на кнопки, он пытался заставить машину подать звуковой сигнал. Долго вспоминая, как настроить машину, тем временем не рассчитанный на такую работу наладонник стал быстро терять энергию. Заметно нагревшись в руках и не найдя в меню включения, он успел нажать, открыть, и экран его загорелся неполадкой и выключился. Он положил его в шлем и, достав пистолет, прицелился вниз и выстрелил в песок. Не прозвучало того, чего он ждал, и, продолжая расстреливать песок через каждый метр, все же услышал так желаемый им звон. Раскапывая одной рукой песок, он раскопал сантиметров двадцать его, и виднелась под ним оледенелая корка. Орудя ножом, быстро проковырял небольшую корку и увидел белый цвет. Разрывая уже более интенсивно, он добрался до люка и начал откапывать его. Освободив его от песка и тщательно протерев рукой, заглянул внутрь, где было так все знакомо и так ему дорого. Ударив по стеклу ножом и выстрелив несколько раз в него, эффекта не было никакого. Забрав свои вещи и донеся их до его монстра, он пытался оживить наладонник, но он отказывался подчиняться, а без шлема ему машину не открыть никак. Стукнув кулаком по нему, зарядив автомат, стал лупить по нему, не жалея патронов. Стучал ножом, стрелял, выпустил несколько рожков, но эффекта не было. Копаясь в рюкзаке, ища очередной рожок среди листьев растения, он нашел магазин с пометкой ОТПА, зарядил его в автомат и, прицелившись в люк, нажал на курок, автомат неслышно выпустил огненную вспышку, и стекло люка осыпалось вниз. Он, чуть не визжа от радости, быстро спрыгнул вниз, и лежащий рядом ключ зажигания вставил в замок зажигания. Машина немного подумала и ожила, но заводить ее он не стал. Первым делом скинул с себя комбинезон, который ему так надоел за это время, и, раскидав с сиденья стекла, сел в него. Костюм вылетел в люк и повис на бугорке песка. За сидением был контейнер, в котором были батончик, он, разорвав этикетку, жадно принялся их есть, съев один, сидя голым в машине и попивая питьевой раствор, был самым радостным человеком на свете, так ему осточертел этот голод. Съев

пару батончиков, он расслабился, переполз назад и, спустившись в самый багажник, достал контейнер, который с трудом смог просунуть к передним сиденьям. Открыл его, и недвижимая его рука, которую он привязывал к комбинезону, волочилась, как лапа кальмара, осмотрев ее получше, он не мог понять, в чем причина, и, достав черный иньектор, ввел в руку – через каждые пять сантиметров уколы маленькими дозами. После того вытащил похожее на пояс устройство и обмотал им руку. Осмотрев ноги, увидел на одной небольшие костные шишки и, поняв, что с этим он ничего не сможет сделать, несколько раз впрыснул лекарства. Хотелось спать, но спать было рано, отверстие не давало ему спокойствия. Все же он тут не один, а есть нелюди, про которых он за это время позабыл совсем. Но сейчас уже не сон, а реальность, и надо было что-то делать с этим. В багажнике ничего подходящего он не нашел, достал чехол, в котором был двигатель с универсальными насадками, распаковал его и, выискивая глазами, откуда ему вырезать кусок металла, увидел перегородку, которая перекрывала отсек с топливом от остального. И, немного раздвинув вещи, сняв нижние разъемы, вытащил лист шириной с салон машины и сантиметров тридцать в ширину. Разрезав его пополам, он прислонил одну из них к люку, он был немного уже его, но было не так уже страшно. Выглянув наружу, он забрал вещи, которые лежали на крыше, и изнутри кабины прикрутил сначала один лист, а затем и второй. Отложил инструмент и, закутавшись в плед, уснул. Глаза резко открыл и, находясь в слабо освещенном салоне, увидел, что он в машине, и, растерев глаза, стал торопиться на выход. Надел новую одежду и, раскрыв лаз, вышел наружу, осмотревшись немного и находясь в полной темноте, держа лопату в руке, стал ей откапываться, орудия одной рукой, стал высвобождать себя из песчано-ледяного плена. Откапывая машину со стороны капота и прорубая острием лопаты тонкий слой льда, он быстро откопал до капота. Дальше была ледяная корка, которая покрыла все, что ниже его. С трудом освободив верхнюю часть бампера и видя уже, что светает, он залез в машину. Повернул ключ зажигания и, нажав несколько кнопок, двигатель заурчал, отвыкшим от сильных звуков ушам казалось, что было очень громко, но звука почти не было, все так же бесшумно все работало. Проработав и прогрев двигатель, он попытался выехать, но машина не подавалась вперед. Поиграв подвеской вверх-вниз, она немного растрясла корку льда с краев. Но все же мощности было мало, большая масса давила на машину, но быструю мощность без второй руки ему не вернуть. Перекусив и заделав лаз, стал разбирать руль. Разобрав обод руля, увидел белую схему, которая была внедрена в его руль. Отсоединив один разъем, он вытащил белый шлейф с индикаторами на кончиках. Положил его в сторону и, найдя проводки, стал удлинять, проводя под рулем их, руку, прижатую к корпусу, отвязал, нанеся несколько капель клея на пальцы и на ладонь, приклеил ее к ней. После подсоединил провод и надел на руку перчатку. Сжал второй рукой ее в кулак и замотал липкой лентой. После этого надел обод руля назад и, сжав крепко руль рукой, стал плавно нажимать педаль газа. Машина взревела, сотни его ранее лошадей умножились в разы, и, словно не встречая преграды, его зверь вырвался вперед. Бампером упершись в преграду, Гриша сменил передачу и, сдав назад, стал постепенно раскачивать лежащий перед ним лед и снег. Но все поддавалось очень быстро, и спустя пять заходов он выехал наверх, ревя выхлопными трубами и взрывая пустые скалы пронизывающим грохотом. Опустив руку ниже отметки, двигатель смолк, и он, включив навигатор, не спеша поехал. Карта давно не обновлялась, и, ориентируясь по старым данным, он направился до ближайшей базы. Не имея возможности связаться ни с кем, он ехал не спеша и, доехав до того места, где ранее была база, увидел все те же стены. Подъезжая к ней, открытые ворота встретили его, и, заехав туда, он увидел совершенно заброшенные здания. Бродить ему тут было не за чем, и хватит с него испытаний, он хотел просто домой и забыть этот отрезок жизни. Кроме этих мыслей, у него не было ничего. Стоя посреди заброшенной базы, он изучал на навигаторе, куда ему ехать. Телефон, лежавший рядом на панели, вышел из строя, при нажатии на его сенсор он не издавал сигнала. Попытавшись зарядить его, увидел, что индикатор не горит, чертова

железяка вышла из строя. На нем он в итоге ничего внятного не мог решить, если направиться вглубь полюса, то может застрять без топлива, а если направиться к берегу, то куда ему ехать. И если время года зима, он не проедет там. А ждать несколько месяцев он не сможет уже. Седые волосы на его бороде говорили о том, что он слишком долго тут был. Только острое чувство незавершенности было у него в памяти. Теперь, сидя в машине, ему вспоминались обрывки разговоров и что как все было глупо на самом деле. Присматриваясь к ангарам, он не заметил ни одного следа от этих тварей, странно, зачем же забросили базу? Но все же не сдержался и подъехал к полуоткрытому боксу, там все было как всегда, только пыли заметно прибавилось. Осмотрев местность, вышел. Свет через открытые ворота неровно струился в ангар, держа автомат наготове, аккуратно двигался, стараясь не шуметь. Подойдя к входу в жилые помещения, увидел доску, на которой было его фото и рекорд. С доски узнал он о том, что он потерялся и, проведя еще несколько гонок после самоубийства главного владельца, Тихоокеанская торговая организация полностью развалилась. Газета была приколочена словно специально, и, касаясь ее, пыль слетала с нерастрепавшихся листов газеты. Нажав на ручку двери, она не открылась, шуметь не хотелось, и, проходя по ангару, освещая дополнительно лучами фонаря автомата и на шлеме, он искал, чем можно получше заделать его люк. Походив немного, увидел у самого края неплохой лист металла. Потрогав его, убедился, что броня была достаточно твердой и размером была почти как люк, немного превышая его по ширине. Осматривая, чем он может поднять его, ничего не мог найти. Подошел к машине и, подъехав к нему, лебедку расслабил и, протянув его через верх и по самой крыше, замотав трос в узел, стал подтягивать лебедку. Лист металла скользнул и, упав, поднял облако пыли, но, не шумя сильно и издав хлопок, который был даже тише хлопка в ладоши. Периодически поправляя его, он затащил его наверх и, когда один край острый показался в люке, остановил и, расслабив ее, стал выравнивать по контуру. Выровняв немного ровно, достал из багажника два баллончика и, поставив их на капот, принес горелку с двумя трубками с крепежными клапанами. Закрепив и приварив пласт брони, спустился вниз. Осмотрев работу изнутри, стало заметно лучше, чем было до этого. Осмотрев топливные резервуары, он ничего не обнаружил и, осматривая бочки пустые, слил несколько десятков литров бензина. Пополнив баки с топливом, стал еще осматривать, что тут ему могло пригодиться, но ничего толком не нашел и вот уже хотел уехать, решил осмотреть территорию внутри жилого отсека. Подъехал к двери и, выйдя из машины, выстрелил несколько раз в дверь. Пули застряли в двери, вырвав прямо бампером, где была лебедка, он нажал кнопку, и гарпун впился в дверь звонким стуком, войдя в ее металл. Немного потянул и, сдав назад, дверь сорвалась. Выйдя из машины, поставил ее боком и подъехал вплотную к ней с пассажирской стороны передней дверью. Открыл окно и, посмотрев, что пролазит, поднял его, ввел несколько цифр на экране компьютера. После, нажав на красную кнопку на шлеме, стекло опустилось с его стороны, и он не спеша пролез, взяв с собой автомат и рюкзак. Нажав на кнопку, стекло закрылось, не спеша по привычным коридорам светло-серого цвета он шел. Дошел до первого номера, и, дернув дверь, она открылась, он вошел, интерьер не менялся: все те же черные кресла, тот же диван и стол, освещая все тонкими лучами света, немного покрытые пылью. Он осмотрел кровать, так хотелось растянуться и уснуть на ней. Но прошел в ванную и, посмотрев в зеркало, смахнул пыль и увидел заросшего мужчину лет сорока. Борода сантиметров двадцать была, он только сейчас заметил ее, уставшие глаза. Бледная кожа с редкими пятнами слегка синеватого цвета. Он дернул кран, и из него бесшумно потекла струйка воды. Потрогал ее, она была жутко ледяная, рядом лежало мыло, он намылил руки, вымыл их и принялся к запаху цветов. Ему захотелось, он дошел до двери, закрыл ее на замок и приволок кресло к самой двери, зашел в ванную, разделся. И вступил в грязную ванную голыми ногами, струйки потекли, и, поливая себя из лейки, он намыливался мылом и отмывался от этой чертовой Антарктиды. Рядом с ним лежал пистолет, ждавший только нажатия на спусковой крючок. Осматривая шкафчик, который был в ванной,

он увидел кассету от бритвы и, держа ее пальцами, намылив бороду, стал бриться первый раз в жизни. Провозившись порядка пятнадцати минут над этой процедурой, он вылез и посмотрел на себя, клочками выбритого себя, возле раковины устранил недочеты и, намылив порезы, пошел в комнату. Скинул одеяло и, стащив простынь, стал ей вытираться, после чего сел на кровать, и так хотелось ему лечь на постель, но он себя пересилил. Одевшись и выйдя в коридор, пошагал дальше, дойдя до судейской комнаты, вошел в нее, лучи света скользили по дивану, столу, все было очень привычно: на столе стояло несколько бутылок, немного осмотрев кабинет, вышел. Стараясь найти столовую, в которой никогда он и не был, зашел в какое-то странное место, лестница вела вниз, и, освещая путь, он спустился вниз. Перед ним была дверь наподобие как в банковских хранилищах, дернув рычаги, она не поддавалась. Немного попытавшись открыть, пошел назад. Не найдя кухню, направился назад к машине. Прошел до нее, никто ему не попался, хотя и если бы кто и вылез, его они вряд ли уже испугают, но только хотелось меньше проблем и скорее уйти отсюда. Залез в машину, не спеша выехал и, покинув базу, поехал вглубь материка. Спустя двое суток он был возле следующей базы, пробирался сквозь огромные барханы снега с небольшими выветренными полянами. Но из-за твердости снега он не провалился ни разу и относительно по ровному снежному настилу добрался до следующей. Она также была заброшена, найдя немного бензина и осмотрев окрестности, двигался дальше. Уже третья база виднелась, топливо заметно убывало, не найдя ничего, что могло ему помочь выжить в дальнейшем, и сливая жалкие остатки топлива с бочек, которые были в ангаре. Ему выпал джекпот: полная бочка с топливом, перелив ее в баки, стало веселее двигаться. Осмотрев машину и уже нечасто оборачиваясь по сторонам, устранил несколько мелочей. Запасы еды уже заканчивались, и, бродя по территории, он все мечтал найти кухню, но, как ни старался, не мог ее найти, но по схожей схеме находил сейфоподобные двери. В этот раз найдя топлива, решил найти и еды, в любом случае она должна быть, иначе он снова начнет есть остатки тех цветов, которые у него в рюкзаке старом лежали. Открывая все подряд комнаты и выгребая все содержимое, что хоть как-то напоминало еду, складывал в наволочку и шел, он час ходил по всем комнатам и находил только конфетки. В его импровизированном мешке их было не больше двадцати, и это все, что он смог найти за это время. Через несколько маленьких коридорчиков он вышел к двери, она была заперта, стреляя из пистолета и автомата, он так и не смог пробраться. Пули, которыми он скрывал машину, он не мог найти, с собой их точно не было. Да и того автомата не было, скорее всего, так же, как старый комбинезон, он выкинул или не взял, засыпав песком их. Побившись безуспешно в дверь, пошел к машине, на обратном пути зашел к судье и стал осматривать комнату, которая была более насыщенная ящиками, и, рассматривая ее получше, выкидывая все вещи на пол, увлекшись занятием услышал голос: «Стой, ты кто? И дуло было наставлено на него, через дверной проем смотрел на него человек в сине-черной форме и в черном матовом шлеме. Он повернулся и произнес: «Я попал в беду и ишу еду, я есть хочу». – «Ты кто?» И, хотел сказать свое имя и фамилию, понял, что это будет очень долгое объяснение, решил сказать очень понятно: «Я «белое облако», пятьсот семидесятый номер, первый чемпион этой трассы». Закончив ответ и смотря на него, эмоций собеседника не видел. Тянулись секунды тишины, и, опустив ствол, он отошел назад и скомандовал: «Сюда иди, оружие сложи на столе все и не шути». Гриша молча повиновался, снял с себя даже рюкзак, он пошел к нему. Человек, как ни странно, не командовал руки вверх и даже без боязни его воспринимал. Гриша не шевелил одной рукой, и было видно, что она раненая. Человек с оружием сказал: «Покажи свою рану и вообще разденься». Гриша молча повиновался человеку, ничего не стоило выстрелить в него, а тут есть надежда на выживание. Он снял с себя одежду и медленно повернулся вокруг. Человек внимательно осмотрел и, отойдя на пару шагов, держа автомат одной рукой, достал из разгрузки иньектор и кинул ему. Гриша неловко поймал его и без лишних слов вколол себе в тело его. Человек с оружием повесил его на плечо и стал молча смотреть.

Гриша, не дожидаясь команды, оделся и смотрел на него. Человек с оружием молча продолжал смотреть. Гриша, поняв, что от него хотят, пошел в комнату и собрал свои вещи, вышел к нему. Человек развернулся и пошел за ним, последовал он. Молча шли, боец даже не посматривал за спину, а шел и не крутил головой, смотрел только в одну точку. Они шли к внутреннему дворику. Прошли территорию и вышли на него, там стояли несколько бойцов и вертолет. Рядом садились другие машины, и те, которые стояли рядом, увидели, что за их товарищем идет кто-то с оружием, подошли к нему. Он им что-то ответил, они посмотрели на него и молча отошли в сторону. Он шел к вертолету, Гриша следовал за ним, подойдя к пилоту, он через стекло стукнул, и тот наклонился, открыл окно и что-то внимательно слушал. Он стоял за ним, но не слышал, о чем они говорили. Но понял, что про него, когда в конце в его сторону показал рукой и, что-то сказав напоследок, подошел почти в плотную. «Этот вертолет отвезет на корабль». – «Моя машина в ангаре, не сжигайте ее, если возможно», – попросил Гриша. Человек ничего не ответил, а молча ушел. Гриша зашел в вертолет и сел в кресло, один из пилотов вышел, закрыл люк, и вертолет начал набирать высоту, немного пролетев. Я сложил все оружие, снял рюкзак и молча смотрел в пол. По-видимому, старший пилот вышел и спросил: «Давно тут чемпион?» Гриша, не смотря на лицо, пилота: «Через три месяца, как прошли гонки, я тут все это время. Я не знаю, сколько я по времени был тут». Гриша посмотрел на пилота, тот грустно на него смотрел и, сжимая кулак, ответил: «Десять лет ты здесь, получается». Гриша и сам понимал, что примерно столько лет он тут, и поэтому сильно и не удивился. Молча пожал плечами и уставился в иллюминатор, смотря, как внизу проносятся горы и пустоши, покрытые белыми шапками снега и изредка пронизывающие белизну черными полосами. «Есть хочешь?» Гриша молча качнул головой в знак согласия. Пилот скрылся и через несколько минут принес в контейнере горячую еду со вставленной в нее вилкой. Гриша от аромата чуть не прикусил язык, такого аромата он не чувствовал долгое время. Жадно поедая еду, даваясь и облизывая прибор, он очень быстро закончил еду и стал скрести по краям. «Да перестань, на базе накормим тебя». Пилот положил руку на плечо: «Все хорошо, ты с нами». Гриша ответил: «Спасибо. Я словно был в бреду эти годы». И, прокручивая в голове события, не нашел слов для объяснения, только закрыл глаза руками и заплакал. Пилот молча ушел в кабину, и так они летели еще несколько часов. Гриша пришел в себя, пилот несколько раз приносил ему горячий напиток. Немного подбадривал его, пытаясь шутить. Океанские просторы виднелись внизу, туман немного накрывал их. Внизу виднелась баржа, по краям которой стояло множество темных машин. Вертолет приземлился посередине, и толпа людей окружила его. Он вышел, а они молча смотрели на него, и сквозь всплески волн было слышно: «Это разве он?» – «Да, наверное, сказали, что он». – «Так десять лет прошло». Его лицо находилось в шлеме, окружавшие его люди стояли без них, к нему подошел человек, и Гриша расстегнув защелки, снял шлем: длинные золотистые волосы со слегка заметной проседью упали на плечи, легкая щетина с седыми волосами поблескивала на солнце. Измученные голубые глаза, белое лицо смотрели на мужчину, который стоял перед ним. Он ему кого-то напоминал, что-то знакомое. Человек внимательно посмотрел на него и произнес: «Я Генри Рерих. Владелец Антарктиды. Я рад, что вы нашлись живым». И протянул ему руку. Гриша принял рукопожатие и ответил. Я Григорий Холмогоров, очень приятно познакомиться. Рерих улыбнулся и, обняв за плечо, повел за собой. Темное пальто кашемирового покроя и черного цвета, аромат лосьона на метры от себя был ощутим. Ровные черты лица, слегка за сорок лет и чуть заметная седина на волосах. Они прошли немного, и Рерих сказал ему: «Я насчет владельца соврал, я один из владельцев». Гриша не придавал значения его словам. Шел за ним. «Я видел ваши финиши, на всех этапах я был поражен вашей скорости. Хотел бы еще раз увидеть ваше «белое облако» в деле». И лукаво посмотрел на него. Гриша не думал вообще ни о чем, он просто шел возле человека и все. Они дошли до двери, открыли ее и вошли, за столом сидело несколько человек, в центре стола сидел старик. Гриша вошел,

и старик, надевая очки, посмотрел на него и, встав, подошел к нему. И, пристально глядя ему в лицо, протянул руку, коснулся плеча его и прошептал: «Ты изменился очень сильно «белое облако». Но я рад нашей встрече». Гриша улавливал что-то знакомое, он помнил черты лица, но не мог сказать, кто это, и имя его не знал. «Не узнаешь меня?» Гриша, смотря на него, покачал головой. «Судью помнишь, компаньона?» Гриша покачал головой, мол, что не помнит. «А кого помнишь?» – поинтересовался старик. Он задумался и, напрягая лоб, пытался кого-то вспомнить, но после, расслабив лоб, произнес: «Никого не помню, кто вы?» Старик печально посмотрел на него и, пожимая руки, развернулся и, дойдя до стола, отдал распоряжение: «Приложить любые усилия, чтобы восстановить его состояние». Генри отошел в сторону и стал кому-то звонить. Гришу отвели в каюту, через полчаса за ним пришли и проводили на самолет, он взлетел. Полет был достаточно удачный и без последствий, отвезли его в частную клинику. Спустя некоторое время по информации, которую они узнали, нашли остатки лепестков и выявили, что это сильнейшие нейролептики, которые практически убили его мозг. Он, питаясь ими, повредил мозговые нейроны, он помнил несколько предложений о себе и то, что прочитал о себе в газете. Остальное, как ему ни пытались объяснить, он это не принимал ни в коем случае. Словно заведенный говорил, что ему надо в Антарктиду и он хочет победить. Словно его это освободит и он что-то важное сможет потом сделать. Руку ему так и не восстановили, она полностью была нерабочая, присоединив к ней экзоусилители, они не действовали от нейронов. Головной мозг тоже не издавал те импульсы для датчиков руки. Возле больницы поставили его «облако», и он, глядя на него, все сильнее рвался. Но, решив испытать его, сможет ли он проехать в режиме, в котором он хотел, чтобы доказать, что он не может больше. Отвезли на трек его и машину, он сел в нее и, приделав к руке свое приспособление, показал достаточно посредственный круг. Чтобы показать наверняка, что он не может и ему нельзя, гонщик, тестировавший свою машину, согласился с ним проехаться. И вот загорелся красный, оранжевый, зеленый цвет, машина гонщика рванула в перед. Закидывая его столбами дыма и пыли, он скрылся в огромном облаке пыли. Часть трека скрылась в этой дымке, и, проходя уже одну треть круга, что-то белое вырвалось на повороте и обогнало его. Все окружающие недоумевая смотрели на него, как новейшая их разработка с лучшим пилотом остается с каждым километром все дальше и дальше. «Белое облако», не притормаживая на поворотах, прогрызало себе путь, четыре громадных колеса, раскрутившись, с плохим сцеплением только сейчас могли зацепиться за покрытие. Несколько кругов продолжали они гонять, и не получалось сократить отставание, после десятого круга подали сигнал заканчивать гонку, они оба свернули к финишу. «Белое облако» уже стояло, и к нему подходили смотревшие за ним. Только подъехал гонщик, вышел из машины и, подойдя к «облаку», с удивлением произнес: «Ты человек вообще?» Гриша улыбнулся зловещей своей улыбкой, так, что в холодный пот бросило многих, когда увидели его лицо. Спустя пару месяцев начиналась новая гонка. Организаторы обещали им сюрприз, и гонки снова будут проводиться в самое пекло в последний зимний месяц. По всем каналам крутили новых гонщиков, новые герои готовились к своей смерти. Он сидел у себя в номере на базе и смотрел телевизор. После множества мультиков и развлекательных программ он переключился на другой канал и увидел, что там говорят про гонки. Замедлив с переключением, стал смотреть: ведущий, здоровый мужчина средних лет, рассказывал про этапы и приводил в пример единственного, кто вообще смог дойти. И что его удивило, что монстров в этот раз будут выпускать еще больше, чтобы сделать всё более реалистичным. Он сидел и не понимал, что это он такое сказал. Нажав на столе звонок, через три минуты к нему вошла девушка лет тридцати. Одета в темные штаны и розовую блузку, фиолетовый оттенок волос едва был заметен на ее белых волосах. «Что-то вам нужно?» – поинтересовалась она. «Люси, я тут кое-что услышал и понять не могу многое». – «Что вам не понятно, сэр?» Подошла к нему и встала напротив него. «Сказали по телевизору, что в этот раз выпустят

больше нелюдей». Непонимающе смотрел на нее. «Ах, вы про это, дело в том, что все эти монстры искусственно выведены». Он сел на стул и предложил ей сесть рядом. Она села на кресло и, закинув ножки на столик, стала рассказывать, наливая себе бокал виски до краев: «Сэр, вам все рассказать?» – «Хватит меня так называть, ты издеваешься надо мной», – смотря на ее действия, ответил Гриша. «Нет, сэр, вы что. – И еле сдерживая смех, произнесла: – Если вам удобно, я буду вас называть по имени. Так вот слушай, Гриша: после того как ты пропал, много экспедиций отправили на твои поиски. Но не нашли и тогда обратили внимание, что на территории, где была гонка, практически не было существ. Можно было спокойно ходить и не бояться. После было организовано расследование, и через несколько лет обнаружили благодаря двум главам медиахолдингов. Раскрыв информацию, что по большей части этих существ делали из людей, ранее похищенных их третьих стран. Но глава был найден еще до этого, расследование привело к тому, что он застрелился, не перенеся потери дочери. Сейчас делаем из тех, кого приговорили к смертной казни». Она допила жидкость и, облизав губы, поинтересовалась: «Ну что, сэр Гриша, может, отдохнешь?» – «Я и так отдыхаю каждый день тут», – сухо ответил он ей, встал из-за стола и вышел на балкон. Солнце светило немного, вдалеке гуляли люди, виднелась черта океана. «К тебе приезжала та женщина снова. Ты ничего не вспомнил о ней?» – поинтересовалась Люси, подойдя к нему, и тоже смотрела куда-то вдаль. Гриша покачал головой и сказал: «Я вижу ее лицо, она мне знакома, и сердце колет в груди, но я не могу связать все в голове в единую цепочку». – «Да что связывать, ты ее сын, поезжай к ней, и нечего тут нас объедать, нахлебник». И, протянув руку, ухватила его щеку пальцами и стала трепать легонечко. Гриша отдернул лицо и ответил: «Старик вообще что-то говорит о деньгах, постоянно все пытается что-то мне всучить». – «Ты его папой называй», – улыбнулась ему в лицо и, развернув его к себе, обняла. Гриша уже хотел вырваться, но она сжала его в объятьях. И, глядя в его голубые глаза, сказала: «Зачем тебе эта гонка, хочешь туда? Сегодня же самолет отправлю и полетишь туда. Только скажи, все сделаем для тебя». И прижавшись к нему, сказала: «Отец так опечалился, когда тебя потеряли». – «С чего это старику печалиться обо мне?» – без эмоций спросил Гриша. Она немного замешкалась и произнесла, смотря ему прямо в лицо: «Ты для него больше чем друг. Он часто рассказывал, как заужал тебя. Во время этих дней, что вы были вместе». – «И что он рассказал?» – с любопытством поинтересовался Гриша. «Что ты волк в овечьей шкуре и что тебя кинь в вулкан – ты выберешься из него живым». Гриша, не сдерживая смеха, рассмеялся. «Я не воспринимаю о себе информацию. Только помню несколько предложений о себе. А ты такие слова говоришь». Глядя в ее темно-зеленые глаза, ответил ей: «Старое не помнишь, давай новые воспоминания сделаем?!» Улыбаясь смотрела на него. Гриша немного задумался и ответил: «Все ответы будут после гонки, и я это точно знаю». Он приобнял ее рукой, и она, склонив голову на его плечо, стояла, обняв его. Через несколько часов ему вылетать, и начнется гонка. Так не хотелось его отпускать, но и врач говорит, что это защитное действие организма. Отключив области, которые не отвечают за живучесть организма, сохраняя жизненные компоненты для тела. И, попав в ту же среду, где они включились, он может все сразу вспомнить. Находясь вдалеке от стресса, его забвение может усилиться и мозг отключиться совсем. Много гипотез он выдвигал и многое сам не понимал, такого случая не было еще у него в практике. И другие врачи только разводили руками. По анализам той травы он не должен стоять перед ними и даже говорить хоть как-то. А он все же говорил и мог рассуждать, только до определенного сигнала не мог вспомнить, что было с ним. И по рассказам ее брата, когда он увидел его в первый раз, он был на материке более понятлив и даже назвал свое имя и фамилию. Когда же привезли его и она в первый раз увидела его, у него память словно оборвалась, он с трудом связал несколько предложений о себе, помня только имя. А остальную информацию рассказывал уже о «белом облаке», прочитанную в статье в газете. Его тянуло участвовать в ней, сам не понимал, но ему хотелось победить, словно он обещал кому-то, и если он выигрывает, то он вспомнит забытое.

Через семь часов он летел на самолете, одетый в привычный комбинезон, который практически не отличался от его старого. Тот же белый цвет под цвет машины, и только повязка на руке отличала его от бывшего. Рядом с ним на кресле сидела Люси и всю дорогу его спрашивала об одном и том же: «Хочет ли он отдохнуть?» Устав от ее идиотских вопросов, он ушел в отсек и сел на одну из коробок. В трюме было человек семь, они что-то осматривали в машине. И закрыл глаза, провалился в пустоту и задремал, сквозь сон его кто-то звал, и он открыл глаза, и перед ним стояла Люси. «Хватит спать, сэр Гриша, – издевательски улыбаясь, стояла над ним, она немного нагнулась и прошептала ему на ухо: – Если хочешь, можем задержаться на немного», – и погладила его по щеке красивой и нежной ладонью. «Люси, мне пора», – встал он, и она на него игриво смотрела, красивые зеленые глаза, ровные черты лица, она чертовски красива была. Но ему не нужно было от нее никакого расслабления и отдыха. Рвало внутри его то, что ему надо победить, только эта мысль существовала. Она протянула ему шлем, и он взял его, но она не отпускала. И, прижав к себе второй рукой его за плечо, поцеловала в щечку. «Тебе на удачу, Гришенька». Отпустила его шлем, и он, не говоря ни слова, положил его и, надев подшлемник, надел на голову. Нажал кнопку, и его лицо скрыла темная пленка. Он, не разговаривая ни с кем, сел в машину. Один из мастеров затянул на нем ремни и, освободив руку, подключил ее к перчатке и плотно зажал ее. «Чувствуете?» Завел машину и, поставив вторую руку на руль, плавно газанул, рев раздался, и рядом стоявшие люди закрыли ладонями уши. «Да все хорошо». На второе сидение сел один из персонала и стал рассказывать, куда ему и как лучше ехать. Он смотрел на маршрут, но, как ни пытался что-то сделать, так ему и не удалось, он не мог запомнить маршрут. «Если что случится, эта кнопка вызова, к вам приедут». Показав рукой на красную клавишу на панели, сказал: «За вами будет персонально несколько вертолетов закреплены. Они будут снимать и окажут помощь, если потребуется. Также теперь рация есть, можете связаться с любым из проходящего этапа. Также, независимо на каком месте пройдете, у вас персональный бокс. Интервью и прочее вы не будете давать, только гонка и все». Гриша выслушал уже знакомую ему информацию и кивнул головой. Инструктор хотел вылезти, но потом сказал: «Может, вам штурмана взять с собой? Можете меняться с ним, когда устанете». – «Нет, мне надо самому пройти, в голове что-то крутится, а вспомнить не могу». Скомандовали на выезд, и они оба выехали, множество машин стояли на барже, посреди нее стоял вертолет, на котором его привезли. Он и не понял, что это вертолет, когда летел. Остановился и взглянул на него. «Такого я не видел еще. Совершенно без лопастей, лишь на выступах крыльев стояли несколько двигателей». – «Это госпожа вам выделила вертолет. Остановитесь, я выйду, шлем затемните, окна, никто не должен знать, кто вы на самом деле». – «Да, я помню уговор со стариком». Инструктор дошел до стартовой линии и мужчине в красном костюме что-то сказал, тот кивнул головой и стал что-то говорить по рации. Инструктор подошел к нему с водительской стороны. Гриша открыл стекло. «Сейчас вы не стартуете, судья сказал, что господин вас последним заявил. Вы же как-никак не отбирались, вы в заявке идете как талисман в честь «белого облака». Так что вас даже называть будут так же, как и раньше. Но вы не переживайте, если даже крупница от вас осталась прежнего, вы обгоните их с легкостью». Похлопав по машине рукой, попрощался и ушел. Вдох, выдох, три секунды – и последняя машина съехала со стартового коридора, он подъехал к черте. Отмашка флагом, зеленый свет горящей лампы. Тяжело машина коснулась передними колесами песка. Задние съехали, также коснулись, вдали виднелись очертания ранее стартовавших машин. Он взглянул на баржу, которая стояла вплотную у самого берега. И словно это не он не спеша поехал, два вертолета летели в десятках метрах от него, ведя съемку непрерывно. Дрожь по всему телу прошла, кинуло в пот, стало тяжело дышать, отбросив руль, снял шлем и подшлемник. И стал задыхаться, не хватало воздуха, сердце билось очень сильно. Глаза резало, он потерял себя. Ему снился сон, где он едет по безлюдному берегу, где небольшие стайки тюленей загорают на берегу. Большие камни, на которых они, как

на тронах, возвышаются и как он, проезжая возле них, они ему словно махали своими лапами. Дальше показалась горная тропа, по которой взбиралось навверх множество машин, и как он проехал дальше. Часть берега уходила вглубь материка, и он последовал по этой полосе. Горы постепенно стали нависать, они вырастали все выше и выше, один из вертолетов пролетел дальше, другой кружил возле него. Солнце перестало освещать дорогу, машина прыгала по камням и пробиралась вперед. Стены ущелья смыкались все сильнее, и уже порой скребли зеркала. Наехав на камень передним колесом, он резко ушел под днище, ударило, и машину занесло немного в сторону, и металл коснулся острых гранитных краев, вырывая куски и отломав зеркало. Сверху упало несколько камней размером с голову, падая, они повредили один из датчиков связи. Вырулив от края стены по мелкому камню и идя на скорости, он врезался в другой край. Сверху посыпалось множество камней, и стало закрывать обзор. Они глухо били по металлу, оставляя на крыше глубокие вмятины. Позади начался камнепад, застилая обратный путь каменистыми нагромождениями. Проход сужался, и уже передние крылья были в нескольких сантиметрах от самого края. Инстинкты командовали его телом, сжимая крепко руль и высвобождая всю мощь, рвя края крыльев и въезжая в узкий просвет. Везя на своей крыше множество камней, которые настолько сильно били, что некоторые края торчали из-под обшивки. Мигающая рация ранее погасла, и загорелась красная лампочка, обозначающая недоступность сигнала. В бортовом компьютере всплывали ошибки, система была на пределе. Сильные удары по днищу перебили два бака с топливом. Что-то сильно скрежетало под днищем, передние крылья превратились в ошметки металла. Двери вжимало в камень, колеса задевали, и покрышки жутко дымили, пахло паленым, и одна из них уже начала гореть. Задний бампер отвалился и, держась за один край, волочился, ударяясь и отпрыгивая, как и вся машина, от камней. Появился маленький просвет, и в это мгновение, набрав скорость, машина влетела в расщелину, сильно ударило по бокам, боковые окна треснули, и по лобовому стеклу побежали трещины. Корпус вминался все сильнее и сильнее, двигатель выдавал ошибки о неисправности и критических оборотах. Усилие вдругросло, и «белое облако» скользнуло вперед резко, что даже ударило Гришу по голове об сидение, и он, не понимая, где он, ехал со скалы прямо в ущелье. Склон был немного пологий, но сильный удар по передней подвеске, и вверх подняло искореженный капот. Спереди поднялся белый дым, дисплеи загорелись красным. Удар снова передней частью, машина замерла на мгновение и снова бросилась вперед, за это мгновение колеса раскрутились еще сильнее. Переднее левое колесо ударилось о громадный камень, машину развернуло и откинуло в сторону, пытаясь вырулить, он пошел юзом по склону и завис на двух колесах, которые не переставали крутиться зигзагом, вырулил. Встал на четыре колеса, и одна сторона сильно упала и бороздила рычагами по камням. До финиша было сорок семь километров. Два хребта – и в долину, карта навигатора прыгала и отображала только очертания и где сопка, а где гора – не давала подробного описания. Выбирая вдаль, куда ему забираться, увидел с краю небольшой, наискось ведущий склон. Направил его туда и начал подыматься снова в гору, едва касаясь правой стороной колес краев склона и гребня, считай, одним колесом. Ошибки не переставали мигать. До вершины оставалось несколько десятков метров, когда двигатель заглох. Кнопка с лебедкой была рядом, она далеко пустила свой гарпун и потянула вверх. На бортовом компьютере скинул настройки и, обнулив систему, вновь завел двигатель, работая с перебоями. Переключил на постоянную максимальную мощность, двигатель уже начинал звенеть. Добравшийся до вершины тропы гарпун не смог выйти назад и, оторвавшись, остался, бороздя за собой размотанный трос – из-за того, что лебедка вышла из строя. В полуразбитом состоянии он, спускаясь с последнего склона, направился к виднеющейся вдаль базе. Стараясь дожать все, что было возможно, дисплеи горели снова красным свечением, и система больше не давала попыток на сброс данных о неполадках. Вертолет навстречу ему летел со стороны базы, описал по малому кругу вокруг него и, словно зависнув, летел в сторонке от него. Полоса финиша – и разбитое

напрочь его ведро финишировало. Покрытый дымом от горения покрышек, с разорванным кузовом и оторванным передним колесом стоял он, отъехав от финишной полосы на пару метров, и двигатель у машины больше не смог выдать хоть сколько-то мощности. Он открыл дверь и, отстегнув руку и ремни, стал вылезать. Она наклонилась в сторону, он с трудом откинул тяжелую дверь. И стал смотреть на конец своего сна, но это был не сон, а был его пройденный этап. Он вышел и, осмотрев машину, не понимал, как это произошло, он помнил немного, но было жаль ему зверя. Кто то сзади подошел, и с усмешкой раздался голос: «Сэр Гриша, ездить разучился?» Он не стал поворачиваться, он знал ее голос, снова она, как она его достала за эти месяцы, что они знакомы. Все дни, что он был в госпитале и на базе, она была с ним. Сначала он думал, что она наемная, и хотел избавиться от нее, но на все просьбы его отвечали уклончиво. Потом он уже понял, что она дочь того старика. Несколько раз он на нее накричал, чтобы она отстала от него, так ночами спать не мог, она приходила к нему и мучила всякими глупостями. «Долго меня игнорить будешь?» – возмутилась она. Он не переставал ее не замечать. Она стояла за его спиной и уже чуть ли не отбивала ножкой по земле, так он ее бесил. «Ты мне напоминаешь одну знакомую», – ответил он. «Какую?» – «Имя не помню, но точно знаю, что у меня была такая знакомая». – «А я уже думала, ты вспомнил хоть что-то. А, да, ты первый». И, захотев его обнять, он увернулся в последний момент и пошел искать мастеров. Но, отойдя на пару шагов, развернулся и подошел к ней почти вплотную. «Машину сделать надо, не стой, иди работай». – «Ты меня не обнимаешь, я не буду ее делать, все – я обиделась, проси меня лучше». И, подняв ручки, направилась к нему в объятия. Он отошел в сторону, и она, опустив руки, взбешенно на его глядела. «Машину чтобы сделала, ты меня поняла?» – повысив на нее голос, слегка прикрикнул на нее Гриша. Люси обиженно надела синюю кепку и пошла в ангар. Он следом за ней дошел до своего номера и, сев на кресло, пытался вспомнить, как он ехал. Только вспоминал сон, который снился и где он едет, и потом склон, когда он очнулся от удара. Но снова пропали воспоминания, и потом, только когда он вылез из машины на финише, раздался стук в дверь, он встал, не спеша подошел и немного приоткрыл, посмотрел, кто там. «Сестру боишься?» – стоял перед ним Рерих в черно-синем комбинезоне. «Да достала меня она уже», – идя к креслу, произнес. Сел и, расстегнув комбинезон, уставился на вошедшего. Рерих сел на диванчик и, потеряв ладони, произнес: «Что случилось с тобой?» – «Я не отдаю себе отчета в том, что я делаю на трассе, словно во сне». Развел руки в стороны, прошептал: «Ты когда потерялся, я паниковал, думал, все уже. Сестра в истерике билась, меня с отцом ругала». – «Что с машиной, восстановят?» – сказал Гриша, не придавая значения словам, которые произнес его шеф». – «Да сделают, как отец и говорил, тебя, кроме гонки, ничего не волнует. Ладно, я объясню ей, чтобы она больше не мешала тебе». Гриша встал надел шлем и открыл дверь. «Ты куда?» – Посмотрю, может, чем помочь смогу». – «Все сами сделают, команду дали уже. Или ты говорить не хочешь?» – «Не хочу», – не смотря на него, ответил. Рерих встал и подошел к двери, рядом с которой стоял Гриша. Он положил руку на плечо и, похлопав несколько раз, хотел что-то сказать, но, смотря в черное стекло, передумал. Гриша закрыл дверь и, не успев отойти, услышал разговор. «Ты куда идешь?» – «Ему еду несую». – «Отстань ты от него, что тебе не ясно?» – «Тебя не спросила, что мне делать, я ему сама приготовила, пока не покормлю, не уйду». – «Отец сказал, что он всегда такой, когда на гонках. После его доставай, я мешать не буду. Сейчас будешь лезть, я тебя отправлю домой». – «Козел ты, братец!» Поднос зазвенел. Гриша только отошел от двери, как раздался стук. Он встал и приоткрыл дверь, находясь в шлеме. Рерих держал поднос с едой. «Возьмешь или назад унести?» – возмущенно спросил его. «Возьму, спасибо». И протянул руки, взял поднос. Отнес его к столику, Рерих закрыл дверь. Гриша подошел и, закрыв на защелку, снял шлем, положил его на пол возле двери и открыл то, что было накрыто металлическим коробом. На чашке лежал стейк, почти с две его ладони и рядом тетрапак с апельсиновым соком. Взяв нож и вилку, отрезал кусочек, откусил и чуть

не выплюнул его, прожевал и съел. Открыл сок и сделал несколько глотков больших. Посмотрел на стейк и, вздохнув, стал его поедать. Сок закончился, и, налив воду из графина, он стал пить жадно. Все доев без остатка и вытерев кусочками хлеба соус, закрыл поднос крышкой. Спустя несколько часов, надев шлем, пошел в отсек, зашел и увидел, что машину разобрали до рамы и возле нее крутились пять человек. Сел в сторонке на снятые разорванные покрышки, рядом лежала разорванная обшивка кузова. Несколько сломанных рычагов пополам. Просидев около часа, он ушел и, придя к себе, уснул. Около трех ночи проснулся, попив воды, пошел в бокс. Там все так же кипела работа. Рерих зашел в бокс и, не заметив его, прикрикнул на них: «Живее, дармоеды. Долго еще будете делать? Испытать надо еще! Через пять часов старт уже». – «Сейчас соберем, ничего не надо испытывать, мы эту машину сами собирали, – буркнул ему в ответ, видно, старший мастер, который копался под капотом. – И вообще, начальник, не лезь ты к нам, мы сами заинтересованы в выигрыше «белого облака». Нам и так госпожа сказала, что распнет, если не сделаем машину вовремя». – «Боитесь ее больше, чем меня», – грустно произнес. «Ее только он не боится». И показал рукой на человека, который тихо сидел на крышке в самом уголке. Рерих кинул взгляд (кто это не боится ее?), и его удивленный взгляд сменился на обыденный. Подошел к нему, сел рядом и стал молча смотреть тоже, как они собирают ее. Мастер высунул лицо из капота и издевательски, чуть ли не смеясь спросил: «Он вас тоже приручил?» – «Рот закрой и крути гайки, Энри», – не смотря на него, сказал шеф. Рабочую тишину прервал голос: «Слишком много говорят они». Гриша, глядя на них, произнес: «Да». Раздался голос со стороны машины. Но голос прервал Рерих, выкрикнув: «Рот закрыли». Тишина, и только постукивали инструменты по железу. Гриша посидел немного и пошел к себе. Лег на диванчик и, закрыв глаза, лежал на нем. Рерих остался в боксе и наблюдал, как делают машину, мастера молча работали, не обмениваясь больше ни словом. Один подошел из них и сказал: «Господин Рерих, все готово». Рерих встал и стал осматривать машину, внимательно изучая все мелочи. Обошел несколько раз вокруг неё и осмотрел всё под днищем и капотом. «Сейчас приведу, испытает». И вышел за пилотом. Они вернулись вместе, Гриша сел в машину, пристегнул себя и руку, выехал из бокса, рядом сидел Рерих. Они неслышно выехали с территории и направились покататься по окрестностям. Спустя полчаса они приехали назад. Гриша пошел к себе посидеть еще час перед началом старта, а Рерих остался в машине, через минут пять вылез и, отходя от зверя, повернулся и произнес: «Два ненормальных: ты и твой хозяин». Когда он выехал, то большинство уже его ждало за территорией базы. Он не спеша вырулил и стал в стороне, в нескольких десятках метров стояла арка со стартовой надписью. Мелкие крупы снега пролетели возле него и, упав на лобовое стекло, растаяли. На включенном дисплее отображалось время, до старта десять минут до начала. В полукилометре стояли с десятков вертолетов, возле них было множество людей, которые бегали возле них. Несколько машин уже летали и снимали панораму рядом с ним, прошло несколько журналистов с операторами, которые снимали происходящее. У некоторых из участников брали интервью, и они что-то оживленно объясняли. К нему никто не подходил. Некоторые участники бросали мельком взгляды в его сторону и отводили глаза после непродолжительного взгляда. Ветер стал усиливаться, и уже вместо отдельных хлопьев снега принялась мести метель. На дисплее вспыхнуло оповещение о задержке старта. И, просидев немного в машине, он увидел, как одна за другой машины возвращались к ангарам. Он поехал следом за ними и вышел. К нему подошел Энри. «Гонку переносят, погода утихнет, тогда начнут выпускать». – «Долго ждать?» – «День, два, три, неделю – неизвестно», – пожал плечами. «Странная гонка получается». Посматривая на него из-под черного шлема, произнес: «Все ради шоу. Скажите шефу, может, он отменит распоряжение, но я сомневаюсь. Он после вашей пропажи пилотов чуть не забил прикладом автомата. Еле оттащили от них». – «Так пусть камеры установит на мою машину, видно будет лучше». Энри улыбнулся: да, они и так стоят пишут вас двадцать четыре часа, пока вы в шлеме, даже в номере есть несколько

камер». – «А я думал, что за светильники такие, которые не светят, развешаны по номеру?» – «Я смотрел случайно оставленный список программ, так будут показывать почти все, что с вами связано. Даже записи, как вас нашли. Господин как чуял, что, когда выкупил договор, приказал открыть все ангары на базе и проверять их раз в неделю». – «Я и не знал, что так все серьезно». – «Еще бы, ведь вы первый и единственный, кто смог пройти. Сейчас условия мягче, чем когда вы выступали. Тогда ведь произошла не только ваша победа, но и дочь тогдашнего главы пострадала, и ее вынесли, но больше никто не видел ее». Гриша покачал головой: «Я не помню ее, отрывки всплывают, но это вообще не связано ни с кем». – «Может, пойдете к себе в номер?» – «Нет, я тут постою, тут хорошо и как-то легче, чем в стенах быть, они давят на меня». – «Про родных ничего не вспомнили?» – «Если бы я хоть кого-то мог вспомнить». – «Даже когда мама к вам приходила, вы ее тоже не узнали?» – «Нет, даже эмоций никаких не было при ее виде. Неприятно было, что женщина плачет, но она была чужая для меня». – «А отец приходил?» – поинтересовался Энри. «Нет, та женщина сказала, что он погиб. И про какого-то Джорджа все говорила. Но я так и не понял, о ком она. А зачем ты так интересуешься у меня, все распросил?» – «Да мне врач ваш лечащий поручил все расспрашивать, и каждый день, он сказал, что могут провалы быть по тем воспоминаниям, которые вы помните». – «Тебе не машины надо делать, а головы людей тогда», – улыбнувшись, ответил Гриша. Но его улыбку не увидел его собеседник под маской. Энри снял кепку и, погладив черные, словно смоль, волосы, сказал: «Все же привык я к солнцу, тут не так жарко, как я люблю». – «Тут вообще не жарко, но, знаешь, я в первый раз сегодня обратил внимание на хлопья снега». Энри достал блокнотик и что-то записал в нем. «Мои сны записываешь, я же не Нострадамус». – «Да нет, это я для себя, запись разговора все равно передам врачу». – Все так серьезно, но время тянется очень долго». Энри заметил переменяющуюся интонацию и вспомнил предостережения врача, чтобы избегали разговоров про пещеру. «Я сейчас спрошу, может, выпустят вас, подождите меня тут, я быстро». Развернулся и легким бегом побежал в главный ангар. Спустя десять минут он показался из ворот и, что-то говоря по рации, направился к нему. Снег напал на плечи, хоть они не были заметны практически на комбинезоне, но он стряхивал хлопья. И, наблюдая за ними, что-то в голове стало словно стрелять. Снял шлем и упал на колени, взял голову в ладони, давил на нее. Стоящие немного в отдалении от него участники и обслуживающий персонал увидели его состояние. Энри увидел, что он упал, подбежал к нему. «Что с тобой? – и крича по рации: – Срочно врача на четвертый участок». Потушил рацию и стал осматривать зрачки. Гриша уставился в одну точку и, сжимая голову, у него изо рта шла пена, стало плохо, и зрачки глаз зашли за веки. Упал и потерял сознание. Врач появился и подбежал уже к нему, неся с собой небольшую сумочку с препаратами. Следом летел Рерих, обогнал врача и подбежал к лежавшему без сознания. Держа руку на вене, стал нащупывать пульс, но пульса не было. Доктор подбежал уже и, не успев отдышаться, открыл чемоданчик. «Пульса нет», – сказал Рерих. Доктор молча достал шприц, вколол в вену иглу и ввел три кубика. «Сейчас очнется, ему недолго осталось, год максимум». Положил шприц в чемоданчик и взглянул на Рериха. «Год максимум, вы это слышали?» Рерих не смотрел на него, а сидя на корточках возле пилота, держал его за руку. «У него мозг мертвый, он ничего не вспомнит, и будет чудо, если он вообще сможет говорить после инсульта. И их у него было с десяток. Я за то, чтобы снять его с гонок». Рерих на него гневно посмотрел и сказал: «Ты думаешь, я не хочу этого? Мы спокойно могли его поставить на последний этап перед самым финишем, а до этого отснять все в студии. Но он сам сказал, что ему важно пройти трассу, что-то связано у него с ней». – «Тогда закончите быстрее уже эту гонку и все». Гриша сквозь сон слышал обрывок разговора и открыл глаза. Что-то твердое и неприятное было под спиной. Он непонимающе смотрел на них двоих и, облизав пересохшие губы, произнес: «Вы кто и где я?» Все трое на него смотрели с ужасом в глазах. На лицо ему упало несколько снежинок, и он хотел стереть их рукой, почувал, что она зажата

в ладони человека, сидящего на корточках и смотрящего на него пристально. Другая рука не повиновалась ему, и, перебросив взгляд на нее, он увидел, что она на повязке держится. Доктор взял его за голову. «Энри, поднимай за плечи, только аккуратно». Подняли его. «Не вставай, посиди немного, препарат хороший, но ему надо время. Подожди минут с десять и тогда можешь хоть плясать», – улыбнувшись, произнес доктор. Гриша не оценил его шутку и молча смотрел в одну точку, уставившись на колесо на своей машине. «Мне надо ехать, гонка идет». И с трудом встал и уже направился к машине. Доктор хотел его остановить, но Рерих одернул его легонько за рукав. Он молча повиновался. Рерих дал команду судьям, и стоящие вокруг участники стали усаживаться в машины. Энри надел ему шлем, застегнул ремни и приделал к руке устройство. Он не говорил ни слова. «Гриша, тебе надо доехать до этой точки», – и показал на навигаторе красную точку. Он не произнес ни слова, а молча наблюдал за тем, как его белый капот скрыл слой снега. Энри закрыл дверь, и, он заведя мотор, поехал на старт. Через полчаса он уже пробивал бампером сугробы снега и разметывал в стороны груды камней. Остальные через интервал стартовали за ним, но только слабое облако поднятого снега замечали. Вскоре и этот след пропал. Снег вскоре перестал идти, вверху летали, словно птицы, вертолеты. Эскорт растянулся на несколько сот метров, идя по его следам, словно змея за своей головой ползет. Но уже заметно отставая, только его местоположение выдавали несколько вертолетов, которые летели за одним из холмов. Но расстояние до ближайшего преследователя было уже в километрах. Позади него следовал пилот, который множество раз был признан лучшим гонщиком в старейшей из их, так же участвуя на раллийных этапах, и везде признавался лучшим. Управляя одной из новейших разработок Юшимы, он только мог отрываться от остальных, приблизиться к пятьсот семидесятому номеру ему не удавалось даже на прямой, развивая громадную скорость и бесстрашно обходя сильные изгибы и неровности. Но все же изредка снижал скорость, пользуясь педалью тормоза. Весь секрет «белого облака» он не знал, а он был простым: дави на газ – и не бойся ничего, раз вышел на эту траекторию. Когда он узнал, что организаторы добавили еще одного гонщика, он отнесся к этому с иронией. Но теперь же, когда увидел сам лично то лицо, которое сильно постарело. Но все же черты этого лица он не мог спутать с кем-либо. Десять лет прошло, и он снова участвует в гонках, а считали его пропавшим. Если бы он мог связаться с материком, то разбогател бы, хотя сомневаюсь, что он бы поступил так. Что-то было в его символичном втором месте. Хотелось даже не обогнать, а прийти вторым за ним. Он относился к нему, как сын к отцу, хотя он возрастом был старше его на одиннадцать лет. «Восемьсот пятый, ты как там, его видишь хотя бы?» Динамик немного в ухе позвякивал, но он хорошо слышал голос: «Ким, я его даже не вижу, если бы не вертолеты, то я бы уже потерял его из вида. Его скорость невероятная, такое ощущение, что он идет по треку, а не по пересеченной местности». – «Не старайся держаться его маршрута, это безумец. Договорились, Ричи?» – «Не обещаю, так уж охота хоть приблизиться к нему». – «Делай что хочешь, но мой совет ты знаешь. Конец связи». «Лиловый мустанг» летел за ним. Хотя его фирма была другой, он называл его «мустангом». Вокруг не было практически никого, вдалеке его кто-то пытался догнать, двигатель ревел, а подвеска успешно отработывала на неровностях и камнях. Баллоны позади исправно подавали кислород в двигатель. Сам же, полный сил и не устав за первый этап, понимая, что идет первый, сильно удивился, когда из ниоткуда «белое облако» появилось на первом месте и привезя ему на финише неплохую разницу. Он еще тогда хотел подойти и поговорить, но организаторы запретили под страхом исключения любой контакт. Он видел на базе, что его соперник был при смерти, и краем уха услышал, что тому остался год. Значит, он не на пляже загорал, как писали в СМИ, надеюсь, узнаю, где он был столько времени, за стаканчиком виски вместе с ним. Задумавшись на эту тему, он немного затормозился и в зеркало заднего вида увидел, что его кто-то пытается настигнуть. Он пошел по своей траектории, разработанной его другом. Но погода менялась тут очень часто, и начинавшаяся метель с десятков километров назад сменилась жарой почти

как в пустыне. Вместо глубокого снега они двигались по пескам, подобным пескам Сахары, где он, участвуя в ралли, занял первое место. Также его знаменитая скоростная прогулка по Чуйскому тракту ввела в шок СМИ, которые приписывали ему множество аварий, которые он спровоцировал. Он мог множество моментов вспомнить, однажды после пит-стопа один из механиков не закрепил колесо, и он финишировал на трех колесах, потеряв колесо перед финишной полосой. Ему даже дали прозвище Арктическое цунами, такое громкое и пафосное. Он проехал так называемую стену, огромное нагромождение плоских камней, увидев их, ценители тайн сочли бы их за искусственно созданные. Но он лично не верил в этот бред, который порой раздували в СМИ. На таблице все так же пятьсот семидесятый летел первым, остальные и он шли позади. И время не показывалось, что было не особо привычно. Первые десять номеров и иногда встречающиеся прозвища – вот и вся информация, которую он знал. А вспомнив инструктаж, где он увидел это отребье, которое хотело выиграть, он смеялся им в лицо и некоторым разбивал лица. Настолько он презирал их всех. Машина прыгнула с небольшой сопки вниз, подпрыгнула и, перекачиваясь на подушках, прошла левее, зайдя по большой кривой, огибая отмеченный на участке провал под землю, который Ким случайно нашел. Не успев его проехать и видя, как сбоку кто-то его хочет подрезать, тому оставалось метров семьдесят до него. Он уже различал контуры шлема с надписями на нем, но вот она пропала. И он, наблюдая за этим, увидел, как небольшое облако черной сажи поднялось вверх, застилая видимость метров на сто вокруг себя, тонким слабым туманом покрывая и так не видимый разъем в почве. Он постепенно выровнял маршрут и двинулся к финишу, который был уже в десяти километрах. Спускаясь еще ниже, он увидел, как вдали крутились вертолеты, он спустился вниз и, оставляя за собой след пыли, привлек к себе съемочную команду, один из кружащих по поляне вертолетов направился к нему и, зависнув сбоку, не спеша летел за ним, порой обгоняя его и зависая впереди почти у самого капота. Он подъехал к незагороженной территории ангаров и увидел «белое облако», которое стояло возле финишной полосы и почему-то не финишировало. Ближе подъехав, увидел, как возле машины с пассажирской стороны было несколько человек. Он снизил скорость и, поравнявшись с машиной, увидел, как выносят человека на носилках и несут к ангару. Судья на финише стоял и уже держал наготове флаг. Он проехал вперед и увидел, что в машине никого нет, только открытая дверь с другой стороны. Нажал на тормоз, его легкая машина тут же в нескольких метрах затормозила. Он сдал назад и, приставив передний бампер к заднему, протолкал того вперед. После вышел из машины и в первый раз подошел за это все время к этому монстру. Погладил его по крылу и стер пыль, которая закрывала его белоснежную краску. «Устал малыш? Потерпи немного, скоро отдохнешь, старичок». Похлопал по стальному кузову ладонью. Его мастера увезли машину, и он, осмотревшись, когда судья был без дела, подошел к нему. «Здравствуйте, Иннокентий Павлович». Протянув ему руку, мужчина с радостью принял рукопожатие. И, улыбаясь ровной улыбкой, оголив белоснежные зубы: «Ричард, я рад, что тебя вижу живым, как гонка?» – «Друг мой, вот скажи мне, что случилось с тем самым?» Иннокентий незаметно осмотрелся по сторонам и, увидев, что его окружают сотрудники, произнес: «Ничего не произошло, ты о чем?» Прищуривая свои хитрые глазки и превращая свое лицо в лисью мордочку. Ричи понял сразу и поинтересовался, задав глупый вопрос: «А я думал, ты знаешь, что случилось с Фернадесом. Но раз не знаешь». Хлопнул себя по бедрам, попрощался и пошел к себе. Иннокентий молча его проводил, и один из помощников маякнул, что идет еще один. Он молча взял планшет и, отмерив таймером, отставание записал. Гриша пришел в себя в белой палате, лежа на больничной койке и не понимая, где он сейчас находится. Кровь из носа не переставая шла, с трудом держа один открытый глаз, а второй зажав и не имея сил открыть его. Рядом было несколько человек, они крутились возле него и проводили какие-то манипуляции над ним. Белый яркий свет светил в глаз, он слипался, и хотелось спать. Он провалился снова в небытие и очнулся уже лежа на той же кровати, только рядом сидела

на стуле девушка, он посмотрел на нее. И она оживилась, темные мешки под глазами, набухшие губы и дрожащие руки. Платок белый лежал на ее колене, темные штаны и слегка зеленая футболка, с растрепанными белыми волосами. Она прикоснулась к его руке и произнесла: «Как себя чувствуешь?» Он, сглотнув слюну, хотел что-то сказать, но не смог открыть рот. Показал жестом на рот, и она, поняв и без этого, налила ему стакан воды и, придерживая его голову, напоила. Он, попив, показал ей на руку, тыкая на запястье. Она в этот раз не сразу поняла и переспросила неуверенно: «Сколько время?» Он кивнул ей слегка головой: «Полвосьмого». Он закрыл глаза и, напрягая все силы, сел на кровать. И, спустив ноги, отсоединил провода от себя, встал на ноги и еле держался, качаясь по сторонам. Девушка на него молча смотрела и лишь спросила: «К машине отвести, поедешь?» Он не смотрел на нее, а смотря на дверь, слегка кивнул ей. Она, придерживая его за руку, вывела из палаты и, усадив в кресло, покатила к боксу. Дверь раскрылась, и он въехал в бокс, возле которого крутился Энри. Увидев, в каком он состоянии, свой острый язычок не стал использовать, а молча смотрел, как Люси его завезла в бокс. Он с большой гримасой боли встал и направился к машине. И, уже собираясь залезть, что-то остановился. «Энри помоги одеть». Провозившись с ним пятнадцать минут, он сел в машину и, закрыв шлемом лицо, словно выдохнул. Открыли бокс, и уже расположенные в очереди участники увидели, как открылись ворота, из главного бокса выехал белый джип. С цифрой пятьсот семьдесят на дверях. Подъехал к полосе, где на старте уже стоял Ричард. Он видел, как из-под шлема смотрят умершие глаза, не отражаясь ни одной эмоцией в глазах. Судья махнул флагом, и они стартовали в одно мгновение. Даже на прямой он не мог догнать его, хватало мощности, хватало умения. Но вот бесстрашия ему не хватило, двигаясь прямо по валунам, на которых можно было сразу разбиться, он не притормозил ни разу, а только ощущалось, что все больше и больше развивает скорость. Испугавшись, он начал пользоваться педалью и уже видел впереди себя только облако пыли. И напоследок разглядел, как два красных глаза зловеще горели из темноты. Ну что же, подумал он, видать, твоя судьба быть единственным, кому покорится эта трасса. Его вскоре маршрут ушел в сторону, и только он видел, как черная полоса пыли скользнула вдоль холма и, поднявшись вверх, исчезла. Он проводил взглядом и направился через небольшой косогор на севере. Объехав его, он рассчитывал выйти немного дальше и пройти к финишу с другой стороны. Его машина обладала легким весом и мощным двигателем, и взбираться по скалам было несложно. Солнце ярко светило, и песок нагревался, под которым тысячелетние льды давали нестабильную почву на равнине. Она то и дело проваливалась, зачастую даже от малейшего волнения почвы, когда он заехал на один из склонов горы с причудливым контуром. Он, подъезжая к ней, увидел, как словно стая собак гонится за медведем. И вот как раз между ними ему надо было проехать и надеяться, что оползния не было в ближайшие дни. Ставка была сделана на то, что он пройдет до того, как растрясут почву колесами. Именно этот этап был основным от скорейшего восхождения на лидирующую позицию. Вокруг раскрывались фантастические виды, стая псов была вся красного цвета. Подъезжая ближе, увидел, что порой их детализация доходила до скульптурной. Немного замедлившись возле восхождения, он проскакивал камни и порой взглядывал то в левую, то в правую сторону. Бок медведя был покрыт камнем, который немного переливался на солнце, а спина покрыта черным камнем. Судя по всему, так же мрамором. Он взобрался на вершину склона и увидел, как небольшая каменистая юбка шириной около десятка метров тянулась у подножья горы. На многие километры извиваясь, она уходила далеко вдаль. Он не спеша заехал на нее, несколько камней упали с ее склонов глубоко в пустоту. И, опрокидывая множество их с выступа, поехал дальше, порой взбираясь на громадные нагромождения из камня. На таблице он пропал с первых десяти мест, и это его не расстраивало, также пропал и «белое облако», и это его также не беспокоило. Этот демон все равно дойдет до финиша, в этом он был уверен. Но сильно задумываться было некогда, порой заезжая одной стороной на стену, он объезжал провалы в его идеальной тропе.

Несколько раз пользуясь лебедкой, преодолевал провалы, подвешивая машину над пропастью и замирая ощущал, как камни сверху легонечко били по крыше, капоту, стеклам. «Белое облако» трясущимися руками вел машину, в полубреду мчался по равнинной местности. Тело билось в конвульсиях, и он снял шлем, чтобы не захлебнуться в пене. Она стекала по его подбородку и падала на ноги и вниз, кровь из глаз уже отчетливо выступала, разорвав множество кровеносных капилляров. Зрение сильно упало, и, смутно видя очертания, куда он едет, в голове стало что-то происходить непонятное. Бросив руль и не убирая с педали газа ноги, он мчался среди каменистого настила по пустынной снежной долине. Кровь, текшая давным-давно из носа, была перекрыта ватными тампонами. Аптечку Люси ему положила на переднее сиденье и закрепила ее несколькими стяжками. Ее содержимое валялось по всему салону. Гриша резко нажал педаль тормоза и остановился, осмотрев себя и ища что-то по салону, стал его осматривать. Увидел желаемое и, отстегнув ремни, поднял с пола упаковку салфеток. Оттирая себя и свое лицо от кровависто-белой смеси, быстрыми движениями оттер себя и, откинувшись на сиденье, немного посидел, открыл дверь и вышел наружу, совершенно не заботясь об опасности снаружи. Отойдя от машины порядка десяти метров, сел на снежный покров и, набрав голый рукой снежных крупиц, вытер лицо и продолжил вытирать снегом лицо до того момента, пока оно не покраснело. Опустил руку вниз и продолжал сидеть, смотря на окружающий его мир. В голове сильно щелкало, и что-то словно загружалось в древний компьютер. Мелькали лица, давно позабытые им, голова немного стало лучше работать, продолжая вспоминать, все так же сидел на снегу. Очертания пещеры и символов вспыхивали в голове, и он зачастую вспоминал больше них. С трудом поднявшись на ноги, не спеша пошел к машине, видя все непотребство в машине, вытер и выбросил из нее содержимое его организма. Сел за руль и, прислонившись к нему головой, задумался, позже посмотрел вперед и, немного прикусив палец на руке, что-то решил. Закрыв дверь, не спеша надел шлем и, пристегнув ремнями себя, двинулся дальше. На навигаторе его маршрут был еще далек, и, не обращая на это внимания, не спеша, но быстро стал он продвигаться вперед. Очертания заснеженной базы уже виднелись, они были различимы только из-за красных мигающих ламп на вершине ангара. Вертолетов и прочего он не видел, а может, и не замечал. Совершенно был поглощен своими мыслями, которые к нему вернулись, словно после глубокого сна. Он финишировал и, пройдя бактериологическую обработку, зашел в ангар. В нем стояла Люси и с удивленными глазами смотрела на него. Он шел как ни в чем не бывало и, подойдя к ней, сказал: «Телефон дай!» Она протянула ему сотовый, и он, посмотрев на сеть, отдал ей мобильный назад. «Мне надо позвонить». – «Хорошо, сейчас сделаю. Пошли за мной. Тебя заметно лучше сегодня». Он промолчал и, немного посомневавшись, ответил: «Я часть вспомнил, все же не зря сюда приехал». Она радостно обняла его и похлопала по плечу. Он с болью на лице принял похвалу, и она вспомнила, что его тело было покрыто все синяками и ссадинами. Перестала совершать свой опрометчивый поступок. Они шли вместе по коридору, спустились к двери, которая была наподобие банковского сейфа, и, введя код, она отворилась и отошла в сторону на сервоприводах. Гриша с любопытством смотрел на то, что было за дверью, но его ожидания были почти развеяны сразу. За дверью была комнатка не больше трех квадратных метров, и посреди нее на маленькой подставке, прикрученной к стене, стоял древний доисторический аппарат. Трубка телефонная была очень громоздкая, и барабанный механизм с десятью цифрами он в первый раз видел. Люси подошла к аппарату и, взяв трубку, спросила: «Номер говори». Он немного замешкался и сказал: «Номера, наверное, в машине есть, я не помню». – «Кому позвонить хочешь, матери?» – «Нет, у нее телефона нету. Джорджу». – «Он не сможет говорить», – прошептала Люси. – «Умер?» – дрожащим голосом произнес Гриша. «Нет, он в больнице, с ним произошел инцидент один лет десять назад». – «Какой?» – все сильнее погрузился и в голосе, и в своем помятом виде он. «Я тебе расскажу. Но немного попозже. Может, помимо них есть кому позвонить?» – «Нет,

нету». – «Тогда пойдем отсюда и поговорим, я тебе все расскажу подробнее». Гриша вышел из комнатки, и за ним подымалась по ступенькам Люси, он уже направился в номер, но она его остановила и сказала: «Пошли за мной». Он молча развернулся и следовал за ней, она, прижав руки к животу, скрестив их, шла, словно немного замерзла. Они дошли до комнаты с белой дверью, и, открыв ее, он увидел, как по маленькому коридорчику в разные стороны были двери кабинетов или палат. Она открыла первую же дверь, и они вошли. Возле стены, слева от двери, стояла кушетка, а дальше у самой стены, напротив двери, была койка. На стене, напротив кушетки, располагались маленькие ящички. Она показала рукой на кушетку, и сама стала копаться в ящичках. Достав из них различные контейнеры, положила их рядом с ним и скомандовала: «Раздевайся». Он с трудом стянул комбинезон и сидел в одних трусах перед нею. Она, вставив в пистолет ампулу, вколола ее содержимое в вену на руке. И тщательно стала рассматривать его тело, ища белые вкрапления на нем. Окончив осмотр, стала обрабатывать его раны и спускать кровь с кровяных мозолей по его телу, которые обильным количеством покрывали его сухую фигуру. «Ты мне обещала рассказать», – немного прикрывая глаза, произнес он, когда она, не жалея его, стала жгучей смесью, похожей на йод, обрабатывать открытые ею надрывы. «Потерпи, как закончу, расскажу, молчи и не отвлекай меня», – не отвлекаясь от своего занятия, произнесла. Он смиренно сидел, иногда передергиваясь от ее движений скальпелем. Она его около часа уже мучила, и журчание его желудка отвлекло ее от более тщательного продолжения. Она встала и, осмотрев свою работу, молча сложила препараты и приборы назад в ящички. Он сидел перед нею с сильно перемотанным телом и с очками, которые были с каким-то раствором, он через них видел очень мутно. Жидкость в них соприкасалась с глазами и явно, по всему была каким-то лекарством, он не знал название и впервые видел. Желудок все так же журчал, и она, накинув на него халат, оставила в палате, забрала его окровавленную одежду и вышла. Примерно спустя час она пришла к нему, держа поднос с белой крышкой в руках, и поставила его на небольшую тумбочку возле кровати, отвела его за руку к ней. Он мог и сам дойти, но не противился ей. Она открыла крышку, и знакомый приятный аромат пронесся по палате и вбилась ему сильно в нос. Она, орудуя ножом, нарезала кусочков и стала его кормить, он также не сопротивлялся ей и спокойно ел сильно пересоленный стейк. Во рту чувствовался сильный вкус соли, и он почти не приготовился, лишь слегка совсем прижарен по краям. Он молча давился сырым пересоленным мясом, и если бы она могла увидеть, как он плакал, то поняла бы причину. А так довольная собой кормила его этим яством, и он, плача от своей участи, смиренно ел его. Окончив пиршество, держа стакан с соком, пил маленькими глотками остатки из графина. «Так что с Джорджем?» Люси молча сидела возле него и ответила: «Я не знаю, сейчас брат спросит у знакомых, может, что-то скажут». – «Жаль», – печально ответил Гриша и, положив стакан на тумбочку, взял ее за руку и обнял за плечо. Она склонилась к нему и легла головой на край плеча, волосы ее закрыли часть его лица, которое было слегка присогнуто вниз. Гриша ее очень хотел поцеловать и уже собирался коснуться ее, но ему помешал вошедший в палату Рерих. Гриша одернул резко руку, Рерих не заметил этого движения и Люси тоже. «Воркуете, голубки?», – улыбнувшись, подметил он и, не закрывая дверь, стоял в дверном проеме. Люси ничего не произнесла и, опершись на его плечо, спала. Гриша, обратив внимание, что она все так же лежит, аккуратно положил ее на кровать и, прикрыв одеялом, вышел из комнаты, где его уже ждал Рерих. «Узнал?» – негромко произнес Гриша. «Да», – так же тихо ответил ему Рерих. «Так рассказывай», – сказал он, закрывая дверь, и подошел почти вплотную к нему. «Он, так сказать, почти на задании», – улыбаясь, произнес Рерих. «Объясни, я хоть и отошел, но не до конца», – непонимающе на него смотря, ответил Гриша и отступил на шаг назад. «Он сейчас в совете безопасности сидит. Высоко взлетел под старость», – продолжал улыбаться Рерих. «И с ним теперь не связаться?» – «Не в ближайшие месяцы, он занят с секретками». – «Не поверю, чтобы у вас там не было связей», – из-под бровей посмотрел на него Гриша.

«Так мне и сказал по большой дружбе один из его почти друзей. Иначе бы... – произнёс Рерих и развел руками. – Но я тебя обрадую. На мой телефон, только Люси не говори. Тебя ждет сюрприз под именем контакта Елизавета Холмогорова». Гриша, не веря сказанному, взял телефон и, найдя ее в списке, нажал на кнопку вызова и наконец-то смог произнести то, что он так долго хотел. Идя из своего номера в бокс, он был впервые счастлив с начала этого испытания длиной в целую жизнь. Его жизнь налаживалась, и оставалось несколько этапов, которые были уже не так сложны для него. «Сегодня у нас в программе потрясающие новости, и ждет прямое включение с места событий. Организаторы заявили, что особый участник, выступавший в качестве талисмана «белого облака», смог выиграть гонку, как некогда первый чемпион. Окажется ли этот факт достоверным или очередной уткой, мы узнаем в дальнейшем выпуске. Сегодня у нас в студии глава технического отдела организаторов «Зомби гонки» Люси Рерих. И глава медиахолдинга «Южный регион» Рейчел Макконахи. И я, ваша ведущая Юми Николич. Первый вопрос я задам госпоже Рерих. «Не госпоже, а мисс», – поправила ее Люси. «Хорошо, мисс Рерих, кто же таинственный ваш участник, который прошел трассу? По мне, это пахнет постановкой. Расскажите нам и нашим зрителям, кто этот таинственный гонщик, которому оказана такая честь носить это прозвище. Рейчел, слегка улынувшись, смотрела на Люси и уже готовила разгромные вопросы и заметки, чтобы раскрыть постановку, внимательно изучив свою оппонентку. «Будет включение с материка, и вы сами все узнаете, я вас уверяю, постановки нету с нашей стороны. Подождите пару минут», – ровным голосом произнесла она и, держа руки под столом, не положила их на него. Ее смущало, что они уловили тот момент, который ее и саму немного тревожил. Обе поблескивали своими обручальными кольцами, которые были недавно надеты на их пальцы. «Мисс Рерих, – переключив ее внимание на себя, обратилась к ней Рейчел. – Вам не кажется, что не по-человечески пользоваться пропажей «белого облака», чтобы пропиарить ваше мероприятие?» – «Разве трудно вашей компании, раз организуете эту постановку, создать свой бренд, а не пользоваться уже ранее раскрученным именем?», – добавила Юми, и обе как волчицы смотрели на свою жертву. Люси спокойно отреагировала и, смотря на них своими темно-зелеными глазами, ответила: «Я думаю, что на эти вопросы ответит вам нынешний победитель. Я могу только сказать, что он заслужил это прозвище даже больше, чем тот, кто участвовал ранее под ним». Обе уже не сдерживались, накинулись словесно на нее. «Вы даже не представляете, что это был за человек, чтобы так говорить. Вы не видели его, когда он участвовал в гонке. Я могу судить, я видела его, и сама была на этапе с ним», – гордо заявила Рейчел, еле сдерживаясь, чтобы не вырвать этой выскочке ее белые волосы. Юми, не дождавшись ответа, вставила свою лепту: «Я его тоже видела однажды, то был светлый человек, помогающий обездоленным, и, в отличие от всех известных мне мужчин, конечно, кроме моего мужа, он был рыцарем». – «А вы его честь и имя позорите своими заявлениями. Надеюсь, люди смотревшие эту передачу, не будут ваши постановки покупать и смотреть», – выпалила в нее Рейчел. Люси спокойно сидела и уже злилась на брата, что он задерживается с разрешением включения. «И я знаю, что сейчас произойдет». И, закрыв глаза, Юми, водя руками, как фокусник, сказала: «Крабли, крабли, бум. У вас пропала связь со студией. Не так ли, мисс Рерих? Где же ваше включение с Антарктиды? Рейчел, не сдерживаясь, смеялась в лицо и, отпив несколько глотков воды, смотрела на монитор, который был с заставкой передачи». – «Сейчас будет включение, минимальные задержки допустимы. Или вы торопитесь домой?» – поинтересовалась отрешенно Люси. «Нет, не хочу свою программу засорять такими, как вы», – презрительно ответила Юми. Рейчел даже не удостоила ее взглядом и словом, уже желая уйти с этого концерта, организованного кучкой неудачников. Она встала и, сняв микрофон, положила на стол и, развернувшись, пошла к выходу из студии. Юми молча проводила ее и смотрела на Люси. «Вам, мисс Рерих, думаю, пора тоже уйти. Хватит нам врать вам и вашим сообщникам!» Люси сидела за столом и спокойно ждала включения. «Господа охранники,

выведите аккуратно Люси Рерих», – предложила она, глядя на камеру. Несколько человек направились к ней из-за кулис. Но им навстречу вышел седовласый мужчина с заметной сединой на голове. Один из охранников узнал Дика и, разведя руками, остановился. Камеры продолжали снимать происходящее в студии. «Командир, здравствуй!» – улыбувшись, произнес остановившийся первым, второй стоял в нескольких шагах и не предпринимал никаких действий. Дик подошел к нему, и они обнялись. «Давно тебя не видел, как ты тут оказался?» – «Да задание охранять эту девушку поступило». – «Неожиданно», – улыбувшись, ответил Дик. «Вы сами как так, что охраняете девушку?» – не сдерживая смеха, уже смеялся охранник. «Да потом расскажу, пойдем отойдем в сторонку». И они отошли в сторонку и стали говорить о чем-то, заливаясь смехом. Рядом стоявший ранее охранник после нескольких слов Дика убежал из студии. Юми возмущенно смотрела на людей, которых ей дал муж, узнав, что она будет разносить солидных людей. Люси еле сдерживала свой смех и, уже взяв стакан с водой, пила жадно из него воду, осушив целиком его. Юми немного помолчала, и ее молчание разбавил визг Рейчел, которую нес на плече убежавший охранник. Рейчел сильно била его по спине и пыталась вырваться, но железная хватка не давала ей ни малейшего шанса на побег. Аккуратно опустил ее на стул и отошел в сторонку, она попыталась встать, но он твердым голосом сказал: «Сидеть». Рейчел, видя, что ей никто не поможет, села молча, как и две рядом сидящие за столом. Эфирное время уже заканчивалось, и, чтобы не отключили их, Дик и его приятель пошли к режиссеру трансляции и, отчетливо дав наставления, вернулись дальше. Прямой эфир продолжался с тремя молчащими в студии и рядом стоящим мужчиной в черном костюме и белой рубашке. Юми, разозлившись, достала телефон и, найдя в списке нужное имя, нажала вызов. Семь гудков – и услышала грозный голос мужа: «Юми, я занят!» – «Джордж, не вешай трубку, меня удерживают в студии и не отпускают. Твои твердолобые не слушаются». – «Что они сделали?» – не переменяв голосом, спросил Джордж. «Они с каким-то мужчиной говорят и не реагируют на всех. Прямой эфир уже на час перенесли». – «Дай трубку тому, кто отвлекает», – не переменяв в голосе, произнес ее муж. Она встала и, подойдя к Дик, протянула ему телефон с чувством полной победы и пристально впиалась в его лицо. Он взял трубку, поднес ее к уху телефона и произнес: «Привет, командир. Это Дик». – «Привет, Дикий. Что за задержка?» – улыбаясь и опершись на спинку кресла, спросил Джордж. «Ты меня поить будешь год, командир», – улыбаясь сказал ему Дик. «Неужели год. Я даже не знаю и повода, дорогой ты мой зам». – «Включи телевизор, жди включения и только таблеток выпей-то, понимаю, жена молодая, но ты этого можешь не выдержать», – заверил его Дик, улыбаясь и блестя глазами. «Так и быть, буду ждать», – согласился Джордж и завершил звонок. Он отдал телефон Юми и озорно поглядел на нее. Она протянула руку, и он ей сказал: «Жди, красавица». Она взяла и с обиженным лицом пошла на свое место. Села и, взглянув на монитор, увидела, как он немного исказился, и увидела одну из баз этапа, к которой на огромной скорости летело что-то, облаченное в пыльную шапку. Рейчел оживилась и стала всматриваться. Вот бархан с песком, но, не объезжая его, машина взвилась вверх и, пролетев несколько метров, приземлилась в пыль. На мгновение открыв лобовое стекло кто промелькнул человек в белом шлеме и с затемненным стеклом. Он мчался и рвал колесами грунт, рев знакомого двигателя ее очень сильно заинтересовал. И она все тщательнее стала присматриваться к пыльному облаку, от которого видела только слегка перед капота. Люси тоже наблюдала за его появлением и сжимала губы, когда он подлетал и приземлялся, она знала цену его прыжкам. «Пыльная стрела» финишировала и остановилось, постепенно стала рассеиваться пыль и оголила белый корпус джипа. Юми сжала телефон и смотрела на ту машину, которую она видела вживую лишь однажды. Пятьсот семидесятый номер на передних дверях, потрепанные таблички, слегка расцарапанная машина на задних крыльях. И дверь открылась. Камеры, расположенные по всему периметру, снимали его машину в триста шестьдесят градусов. В дверном проеме показалась фигура с повязкой на плече и держащим

руку в ней. Стоя в дверном проеме, отстегнул шлем и начал не спеша его снимать. Он снял его, оставшись в подшлемнике, и одна из камер засняла его глаза и взгляд. Рейчел с содроганием замерла, и в памяти отпечатался пройденный с ним этап. Словно встал перед глазами. Как она потом в госпитале лежала пару недель с потянутыми сухожилиями и множеством гематом. Он стянул тряпку с лица, и они и весь мир увидели уставшее лицо того самого, который десять лет назад, совершив неслыханное действие, исчез, погрязнув в пустом материке под названием Антарктида. Юми тоже его узнала, он изменился, но это лицо она не спутала бы ни с кем. Рейчел, закрыв ладонями рот, в шоке смотрела на него. Гриша спустился, и к нему подошел Рерих, обнял его и поднял его руку вверх. Гриша с трудом улыбался, гонка далась ему трудно, и он еле стоял на ногах. Они немного постояли, кругом созданная массовка разбавляла их компанию. Рериху кто-то настойчиво звонил, и, не выдержав, он поднял трубку. «Грише дай трубку», – еле сдерживая эмоции, сказал командный голос. Рерих примерно понял, кто это, и дал трубку Грише. «Здорово, старик». Люси встала в студии, камера взяла ее крупно, и, выйдя из-за стола, она подошла ближе и, закрыв собой сидящих за ним дам, сказала: «Подробности желающие узнать, покупаем трансляции этапов и отдельно историю «белого облака»». Где он был, и что делал, и почему у него рука в повязке, узнаете, только как оборот продаж превысит один триллион. И, улыбнувшись, сказала: «Я верю в вас, у вас все получится». И, окончив свой ультиматум, ушла из студии. Следом за ней шел Дик и не спеша крутил немного кистью правой руки. Гриша лежал на кровати, рядом сидел Джордж и рассказывал ему обо всем. Он лежал и изредка задавал вопросы. «Я не верю, что тебя мама не звонила, – улыбнулся Гриша, почти обессиленный от всех этапов. «Да что ты, что твой отец, вот и она, не говорите мне ничего. Я же был у нее пару месяцев назад, она была как обычно, и я даже не заподозрил, что она виделась с тобой». Джордж немного подумал и сказал: «Я же отцом стал». Гриша улыбнулся: «Некого воспитывать, так решил своих завести?» Джордж смотрел на него, немного улыбаясь. «Ты ее знаешь». Гриша наморщил лоб и ответил: «Вот память не напрягай, я не хочу нагружать ее. И так чуть не сдох на последнем этапе». – «Ладно, но извини, мне пора, надо лететь на базу. Меня, можно сказать, заставили снова надеть погоны». Они попрощались, и Джордж улетел на военную базу. Гриша хотел уснуть, но снова всплывали образы, которые он непонятно где видел, что-то страшное и тяжелое давило на него из пустоты, и мелькали все те же фигуры и надписи, которые, казалось ему, он видел на стене того зала. Хотя точно не мог вспомнить. В палату пришел врач и, посмотрев на Гришу, спросил: «Спать будешь?» Гриша моргнул глазами. Доктор вколол ему в капельницу из шприца несколько кубиков, и он провалился в небытие. Проснулся, и возле него сидел на стуле доктор и читал книгу. Заметил движение на кровати, отложил книгу и поинтересовался: «Они не снились, когда я дозу тебе увеличил?» Гриша немного кашлянул и ответил: «Нет, хорошо поспал, провалился и очнулся – так вас увидел сразу. Доктор обрадовался и сказал: «Это лекарство вкалывай перед сном и будешь спать спокойно, только вкалывай три кубика, можешь три и два, но не больше. Это сильный препарат». – «Хорошо, вы улетаете?» – «Нет, я тут буду с тобой, но не всегда я буду рядом, базы сворачивают, и врачи улетают, я останусь пока с тобой, но меня могут вызвать на другие. Новые образы всплывают?» – «Нет, все то же самое, и я не контролирую их, только глаза когда закрываю, они появляются не сразу, но приходят». – «Думаю, надо вернуться туда, может, пройдут у тебя эти видения или изучим их. Гриша немного передернулся и ответил: «Я не хочу туда лететь». – «Но надо выяснить причину так же, как с твоей памятью, ты хоть частично, но вернул ее себе. Там может тоже то произойти, придешь – и исчезнут», – уверил его доктор. «Но не сейчас, я пока не готов лететь, сил мало». – «Хорошо, но это не мне решать, а тебе, если ты хочешь туда вернуться и выяснить». – «Я понимаю». Доктор вышел из палаты и окликнул бойца, тот подошел к нему. «Звали, доктор Патрик?» – «Да, посиди с ним в палате, я пойду посплю». – «Хорошо, если будут неполадки на объекте, сообщить вам?» Доктор, улыбнувшись, слегка кивнул головой. И пошел

в номер к себе. Но по пути зашел в судейский кабинет и, постучав несколько раз, вошел. «Господин Рерих, его вырубает тройная доза препарата. Боюсь, что он станет наркоманом в скором времени такими темпами». – «Доктор, вы постоянно меня пугаете его состоянием. Тогда твердили, что ему полгода осталось и это безумие. Сейчас другое». И развел руками, уставился на него. «Я уже не понимаю, какой вы специалист, что не можете разобраться в своем пациенте». Доктор с уставшим видом и с серьезным лицом заявил: «Это не с нашей планеты. На земле нет такой болезни. Может, это вирус в нем так сопротивляется». Рерих скривил лицо: «Патрик, хватит читать свои книжечки об иных цивилизациях». – «Вы еще скажите, что проходы создала сама природа», – все не унимался, настаивал на своем доктор. «Да, жили люди давно, остались их трупы здесь за тысячи лет, пока находились подо льдом, мутировали, вот и объяснение». И снова развел руками, скорчил причудливое лицо. Доктор слишком устал, чтобы спорить, поэтому, решив завершить беседу, сказал: «Я вам что считал нужным сказал. Вам решать, что и как поступать». Рерих ничего не ответил, а спокойно встал, подошел к нему и, встав возле него, сказал: «Разберемся, как отойдет, покажет, где был, и слетаем проверим». Доктор этого и добивался, вышел из кабинета и, довольный, идя к себе, хвалил себя, как провел его. Да, подумал он, если бы не его сестра, то он бы не справился ни с чем. И, вспомнив свой разговор с госпожой Рерих, сменил свое выражение лица на угрюмое. Надо провернуть все, пока ее нет, а то не видать ему денежек за данные о том, где было «белое облако». Через пару дней в номере Гриши на базе «Восточная» собралась небольшая компания людей, и они решали, что делать в дальнейшем. «Надо отправить экспедицию в ту пещеру». – «Думаешь?» – «Да». – «Сам пойдешь туда?» Гриша вздохнул, посмотрел на Рериха и на рядом стоящего Ричарда. «Я не хочу возвращаться туда, но думаю, что надо вернуться и мне». Его слова прозвучали нерешительно и с дрожью в голосе. «Ты какой-то нерешительный сегодня, – улыбнулся Рерих. А Ричард с хитринкой улыбнулся и произнес: «Люси надо вернуть, тогда он сразу станет решительнее. Он полумертвый – и то смог гонку пройти, когда она была рядом с ним». Гриша побагровел, но ничего не произнес. Рерих промолчал, достал телефон и стал в нем искать номер сестры. Гриша не понял это действие, он сильно углубился в себя и застеснялся. Ричард не сводил с него взгляда и, улыбувшись, подумал: «Этот монстр так боится признаться девушке, кто бы мог подумать, что он такой нерешительный». Даже он сошел с двух этапов, посчитав глупостью следовать за ним по тальым льдам. Ему до сих пор не было известно, как он прошел по им. «Алло, слушаю тебя, братик». – «Люси, с тобой тут кто-то поговорить хочет, сейчас дам трубку». И протянул Грише телефон, тот с непониманием его взял и приложил микрофон к уху. Ричард кивнул головой Рихарду, и они вышли, закрыв за собой дверь. «Я вас слушаю», – раздался возмущенный женский голос. Гриша, покрываясь красной кожей, с трудом переводя дыхание и проглатывая комок в горле, произнес: «Почему ты уехала?» – «Потому что я не нужна тебе!» Гриша сжал в руке телефон и, покрываясь потом, промолчал и, собравшись с духом, слегка слышным голосом произнес: «Нужна». – «Тогда я не вижу тебя под своим окном, поющим серенаду». – «У меня дела тут». – «Какие могут быть дела?» – «Надо исследовать кое-что». – «У меня свадьба завтра, тебе время до того, как я надену обручальное кольцо, ты понял?» Холодный голос звучал в трубке, его обдало холодом, и было ощущение, словно он на вершине горы стоит без одежды. Так его эти слова охолодили, что он с трудом смог нажать кнопку на телефоне. Положил его на стол, вышел из номера, подошел к окну, его волнение ушло, и он, слегка взявшись за грудь, тяжело дышал. Немного постоял, закрыв глаза, глубоко вдохнул воздух и, не задерживая его, выдохнул. Открыл глаза и, смотря, как возле вертолетов крутились люди, стал наблюдать, словно это были птицы, кормящиеся булочкой. Вечером несколько вертолетов уже держали путь к скале, где он видел непонятные символы в пещере. Их группа насчитывала около двадцати человек, хорошо вооруженные и экипированные, в совершенно герметичных защитных скафандрах. Гриша не был вооружен и двигался налегке. Они спустились в туннель,

расставляя по пути датчики связи, чтобы не терять связь с внешней землей. Возле входа осталась небольшая группа из пяти бойцов, установив пулеметные комплексы, которые могли вращаться практически под любым углом, заняли оборону по секторам, защищая и выход, и подступы к своему месту. Вертолеты, доставившие их на место, патрулировали район и следили, чтобы никто не подошел к скале. Район возле нее был пустой, и одинокая гора только стояла посреди ледяных склонов, которые слегка были покрыты песком. Первые бойцы, дошедшие до места, закрепили тросы и скинули их вниз. Присоединив электронное спускное устройство, которое у каждого из членов было на поясе, пропали в темноте. Гриша спускался одним из последних, ему было выделено два бойца, которые могли его в случае чего поднять сами и полностью отвечали за его. Он не видел их лиц, черные маски скрывали, и голоса через динамики звучали как-то механически. И два его охранника были вооружены очень насыщенно даже в сравнении с теми, кто и спустился в туннель. За их спинами располагались несколько ружей и также автоматические винтовки ближнего боя. Спереди в футляре, сантиметров семьдесят в длину, лежала снайперская винтовка. И все видимые места были сплошь усыпаны карманами, из которых торчали обоймы с патронами. На предплечьях были в ножнах ножи, которые совершенно не походили на стандартные. Эти, скорее всего, были произведениями искусства: позолоченные ручки и изогнутые клинки. Первый боец прицепился и на несколько метров спустился вниз, к этому же тросу присоединил второй, Гришу, и они стали спускаться, второй же спускался по соседнему тросу как раз напротив Гриши. У него в ножнах были два ножа, совершенно ровные, даже без выступов на рукояти, напоминали несколько острых полосок. По краям пещеры были развешены светильники, которые достаточно хорошо освещали весь туннель. И на всей протяженности пути через несколько сот метров расставляли системы связи в туннелях. Когда он начал спускаться, то увидел множество пятен от крови, словно по туннелю разлили несколько ведер с красной краской. Но эта кровь была его, и он точно знал. На краях некоторых выступов он видел части разбитого стекловолокна, стеклопластика, они торчали из немногочисленных шероховатостей серого камня на полу. Стены были гладкие, почти отполированные. Он осматривал края стен, по которым когда-то лез и так боролся за свою жизнь. Но сейчас ему как-то было легко, и даже порой веселило его возвращение. Все же он тут провел много времени, даже не осознавая этого. Они спустились, и уже первые члены группы дособирали лодки, на которых они поплывут до той пещеры. Фонари устремились во все стороны, освещая стены, но одна стена была рядом, другой же стены не было видно. Они уселись по местам и, включив мотор, двинулись вглубь, через некоторое время они увидели небольшой островок, сбавили ход, и, проплывая возле него, Гриша, светя фонарем, посмотрел на его пристанище. Засохшие растения безжизненно склонили свои стебли, а признаки того, что тут был человек, почти не были заметны. Под небольшой горкой камней скрывались следы его пребывания. Двое его напарников заметили его задержавшийся взгляд, и спросил Рерих: «Остановиться?» – «Нет, поплыли дальше». Рерих скомандовал, и лодки стали набирать ход и, разбрасывая волны по совершенно безмятежной поверхности озера, двигались дальше. Около часа прошло, прежде чем они увидели небольшой выступ. Лодки плавно сбросили ход и остановились. Одна из лодок в полном комплекте экипажа осталась возле входа, немного отплыв от входа. Остальные лодки закрепили зажимами за край камня, и они остались, слегка покачиваясь на воде. Установив приемники для связи, радист сравнил звук с приемником на выходе из пещеры и дал команду, что сигнал есть. Несколько бойцов, освещая себе путь, рванули вперед легкой трусцой, оставшиеся не спеша двигались, ведя себя так, словно из стен на них кто-то нападет. Гриша, Рерих и Ричард шли в центре группы, они не были вооружены. У двух его друзей были в кобурах пистолеты и несколько магазинов, прикрепленных к бронежилету. Из динамиков слегка доносилось их тяжелое дыхание. Эти костюмы были очень тяжелы, и если снабдить оружием этих трех, то они бы не пошли дальше. Лишь привычные бойцы с легкостью

и, словно не замечая, двигались в них. По пути устанавливали передатчики, и радист, проверяя связь, давал команду на дальнейшее движение. Первый разведотряд уже добрался до поляны со светящимися растениями, и по радиации с помехами донесся их отчет. Чтобы не тратить батареи жизнеобеспечения радиации и прочие устройства, все были переносные, крепились на груди и слегка включенными немного шумели. Вдали светили два огня от фонарей, помигав ими и зафиксировав по радиации, что это они, основная группа подошла к своим. На расстоянии примерно в несколько квадратных километров росли растения с ярко-желтым отблеском их черных листьев. Попадавший на них свет от фонарей не причинял им никакого дискомфорта. Несколько бойцов встали у входа, а по краям зала разбежались бойцы, с шефом осталось пятеро и двое гостей. Рерих ходил и, освещая орнаменты стен фонарем, не понимал их значение, он пытался что-то расшифровать, но не понял ничего из них. Это напоминало словно код программирования, только вместо нулей и единиц были какие-то символы, которые повторялись очень часто. По радиации раздался голос: «Господин Рерих, зал изолированный, целостный, слой камня примерно сто метров, на большую глубину не просвечивает система. Разрешите отправить исследовать остальные области?» – «Нет, не разрешаю, Сэм, отправь на базу команду о предоставлении еще отряда. И пусть найдут на большой земле ученого, кто разбирается в древних надписях». – «Слушаюсь, господин Рерих». – «Гриша, ты тут жил десять лет?» – «Получается, что да». – «От тебя следов-то немного осталось, только небольшой холмик, который у самого входа был в зал», – подметил Ричард. «А ты, Ричард, поешь этой травки, посмотрю я на тебя, что с тобой будет», – улыбаясь ответил Гриша, улыбку, конечно, никто не мог видеть, у всех были шлемы затемнены. «Но все же я не понимаю, что тут написано и на кой мы сами сюда пришли. Тебе легче?» – адресуя свой вопрос Грише, спросил Рерих. «Да я откуда знаю, знаю, что тянуло сюда, вот и все. Пожал плечами и стал дальше светить на росписи на стенах. Рерих сел на траву и стал молча наблюдать, как эти двое наверняка с умными рожами бродили возле стен. Его охрана осталась возле него, а немного вдали стояли те двое, которых он откомандировал в эскорт. «Сэм, дышать можно воздухом?» Немного погодя Сэм ответил: «Сэр, нельзя, пыльца растений сильно разбрасывается по залу. Можете сами увидеть, посветите примерно метра на два вверх, приглушив свет фонаря до минимума». Рерих посветил и увидел, как слегка свет от фонаря стал искажаться от обилия этих спор. «Сэм, отправь пару бойцов, пусть проверят, до какого расстояния пыльца доходит в туннеле». – «Есть, сэр». И два бойца, затопав ногами, побежали к выходу. Через минут пятнадцать ему сообщил Сэм: «Господин Рерих, нет возможности определить. А маски я запретил им снимать». – «Понятно, тогда пусть пробы возьмут с туннеля и отсюда, и вообще, все, что видите, – отовсюду возьмите пробы». – «Есть, сэр». Рерих лежа на спине освещал фонарем потолок зала, но до вершины его луч не добивал. Надписи были до самых краев границы света и, возможно, шли и дальше. Ему надоело лежать, и он в сопровождении трех бойцов побрел по поляне вдоль стены, рассматривая, что тут еще есть. Ему было невероятно скучно, и он уже хотел выбраться, его не давили стены, но какое-то внутреннее волнение у него присутствовало. Они тут уже около пяти часов были, уже хотелось есть, еда, конечно, была, но принять ее не представлялось возможности. Сэм ему, можно сказать, приказал не снимать, не открывать маску, даже когда тот предложил ему вернуться к входу в туннель, то Сэм ему запретил. Он обошел практически весь зал по кругу, но ничего интересного не обнаружил. И, отойдя от стены, он направился к центру, на наладоннике отражались контуры зала, совершенно ровного квадрата, а вот центр не был исследован, и он, двигаясь со своей свитой, брел туда. По радиации разговаривали Гриша и какой-то ученый, с кем связали их, и, видно, диалог у них задался. Сэм перебил их и приказал всем бойцам перейти на другую частоту, указав ее. Он также молча повиновался и брел дальше в центр. Бойцы по парам разбились и стояли возле стен с полной изготовкой оружия. Светя фонарем в разные стороны, он дошел почти до середины зала, все те же растения росли под ногами, и, осмотрев все по сторонам, он

направился дальше. И, пройдя от одного края до другого по центру, он уже шел к выходу. Вторая группа уже спускалась к озеру, и он решил поплыть с ними. Сэм и остальной отряд остались контролировать периметр, и он в сопровождении свиты шел к порту. Как раз пока он дойдет, то его уже будут ждать там. Как же ему уже все это надоело, он такого давно не испытывал. И зачем он это все сам же затеял? Сидел бы у себя в кабинете, попивал бы виски да и спал бы с секретаршей во время обеда. Нет же, поперся в Антарктику и еще и сюда. Шел и пинал мелкие камешки, которые изредка встречались под его ногами. Если бы не старик и Люси, он бы точно Сэму поручил бы это все занятие, а нет же – сам поперся. Проследи, говорили они, вдруг что случится. Да что случится? Гонку выиграл, денег собрали почти пятьсот миллиардов чистой их прибыли. Всем отстегнули, кто крышевал их занятие. Хотя хорошо, что Люси поехала заниматься этим, она лучше умеет считать. Он там точно мало что сможет сделать, ему больше с вояками по горам лазить, а не бизнесом заниматься. Хотя, когда он в главном офисе, он прям такой весь из себя важный, хотя, по сути, ему отдали главный кабинет, чтобы снизить нагрузку на старика. С этими мыслями он шагал и, поглядывая на потолок, видел только серый камень, на нем тоже было несколько надписей наверху, он несколько их различил, пока шел. Его уже ждали, как он дошел, сел в одну из лодок, его свита распределилась по остальным, и пять лодок одной линией стартовали. Он сидел возле самого носа и спокойно наблюдал, как бойцы сосредоточенно всматривались вдаль, держа на прицеле темную пустоту. Пистолет ему мешал, и он снял его вместе с несколькими обоймами, кинул себе под ноги. Командир этой группы был Дик, он его видел несколько раз на базе, здоровый парень и, даже сказать, очень неглупый. Он сидел возле него с каменным выражением лица, он единственный, кто не затемнил свой шлем. Он смотрел на него и, моргая ресницами, не заметил ни разу, чтобы тот моргнул. Словно статуя перед ним стояла. Они плыли несколько часов, казалось, что нет конца и края этому озеру. Дик, прислушиваясь к рации, не терял сигнал с остальными группами. Он сюда вместо одной группы взял почти всех с базы, оставив нескольких человек, чтобы были в связной рубке. На остальных базах уже никого не было из всего континента, все собрались на той, от которой было ближе, ее называли между собой они Арка. За то, что она с вертолета напоминала арку или подкову. Но подкова не прижилась, а вот арка как-то зашла между военными. Он был на первой базе руководителем службы охраны. И он помнил даже то время, когда юный мальчик выигрывал гонку, он даже поставил на него в шутку, что он пройдет гонку первым, на все этапы и собрал очень приличную сумму. Ему спокойно хватило бы этих денег на всю жизнь. Но он почти и отошел от службы, когда случайно узнал у своего товарища, что таинственный участник будет участвовать. Он, недолго думая, позвонил Сэму, с которым они были еще те пьянчуги. И он его устроил с легкостью главным на первом этапе. И когда он увидел фигуру того паренька и как он искалечен после десяти лет безывестности, то обратился к Сэму за помощью. И как он удивился, что Сэм ему сказал по большому секрету, что это он и есть и что сам господин Рерих обязал его следить за его безопасностью, насколько это возможно. И когда он выиграл, конечно, был рад, но на этот раз он ставить не стал, денег ему хватало своих, а к деньгам он всегда легко относился. Теперь же они направлялись куда-то на лодке и, вооружившись, как на небольшую войну, плыли по совершенно необитаемому пространству. Из темноты фонари высветили стену, они подплыли к ней и увидели, что эта стена уже отличается от каменистой, она была металлической. Но она была шершавая и с выпуклостями. Он командовал жестом быть наготове и, придерживая рацию одной рукой, а другой держа оружие наготове, командовал: «Это Дик, группе наверху перекрыть выход из туннеля, заминировать его и при непонятном движении в начале туннеля взорвать выход. Как поняли меня?» – «Вас поняли». Несколько бойцов соскользнули в туннель и установили датчики движения и вверху туннеля установили мощные заряды, внедрив их глубоко в камень. Рерих не вникал в его распоряжения, он знал и по слухам, и по делу, что если так поступает Дик, то, значит, это верный выбор.

Это с Сэмом он мог поспорить, но с этим лучше молчать, ему, в принципе, всегда было поровну на то, что Рерих его начальник. И когда они первый раз увиделись, он ему и заявил, что будет делать то, что считает нужным и безопасным, и что на базе все его подчиненные независимо от регалий вне ее. Он поначалу возмутился и хотел было его выгнать, но старик, когда узнал, что Дик будет командовать, с радостью одобрил его кандидатуру. А с ним он ссориться не хотел, а то мигом лишит наследства, а надо потерпеть немного, и он потерпит. Даже и оспаривать не будет, что Люси займет главенство, главное, ему несколько миллиардов пусть даст, и он оторвется по полной. А сейчас же роль учтивого сына играть приходилось. Дик, осматривая стену, что-то его пугало, легкая дрожь пробежала по телу. И после того, что он сказал, он раздумывал и оценивал риски. Он ввел координаты этого места и направился назад. «Сэм, сворачивайся и уходи с зала». – «Что случилось, Дик?» – «Ничего, не задавай вопросов, уводи людей быстрее, и не шумите, оружие все поставьте на предохранители». Сэм раздал приказы, сообщение слышали два гостя, и они уже подходили к выходу из зала, засняв все, что видели, на камеру. С десятка лодок направилось к выходу, они двигались молча и старались не шуметь двигателями. Дик был очень напряжен и посматривал в сторону, где увидел металлическую стену. Он сделал, конечно, несколько снимков напоследок. Группа сверху сняла датчики и отключила активность мин. По одному бойцы стали подниматься. Они быстро разобрали лодки, не издавая ни единого звука. Все датчики, которые установили, группы забрали с собой. Гриша поднялся одним из первых, и вскоре все без исключения вышли из туннеля. Сэм и Дик вместе поднялись последними. Когда вышли на свет, Дик был белый и его руки тряслись от страха. Сэм его видел впервые таким. Группы бойцов молча смотрели на него, не понимая, почему они так быстро и тихо ушли с пещеры. Он сидел молча на коробке от пулеметов и иногда посматривал на пещеру, словно ждал кого-то оттуда. Гриша через несколько минут подсел к нему и тихо произнес: «Ты тоже это почувствовал?» – «Не знаю, что я почувствовал, но я испугался очень сильно, я так во время бомбежки не боялся, когда в нескольких метрах от меня снаряды разрывались, как там». – «Надо вернуться туда», – произнес Гриша, смотря ему прямо в глаза через растемненный шлем. Дик пожал плечами и, собравшись с духом, сказал: «Только если все подготовим удачно, и надо сюда несколько групп спецов привести. И тщательно подготовить группы и заодно, может, изучать надписи на стенах. Просто мы можем что-то жуткое выпустить, как двадцать лет назад». – «Я знаю и поэтому не спорю с тобой. Остальные тоже понимают это, и поэтому все молчат и ждут решения. Даже Рерих и Ричард не шутят, а молча стоят и смотрят на тебя. Они летели назад на вертолетах, забрав все без остатка и оставив несколько датчиков движения следить за входом». Дик после своего молчания, когда уже садились на базу, подошел к Сэму: «Нам надо сюда спецов, ты же понимаешь меня?» Сэм кивнул головой и сосредоточенно думал. Вертолеты сели, и они направлись в ангары. Гриша по дороге рассказал, что когда он бродил тут, по окрестностям, то видел похожую, но подробностей он уже не помнил. Сэм и Дик начали примерно прикидывать, что если они затронут одну точку и даже если там кто-то и будет, то в остальных пещерах могут быть такие же. Надо все исследовать и узнать и на крайний случай поставить группы, чтобы были готовы. Но все конкретно надо изучить. Рерих сообщил отцу, и тот не сомневаясь принял верное решение. По старой карте навигатора они просматривали координаты участков, куда им надо слетать. Несколько групп отправили с единственной целью: зайти и посмотреть, не шуметь, никак себя не раскрывать. Вести себя так, как будто там есть враг, и ждать везде нападения. Парни были понятливые и выполнили все приказы. Спустя неделю перекрывавшие сектор корабли пополнились новыми, более современными. Несколько спутников, вооруженных новейшими лазерными установками, следили за материком. Их с большой неохотой выделила одна северная страна. Остальные хвастались своим вооружением, но оно было неэффективным для поставленной цели. Гриша шел по набережной, темные очки закрывали пол-лица. Позади него был небольшой мешок,

завязанный у самого верха, и по бокам свисали две лямки, привязанные к краям мешка, внутри которого был его очередной трофеей. После нескольких чуть ли не смертельных этапов он вспомнил практически все. Он знал, что там, где-то внизу в ресторане, его ждет мама, которую он не мог вспомнить. И что встреча с Джорджем его очень радовала, сейчас же он очень занят и не смог вместе с ним прийти в тот маленький ресторанчик. Он вошел в ресторан, и к нему подошла рыжеволосая красивая девушка. «Здравствуйте, хотите у нас отобедать?» Гриша кивнул головой, молча прошел в зал и двинулся к внутреннему дворику. Девушка попыталась его задержать. Но вид этого человека ее пугал, и она пошла быстрым шагом на кухню за поваром Бари. Гриша пришел во дворик и подошел к пальме, где стояла статуя малознакомого человека. Но он знал и видел фото его, где его мама и он были с ним. Но его он не мог вспомнить, лишь обрывки какие-то всплывали. Рядом со статуей стоял стол, на котором под стеклом была награда его. Он посмотрел на нее, снял свой мешок и не спеша стал распутывать лямки. Девушка с большим мужчиной появилась в проходе, и они направились к нему. И в тот момент, когда Бари уже открыл было рот, увидел край лица этого человека. Он молча посмотрел и, взяв девушку за руку, отвел ее в сторонку. «Госпожу Лизу быстро сюда позови, это срочно». Девушка непонимающе посмотрела на него, но все же побежала в кабинет шеф-повара. Но ее не было там, и она высматривала ее на кухне и спрашивала официанток, где она. Они не знали, где она, только что была тут, но куда-то совсем недавно вышла. Она осмотрела зал, но нигде не было ее, и она быстрым шагом пошла во дворик, Бари стоял возле входа. Она, задумавшись, чуть не пролетела возле него, когда он ее ловко ухватил за талию. Она не поняла и, покраснев, смотрела на него испуганно и с содроганием. Тот улыбнулся, и по его щекам текли слезы, и он, не сумев сказать, показал ей пальцем в сторону того странного человека. Она повернула голову и увидела, как, стоя на коленях возле того человека, прижавшись к плечу, плакала ее хозяйка. Она непонимающе взглянула на Бари, но тот, уже сумев обуздать чувства, сказал: «Гриша вернулся», – и с облегчением выдохнул. Она сильно растерялась и, перекручивая обручальное кольцо на пальце, не понимала многого. Он, видя ее замешательство, отвел ее в сторонку и принес стакан воды. Она сидела на плетеном диванчике и пила воду большими и жадными глотками. Тушь растеклась по ее щеке, и она сама не заметила, как плакала. Лиза случайно увидела Бари, отлынивающего от работы, и пошла разобраться. И сделать втык, почему филе миньона он бросил делать. Она подошла к проходу во дворик, и он смотрел в сторону статуи, и по его розовым щекам текла слеза. Она сильно удивилась: чтобы он плакал – у него же нет вообще слез в организме. Она взглянула на причину слез и увидела, как человек со слегка опущенными плечами, опершись на чашку его сына, сидел на плитке и смотрел на статую ее мужа. Она возмутилась, и в тот миг, не осознавая, подошла к наглецу, который вытаскил его награду. Она быстрым шагом подошла и, хлопнув по плечу достаточно сильно, подбирая более каверзное слово, чтобы сказать человеку, какой тот наглец, увидела лицо. Он не спеша повернулся, и на нее смотрели два синих его глаза. Она упала на колени и, обняв его, упала ему на плечо, заплакала и прижалась к нему так сильно, что едва дышала. Рука отпустила трофей, и она с перекатами упала, он обнял ее и сказал: «Не плачь, я дома». Она так бы и стояла на коленях, но он встал и, подав ей руку, помог встать. Она не хотела вставать и говорила: «Я виновата, прости меня». Заливаясь горькими слезами. «Не за что извиняться». И продолжал ее утешать, ему было тяжело, он вспомнил все несколько дней назад и еще не до конца осознавал что правда, а что сон. Но ее лицо он помнил, когда она к нему приходила и он, глядя на ее заплаканное лицо, совершенно без эмоций смотрел. Но ей все эти годы было очень тяжело, она чуть не сошла с ума, когда он пропал, и если бы не Бари, то, вероятно, ее попытки суицида увенчались бы успехом. Он привел ее в чувство, надавав очень больно по щекам и оставив не один синяк на них, вбил в нее те капли тяги к жизни, которые сохранило ее измученное сердце. Он усадил ее за стол, и сам сел рядом с нею, поставив стул свой возле нее. Бари наблюдал всю картину с самого начала. И, убедившись что

оба в порядке, тряся большим пузом, пошел на кухню. В зале было занято, несколько столиков, на которые принесли несколько бутылок вина, и предложили свернуть вечер на сегодня. Гости обрадовались такому дорогому подарку и, не оплачивая счет, освободили зал. Он собственноручно закрыл дверь за последним и повесил табличку «Закрыто». И, раздавая приказы по кухне, ловко орудовал сам ножом и готовил лучшие блюда. Из зала вынесли несколько столов и поставили посреди дворика. Лиза не обращала внимания, даже не замечала того, что кто-то ходит рядом с ней. Тем временем гостеприимную встречу организовал Бари. Когда было все готово и все служащие стояли возле стола, он легонечко тронул обоих за плечи: «Мы вас ждем». Легкий тембр голоса, словно певец произнес строки из своей песни. Лиза с непониманием взглянула на него, Гриша уже поднялся и, держа маму за руку, отвел ее к уже приготовленному столу. Лиза, вытирая слезы, села возле сына и не отпускала его руку. Бари сел рядом, и остальные последовали его примеру. Наполненные вином бокалы звонко вздрогнули. «За удачное возвращение домой!» – скомандовал тост Бари. Лиза дрожащими руками взяла бокал и отпила от него несколько глотков, Гриша также немного отпил и хотел уже поставить. Но Бари обоих заставил выпить до самого дна. Раздался звон стекла в зале. Бари молча поднялся и, раскачивая громадными ручищами, пошел в зал. Он вернулся не один, рядом с ним шла милая девушка. Люси шагала рядом с Бари, у которого на щеке была отметина от ее ладони. Она вошла и испепелила всех своим взглядом, уничтожая всех милых девушек и женщин за столом. Только короткий взгляд Лизы немного ее затормозил, и она сбавила шаг, подошла к нему и встала за его спиной. На ее лице выступило недовольство и злость на него. Он не смотрел на нее, все молчали и даже не двигали приборами, все ждали, что же произойдет. «Сядь рядом», – нарушил тишину ровный голос Гриши. Она, словно не отдавая себе отчет, села рядом и перебирала пальцами скатерть стола. Бари сел на другой стул, потирая щеку от удара, которая горела, словно огнем прижгли. Лиза, улыбнувшись в первый раз и смотря на Гришу, как тот, повернув лицо на свою маму, все же глаза не сводил с вошедшей девушки. Она видела ее однажды, когда она приезжала за ней, забрала с работы и отвезла, не объяснив ни слова куда и зачем, но сумев расположить к себе. «Может, свадьбу сделаем?» – раздалось вопросительное напутствие из уст Лизы. Гриша встал, и вот было зародившиеся возгласы стихли. Он посмотрел на Люси, окинул взглядом Лизу, Кэтрин тоже не осталась без его взгляда, с которой они друг друга поняли сразу, и оба едва заметно сделали один и тот же жест, едва улыбнувшись краешком губ. «Значит, женюсь», – прозвучал как гром среди ясного неба. Люси с гневом пылала, который едва сдерживала в себе; если бы не Лиза, которая своей уверенностью словно вдавливала ее в стенку, то она бы точно бутылку разбила этому нахалу об голову, так он ее бесил. Через пару дней они поженились, и в честь медового месяца они полетели в Антарктиду. Она была в бешенстве, кидалась в него всем, что было под рукой, но, устав от этого занятия, молча полетела с ним, не разговаривая весь полет. Гриша с издевкой тоже молчал, смотря, как она изводится и хочет, чтобы перед нею он извинился. Но она не дождалась этого от него, и это еще сильнее бесило. Вертолет их доставил с водной гавани на главную базу, которой дали название «Лазарь». Вся территория была усыпана различными боевыми машинами и людьми, которые словно готовились к войне. Сэм встретил их у входа в ангар и, пожав руку Грише, сказал: «Поздравляю тебя. И вас, госпожа Лиза». Лиза молча прошла в номер и закрылась в нем. «Брак будет у вас крепкий, по себе знаю», улыбался Сэм своими не очень ровными зубами. Хотя его улыбка была слегка чудовищной, напоминала хищный оскал. «Когда выдвигаемся?» – «Твое участие надо согласовать. Идут только те, кто готов и обучен». Гриша промолчал и, дойдя с ним до своего номера, попытался открыть его, но дверь была закрыта. Сэм, видя это, обнял его за плечо и повел за собой. Они дошли до зала, в котором несколько человек сидели за столом и что-то напряженно обсуждали. Он сел в сторонке и молча слушал, что они говорят между собой. Дик громко кричал на того, что сидел слева от него, и клялся набить тому морду, если он не даст им какое-то вооружение.

Тот, хрипя сорванным голосом, утверждал, что в туннелях, если он пальнет из него, то рухнет все к чертям. «Я тебе говорю, чертов идиот, дай мне «пугач». – «Не дам я тебе его, ты все к чертям взорвешь». – «Я тебе сейчас морду набью, долбаный старый индюк». – Я не старый, я взрослый, это ты как ребенок себя ведешь!» В разговор вмешался третий, и они оба затихли. ««Пугач» будет на входе в туннель и несколько агрегатов, при малейшем сомнении будет завален туннель. Остальные моменты мы уже согласовали. Сэм, кого ты привел?» – «Да его жена не пускает в номер, – еле сдерживая смех, сказал Сэм. – Они женаты два дня, а она уже его не пускает», – Заливаясь смехом и держась за живот, смеялся Сэм. Тесная компания подхватила его смех, и все сидящие за столом поддержали его. Гриша молча сидел и не обижался на них, понимал, что это анекдот уже. Он смотрел на них, и у всех смеявшихся смех был жутковатый, было немного неприятно сидеть рядом с ними. Пара бойцов, стоящих возле двери, не повела ни краем мышцы на лице, а сосредоточенно стояли на посту, удерживая палец на спусковом курке. ««Белое облако» с нами?» – поинтересовался, вытирая слезы с глаз, худощавый и низкого роста человек в военной форме. «Да», – ответил Дик, и кивнул Сэм. «С какой группой он пойдет?» – «С твоей пойдет», – сказал Дик. «Все согласны?» Молчание сопровождало его вопрос. «Меня зовут «Соболь». Завтра в шесть ноль-ноль мы выдвигаемся». – «Куда?» – поинтересовался Гриша. «Тебе знакома та гора, идем туда же». – «Мои какие функции?» – «Стрелять туда, куда мы будем стрелять». Гриша качнул головой. «Дроздов, сюда бегом!» – раздался его громогласный голос. Один из стоящих у двери бойцов подошел к нему. «Григория снарядить и укомплектовать». Боец молча выслушал и повернул голову к Грише. Он встал и молча последовал за ним. «Много народа». – «Народу нет, только специалисты», – холодно и дерзко ответил Дроздов. «Так много?» – «Несколько тысяч». – «А несколько – это сколько?» – «Приказ был укомплектовать, а не вести беседы о численности союзников». Гриша молча дошел до зала, где когда-то он давал интервью, и вошел в него. Посреди него лежали в мешках люди, некоторые спали, одни перебирали оружие и заряжали магазины. Никто не обратил внимания на вошедших. Дроздов подошел к горе оружия, которое было расставлено вдоль стены и, кинув короткий взгляд на своего нового бойца, спросил: – «Рука не рабочая?» – «Нет». Отошел в сторону, где были закрытые контейнеры. Сидевший рядом боец посмотрел на него и что-то сказал на непонятном языке. Дроздов посмотрел на него. «Рот заткни, щенок», – вылетела, словно пуля, из его рта. Сидевший до этого момента встал и направился в сторону от Дроздова. «Что он сказал?» – спросил Гриша. «На кой берем калеку с собой». – «Ну да все верно сказал» – невозмутимо посмотрел на него Гриша, не поведя ни единой мышцей от недовольства. Дроздов внимательно посмотрел на лицо и улыбнулся. И, сняв перчатку, показал свою левую кисть, которая была искусственной. «Я тоже калека». Гриша почувствовал, что надо подшутить над ним, и сказал: «Здорово, откроем кружок для калек». С серьезным видом заявил, но в глазах отразилось, что он глубоко в душе смеялся уже. Дроздов внимательно посмотрел и что-то сказал на непонятном языке достаточно громко. Окружающие люди застучали прикладами по полу и что-то произнесли. Гул так же скоро затих, как и начался, и совершенно не выдавало людей, которые каждый занимался своим делом, что секунду назад они что-то делали сообща. «Что это значит?» – поинтересовался Гриша. «Тебя приняли», – сухо произнес Дроздов и стал копать в открытом контейнере. Спустя несколько минут к нему подошел другой боец и что-то снова произнес на непонятном языке. Дроздов кивнул в знак согласия и закрыл контейнер, взял из рядом лежащей кучи пистолет. «Держи. Патронов не бери много, они все равно бесполезны, если встретим кого сильного». Гриша взял пистолет, отщёлкнул в нём заряженную обойму и, осмотрев рядом стоящие цинки, увидел нужное обозначение и сел возле его. Дроздов внимательно наблюдал за его действиями, как Гриша умеючи щёлкал патроны в цинк с патронами от пистолета. И стал разглядывать остальные, держа обойму в руке, а пистолет, торчащий из повязки. ОТПП сел возле этого цинка и стал защелкивать патроны в магазин, лихо управляясь с патронами. Снарядив один

магазин, он вставил его и передернул затвор, вылетела пуля из него обычного калибра. Он ее ловко поймал той же рукой, что и держал пистолет, и положил в нагрудный карман. И, передернув затвор, зарядил ствол, поставил на предохранитель и в тот же магазин дозарядил еще один патрон. Положил пистолет во внутреннюю часть повязки. Подошел к столу, взял с него несколько обойм и, присев на корточки возле цинка, за несколько секунд быстрыми движениями накидал в магазин патронов. Так зарядив все магазины, положил их в повязку. И подошел к Дроздову, который не сводил с его движений взгляд. «Надо амуницию мне и костюм, но не защитный, я не смогу в нем долго двигаться». Дроздов ненадолго отошел, Гриша, не теряя времени, снял с себя рубашку и джинсы и остался в одних трусах. К нему подошел Дроздов и принес легкий комбинезон наподобие гоночного, только серого цвета. Дроздов смотрел на него, как он перебитые ноги вставил в штанины. Как, не снимая повязки, нацепил на тело, продел руку и скрыл сквозной шрам в груди в районе легкого. Как только сейчас заметил, как его лицо было аккуратно сшито в районе лба, в который, вероятно, была вставлена пластина. Как он переместил едва заметным и резким движением пистолет и обоймы в карман, оставляя их в быстрейшей доступности к своей руке. Как повязка, скрывавшая его рану, была снята, и увидел, что в районе сустава там был громадный шрам и что рука его совершенно высохла. Он справился сам со своим камуфляжем и, тут же высмотрев бронежилеты, не выбирая взял тот, который он бы и сам посоветовал ему. Чуть выше пояса прицепил кобуру с небольшой разгрузкой, куда засунул все магазины. Снова надел повязку, но уже на протетую в комбинезон руку. И, не найдя то, что ищет, сказал: «Гранату дай одну». Дроздов уже держал в руке гранату за спиной, именно ту, которая была нужна ему. Он протянул ее ему, и он положил под бронежилет как раз с подручной стороны, что мог сразу дотянуться до нее. Дроздов уже заметил, что ему не хватает одного инструмента, но он был сильно удивлен, когда под повязкой увидел рукоять ножа. Когда же он успел взять его, он даже не заметил этого движения. «Все, мне хватит». Дроздов молчал, конечно, он был слегка озадачен. Но он бы не издавал удивления, если бы это был ветеран его подразделения. Но чтобы гражданский так снарядил сам себя и что, главное, быстро и почти без ошибок. Хотя эти ошибки ссылались на его травму, и если по старой школе, то он на отлично себя укомплектовал. Гриша направился к себе в номер, где дверь была до сих пор закрыта. Он постучал в нее, но в ответ не услышал ни слова. И сел возле двери, поджал ноги под себя и, склонив голову, закрыл глаза. «Соболь» сидел на корме лодки и, освещая фонарем стену, держал в руке автомат. Множество иероглифов неизвестного языка было нанесено на стену. Двигаясь от самого края стены, они медленно продвигались вдоль нее, осматривая глухую стену и не сводя стволов автоматов с неё. Основной состав группы двигался на удалении и враспыленную во избежание уничтожения отряда одним залпом. У многих участников было схожее ощущение ужаса при виде этого объекта. Что-то пугало этих опытных людей, которые бесстрашно встречали свою смерть множество раз. Гриша был в лодке с не известными ему бойцами, которая была одна из крайних небольшой флотилии. Фонарь горел только в руке командира группы, остальные плыли, ориентируясь на его фонарь, тишину разбавляло журчание воды от неслышных электрических моторов. Прошло уже несколько часов, как их группа вошла в пирамиду, остальные группы одновременно вошли, и пока что большинство из них нашло такие стены. Гриша едва заметил огонек, который, словно блик в глазах от яркого света, пробежал по стене. Он подумал, что ему показалось, но заметил, как его товарищи по лодке стали еще внимательнее смотреть на небольшой луч света от фонаря. Блики стали усиливаться и уже с завидной регулярностью проносились по стене. Командир группы все так же невозмутимо осматривал корпус, словно не замечая, что стена начала оживать. Гриша достал пистолет из кобуры и крепко зажал в руке, покрываясь каплями холодного пота на лице. Огоньки стали еще сильнее усиливаться, уже четко различимые, мигающие синим цветом, они переливались по корпусу, с каждым разом все насыщаясь сильнее. Что-то громко щелкнуло,

и сверху упало несколько камней. Гриша, бросив взгляд вверх, увидел, как с потолка пещеры на него смотрят, словно глаза, красные огоньки. «Соболь» упал на бок лодки, и его фонарь перекрутился вверху и упал на дно лодки, после чего вспыхнула вспышка и раздался звук, похожий на пульсирование сердца. Раздался грохот автоматных очередей, все стреляли вверх и старались попасть по огонькам, которые уже двигались по потолку где-то высоко, куда лучи фонарей не доходили. Несколько светящихся огней полетели высоко вверх и, взорвавшись ярким огнем, открыли вид. Блестящие механизмы, словно стая рыбок, передвигалась поверху, и после подсветки их они стали плавно спускаться и все так же бесшумно атаковали всех тех, кто был внизу. Яркая вспышка закрыла его обзор, и он куда-то летел вверх, не успев до конца рассмотреть, кто на него напал. Удар пришелся в голову и в неработающее плечо, кровь залило лицо, и он почти без сознания упал в воду, скрылся в ней. Он уходил ко дну, с трудом сняв с себя бронезилет и скинув весь боекомплект, оставил себе только пистолет. С трудом у него получилось всплыть, вода словно стала заметно плотнее, и каждое движение давалось с трудом. Барахтаясь ногами и гребя одной рукой, он через несколько минут выбрался наверх. Кругом было темно, со стороны туннеля раздавались выстрелы и взрывы, заглушая его сердцебиение. Осмотревшись, увидел, что стена горела синим свечением, но не освещала воду и окружающее пространство. Кругом плавало множество трупов, которые по неизвестной причине не погрузились в воду. Не издавая лишних движений и опасаясь, что его пронзит неизвестный луч, он медленными движениями плыл к выходу. Осматривая периодически потолок и останавливаясь передохнуть, он отпустил пистолет, который потерялся в водной глубине. Несколько сот бойцов было уничтожено за несколько секунд. Что произошло конкретно, он не мог понять, сейчас ему хотелось выбраться отсюда и добраться до своей Люси. Выбившись из сил, он все же доплыл до подъема, и глаза, отвыкшие от света, увидели вверху яркий луч света. Тросы все так же были натянуты и, прицепившись к одному из них, двигатель в подъемнике зажужжал, и он стал подниматься, помогая ногами и руками. Туннель почти не был тронут, лишь незначительные сколы от пуль были на стенах. Возле самого подъема он подобрал фонарь, который светил на него сверху, и, снизив мощность, стал взбираться наверх по обломкам от стен, которые от выше разрушенных стен загромождали проход, и, уже отсоединив трос, он карабкался по этим развалинам. Рука с трудом хваталась за выступы, и, переставляя ноги, взбираясь, его силы закончились на том участке, где буквально метров двадцать было до верха. Сидя на обломках камней, глубоко дыша и пытаясь сообразить, что ему делать наверху, примерно понимая, что его там ждет. Но как так вышло: их отряд разбили так быстро, и он один живой, хотя, может, кто-то и был жив, но он не в том состоянии, чтобы искать уцелевших. Засохшая кровь стягивала кожу, одно веко было полностью залеплено ею. Снять шлем он не пытался, не имея под рукой аптечки и прочего, только в рану мог занести бактерий опасных. К тому же герметичность системы была стабильной и слабости от потери сильной не было. Отдышавшись, он начал подъем наверх, возле самого верха он с трудом выбрался через маленький проход из камней, которые нападали сверху большими блоками и создали некое подобие туннеля среди своих фигур. Тишина так давила и возвращала его в те воспоминания, когда он лежал полумертвый и по неизвестной причине смог выжить. Сейчас же он брел, держась рукой за стену и выключив фонарь, выбирался наружу. Иногда ощущая под ногами остатки тел, он обходил или проходил прямо по ним. Понимая, что увиденное им никак не придаст ему сил на выживание. На полу ощущалось что-то липкое, когда он наступал и, отрывая ноги, шагал. Добравшись до выхода из туннеля, стоял возле прохода и смотрел, как в лунном свете отражались разбитые корпуса орудий. Немного осмотрев весь этот вид, укутанный в тени, он зашел в проход и, сев на корточки, склонил голову и закрыл глаза. Первые лучи осветили проход, и, всматриваясь вниз, он увидел густые коричневые лужицы крови, которыми был залит весь пол. Он с трудом поднялся, жутко хотелось есть, пить и спать. На площадке было все усеяно разорванными телами, словно их разорвали напополам –

такая картина, у него все желание перебило, и, осматривая тела, он не нашел ни одного оружия, которое могло работать. Подойдя к краю площадки, внизу виднелись остовы разбитых вертолетов. Подняв рацию, которая была вся залеплена массой из внутренностей вперемешку с кровью, он оттер ее пальцами и пытался связаться, но сигнала как такового не было. Сел на камень возле входа и словно замер. Солнце уже высоко поднялось и открыло картину, всецело трагичную. Множество тел, разбросанных по склонам горы, лежали и наверху, и внизу. Мощные попадания неведомого оружия выжгли в них огромные отверстия. Они застыли на своем месте, где так ожидали своих товарищей. Судя по всему, как он и вспоминал, все было так, что от нападения на их отряд и на охрану входа прошло очень мало времени. Но, судя по стенам пещеры, когда он подымался, то «Пугач» сработал дважды, но остатков от тел тех машин не было. То, что это были машины, он словно предчувствовал. Даже в голове у него зародились мысли, что было два вида солдат у неведомого врага. Но надо двигаться на базу и надеяться, что она жива. Отчасти он разгадал, почему на него не напали: плохое вооружение и его слабая боеготовность были налицо, что даже люди замечали. Те машины явно были не глупее людей, определив, кто был противником, и устранили всех опасных. Собрав съестные припасы, которые были в незначительном количестве взяты бойцами, он сложил их в распоротый комбинезон погибшего и соорудил что-то наподобие вещевого мешка. Надел его на спину и стал спускаться вниз, осматривать рану он не стал, смысла в этом он не видел. Порвало кожу от удара, да и что? Заживет, все равно он не видит ее. Острые выступы склона сильно мешали его движениям. Веревки и прочего не было, можно было взять трос с туннеля, но о нем он и позабыл совсем. Только скорейшее возвращение на базу было для него важно, а до нее было несколько сот километров. Возле самого спуска, глядя на солнце, которое уже стремилось скрыться, он всматривался в безжизненную пустыню. Темно-серый камень, лежащий почти на черном песке, и лишь изредка встречающиеся белые ледяные глыбы, которые выпирали, как буи, среди морского побережья. Шагая в полной темноте, слегка освещая себе путь фонарем, он не боялся, что на него кто-то нападет или он провалится под грунт. Настолько безразличие его одурманило, что он шел, только чтобы дальше уйти от того проклятого места. Темнота скрывает все, наступила непроглядная, которая не давала ни звездного блеска в небе, ни очертания луны. Только совершенный мрак давил со всех сторон и не проносился ни единый звук. Только его стучащее сердце и хруст камешков под ногами. Сил было не очень много, но он прошел до самого утра и с первыми лучами света решил найти себе место, где он, подобно ящерице, сможет нагреться на солнце. Рассчитав в уме потребление батареи и костюма, решил, что ему надо двигаться ночью, а днем на солнце спать. Этот расчет ему дался без труда, часть его мышления возвращалась к нему. Но не все, в двух днях пути восточнее была база, на которую не отправляли участников, а она была ранее охраняемой. Там создавали нелюдей для гонок, и ему Дик рассказывал, что там, в резервации, есть много чего интересного. Но он это напрочь позабыл и шел согласно координатам по солнцу, стараясь найти Лазаревскую полосу сопки. Но, не забывая себя расчетами, решил дойти до этих сопки и только тогда разбираться, куда ему дальше идти. Сейчас вымерять градусы у него не получилось бы, а это только сильнее утомит, и мозг будет требовать энергии за свои затраты. Организм словно включился в режим экономии, поглощая в сутки чуть меньше батончика, он каждый раз, откусив кусок, не жуя его, давал ему раствориться во рту и заедал его громадным количеством снега. Наделав множество снежков, он шел и закусывал ими, не обращая внимания, что они сильно его остужали. Так он провел первую ночь, за которую все вопросы о питании и продвижении вычислил и создал для себя в голове табу: что делать и как себя вести. Темный песок хорошо притягивал свет, и, лежа на песке, немного насыпав на себя крупиц его на комбинезон, он прогревался очень хорошо. Благо что в этот день не было пасмурно, и солнце, всегда отличавшееся своей знойностью в Антарктиде, в эти дни не менее прекрасно светило. Шагая вновь по пустошам, ему открывались виды, которые он не замечал, когда

управлял машиной. Тут же было множество диковин, которые он только сейчас заметил. Камни, которые ничем удивительным не отличались, на первый взгляд, были очень легкими, он подымал их и подкидывая кистью, они, словно пушинки, не спеша возвращались в ладонь. Они, конечно, были не все такие, но несколько камешков таких ему встречалось. Он не взял их с собой, они были хоть легкие, но каждый грамм груза был в тягость для его тела. Он не имел с собой ничего, кроме еды и одежды, даже рацию, которая в нетронутном состоянии была, оставил на одном из камней возле скалы. Самым трудным было не сбиться ночью, но, хорошо контролируя свою координацию, он если и смещался немного от курса, то это несильно увеличивало его километраж. Прошло несколько дней, силы, конечно, угасали, но не так быстро, как ему думалось в первые часы его движения. Помогал и рельеф, который не был сильно пересеченным, а только мешало, что ноги по щиколотку погружались в песок. Ночью особо было хорошо идти, песок превращался в слой земли, затвердевая от холода, который достаточно сильно чувствовался, и по замерам на базе доходило до минус тридцати двух. Днем было все намного лучше в плане температуры, но зато движение было труднее, особенно во второй половине дня, когда, не замечая талости от покрытого сверху песком льда и снега, он проваливался в него. Хорошо, что больших провалов не было на его пути, максимум он провалился по пояс, но сразу же выбрался наружу. На третий день его пути перед ним утром предстал горный хребет, который плавно возвышался над горизонтом. К обеду он увидел общие очертания скал, которые, как лес в джунглях, непроглядной стеной уходили вверх. Они были расположены намного ниже равнины, и, стоя на вершине, ему надо было спуститься вниз и взбираться на множество вершин. Смотря вдаль, он не увидел их конца и края, стена из них сильно изменила его путь. Сидя на склоне и смотря сверху вниз на начало его пути, он сильно не хотел такого испытания. Сейчас он вспомнил о рассказе Дика и, больно укусив себя за губу, выругался про себя. Назад возвращаться он не хотел, да и не в его стиле было оставлять проделанный путь ранее. Надо двигаться вперед, что бы это ни стоило ему. Но как же не хотелось взбираться по этим выступам и мини-горам. Он и со здоровой рукой не любил эти горные походы. А сейчас, глянув на повязку, в которой лежала безжизненная рука, он точно не сможет взобраться на крутой склон. Но те, что он видел, спуски и подъемы не были такими сложными на первый взгляд. Каньон с цепью горных хребтов тянулся на многие километры по сторонам. Доедая в это время батончик и окончив размышления, затемнил шлем и направился к подножью горы. Аккуратно спустившись вниз, он стал взбираться наверх, подъем не был сильно тяжелым, но сил отнимал намного больше, чем ходьба даже по песку. Первые две вершины дались очень просто, и, расположившись на второй, он лег на большой камень и, насладившись солнечными лучами, согревшись, закрыл глаза. Несколько звезд светили над ним высоко в небе, когда он открыл глаза. Осмотревшись, увидел, что вместо гор не выросла равнина, которую он пожелал себе, когда ложился спать. Темнота окружающего мира озарялась маленькими надеждами на завершение этого жестокого испытания, которые ему жизнь с завидной регулярностью преподносит. Сидя на камне, который уже не давал тепла его телу, он смотрел на две звезды, которые изредка скрывались небольшими тучками. Включив фонарик, который слабым белым светом освещал буквально на пару метров его путь вперед, он стал спускаться, аккуратно смотря, куда ставит ноги, и цепляясь одной рукой за каменистые выступы, погружавшиеся в темноту. Расщелины каньона шли глубоко в недра, он, не опускаясь до самого дна, перепрыгивал на другой край и полз вверх. Сейчас сильно сожалел, что не взял из уничтоженного отряда себе что-то наподобие трости. Она ему сильно нужна была на склонах, по которым можно было идти, но, чтобы не нагружать сильно ноги, можно было пользоваться ею как неплохим крюком. Мелкие камешки падали вниз, и некоторые крупницы падали сверху, когда он, не видя, за что берется, брался за участки некрепкой породы. Фонарь, закрепленный на голове, неплохо справлялся со своей задачей, батареей его хватало с лихвой, также имелся их запас, который он сложил себе в повязку. Сильно

мешала ему импровизированная сумка, которая перемещалась по всему корпусу тела. Она то срывалась с плеча и блокировала здоровую руку, то, напротив, почти спадала вниз. Закрепить ее лучше у него не вышло, одна рука и так творила чудеса в данные дни его странствий. После нескольких дней он выбился из сил, с трудом дождался утра и, решив передохнуть, как только совершит еще одно восхождение, проспит не меньше того времени, как его тело не замерзнет в край. Аккуратно спустившись, он встал на край камня и, заметив себе участок, на который можно было приземлиться, решил прыгнуть. Оттолкнувшись двумя ногами, он пролетел пару метров и встал на грунт, который от его приземления скинул вниз несколько камешков. Они звонко застучали и упали глубоко вниз, в расщелину. Напрягая мышцы руки, он ухватился за край острого камня и подтянулся на нем, на мгновение переключив вес тела на него. Он треснул, и, на мгновение потеряв равновесие, парень не сумел отбалансировать второй рукой. Первая рука не успела разжать глыбу, он опрокинулся на спину, и, падая в пустоту, шлем с треском ударился о тот камень, где он ранее стоял. Сильная боль пронзила все тело, мышцы обмякли, но, не теряя сознание, но не контролируя свое тело, он падал вниз, ударяясь о склоны. Голова, словно молот, билась во все стороны, кровь из открывшейся на голове раны снова залила его глаза, и он не видел, куда он несется вниз. Падение вроде прекратилось, которое, по его ощущениям, продолжалось вечность, он не смог подняться, а закрыв глаза, пытался отключиться. Но у него не выходило это, закрывая глаза, он чувствовал боль во всем теле и холод, который пронизывал его. Лежа на боку, он нащупал пальцами кнопку и открыл стекло, слыша, как капли крови стекают с его лица. Было кругом темно, с трудом повернув голову вбок, увидел, что где-то вдалеке блестит узкая полоска света. Опершись рукой, он немного приподнялся, сел, прислонился к чему-то твердому спиной и пытался сообразить, что ему сделать. Но капли крови слышными звуками стекали и капали с его лица. Находясь в кромешной темноте и не имея источника уже света, ему ничего не оставалось, как вытереть его перчаткой и взбираться выше вверх. Закрыв стеклом лицо, он стал взбираться вверх, ощупывая рукой выступы. Выступы с завидной частотой встречались на его пути, и уже спустя час он взобрался на то место, откуда он слетел вниз. Солнце все так же светило, он заставлял себя поспать, но у него не вышло, это организм отказывался отключаться. В боках болели ребра, но сломанных не было, он точно знал, что лишь сильные удары пришлись, в этот раз, слава всевышнему, его не поломало. На перчатку падали капли крови, которых он уже насчитал с десятков, надо что-то делать с головой. Из материи была только его повязка, его мешок для припасов не был пригоден для перевязки. Равносильно что кольчугой пытаться заделать пробоину в резиновой лодке. Снял повязку и стал стаскивать шлем с головы. От запекшейся крови он слез не сразу, еще после прошлых попыток он не снимал его. Не понимая, зачем он его снимет и что ему это даст, раз кровь остановилась так, и оставил нетронутым. Но в этот раз все с лихвой окупилось, залипшие раны на лбу кровоточили, словно их только что прорезали ножом. Внутренняя подкладка повязки была относительно чистой, но все же, не имея лучшей, он пытался завязать повязку на голове. Он провозился вплоть до темноты, но она не влияла на его перемотку, так как он все равно не видел, что делает. Пытавшись использовать стекло от шлема, он ничего не рассмотрел в нем. Но вот после нескольких десятков попыток он соорудил что-то вроде повязки на голове, которая не мешала, не давила сильно на голову и хорошо влезала под шлем. Организм все так же не слушался и не отключался на сон, ни звезд, ни луны не было видно. Он стал спускаться вниз, стараясь преодолеть хоть какое-то расстояние на своем пути, сидеть на месте и замерзать ему точно не хотелось. А уничтожить энергию на согревание тела бессмысленно, его расчетливость не позволяла. Несколько батарей, которые были в повязке, он, расстегнув комбинезон, спрятал в рукаве его нерабочей руки. Привязал руку к животу несколькими тесемками, которые остались от его повязки. Все было нелогично в его поступках, спускаясь в полной темноте, у него подъемы были лучше, чем когда он освещал себе путь, тело само руководило, забрав эту функцию у мозга. Инстинкты вели его

в путь, прошла ночь, он преодолел несколько хребтов и, освещаясь дневным светом, поглотив батончик, он все же надеялся поспать, но его тело отказывалось. Голова была и без того тяжелая и жутко болела, но сейчас он все сильнее испытывал то чувство, когда не можешь себе отдавать отчета в действиях. Днем он смог остановиться, только поглотив пищу, и продолжил днем свой путь. Так продолжалось еще трое суток, и, уже не заметив, когда он взобрался на вершину, увидел не очень ровную долину, уходящую далеко за горизонт. В то время когда он увидел этот вид, а время уже было вечернее, организм, словно электрический прибор при выключении из сети, отключился. И он упал без сознания на вершине этой горной сопки. После его отключения задул ветер, и мелькавшие в эти дни тучки обрушили огромный снежный пласт на всю эту громадную территорию, покрыв слоем снега не менее метра, а порой доходя до нескольких метров. Гриша, укрытый, словно в коконе, спал, его сама природа сохранила от темной и холодной арктической ночи. Сильный ветер бушевал снаружи, когда человеческая рука пробилась небольшой заледеневший слой снега. Гриша, разрывая себя из снега, почти ничего не видел, только белые полосы снега, которые со страшной скоростью сталкивались друг с другом, с трудом образуя огромные скопления, и падали вниз в виде снежных хлопьев, которые катились под действием ветра, рассыпались на крупы и снова же, подхваченные ветром, летели вверх и снова проходили тот же путь. Склон его спас, он, потеряв сознание, упал ниже гребня, и начавшийся снегопад скрыл его слоем снега, а подхватившая эти крупы снега метель сдула с него слой снега в сторону другой стороны склона, тем самым создав некое подобие крыши над его головой. Всмотревшись в небо и пытаясь разглядеть контур солнца, он не смог его увидеть. Сидеть на этом месте ему не хотелось, и, понимая, что он на склоне, стал перебирать в воспоминаниях, куда ему двигаться по последним его мгновениям, когда он видел окружающий мир. Оба склона были пологими, куда он взобрался, это точно он помнил. Но, не имея возможности знать, куда он упал, все же решил попробовать пойти вперед. Откопавшись из снега, он перевалил за навес и стал идти вперед, следы за ним не сразу, но пропадали. Ветер пытался пробиться за стекло, глубоко в шлем, но у него не выходило это действие. Особого спуска он не заметил и шел вперед, отсчитав примерно сотню шагов, он убедился, что идет по той равнине, которую увидел. И, держа прямо свой курс, погружаясь глубоко в снег и порой уподобляясь собаке, вставал на четвереньки и, прихрамывая на три конечности, двигался вперед. Силы терялись сильнее намного, чем даже в подъемы по этим причудливым расщелинам. Но двигаться надо было, идти, сильно изматывало ощущение, что он движется не в ту сторону, не имея возможности сравнить свой путь. Снег не был таким мягким, как ему казалось ранее, он был жесткий, словно песок, и, падая, крупы создавали под ногами подобие пустыни. Спать хотелось невероятно, превозмогая эти тягостные муки и порывы, когда выключало из реальности буквально на ходу. И словно жираф, спящий на ногах, он спал и шел вперед. Но из этого состояния крайними усилиями воли выводил и, зарывшись в снег лицом к той стороне, куда он шел, засыпал. Немногочисленные батареи его спасали в те минуты сна. Выставив на таймере период работы не более пятнадцати минут, он погружался в сон, и спустя это время его тело просыпалось от легких покалываний по всему телу, от разрядов импульса тока. Снятые два проводка с обогрева как раз через мягкую повязку нащупывали его тело через напотевшую налобную повязку и давали импульс по его телу, тем самым срабатывая как хороший будильник. Выбравшись из своей норки, которая уже сильнее засыпалась этими ледяными крупками снега, он двигался вперед и вперед. Неизвестно, сколько времени так прошло, день и ночь почти не были различимы, лишь легкая дневная белизна на пару часов давала понять, что это день. Борясь с коварством непогоды и уже теряя силы духа, он встал возле разбитого вертолета. Он сразу понял по горе снега, которая была перед его глазами, и где-то глубоко в голове понимал, что идет снова в неверном направлении. Два сугроба снега возвышались перед темным пространством горы. Что оставалось делать: спуститься в пещеру, собрать батареи и отогреться. От этих коротких мгновений сна ему

уже было плохо и противно вставать от электрических импульсов. Его даже не волновало, что он добрался до горы, не заблудившись, что-то вело его к ней, и это уже было очевидно, а не просто стечение обстоятельств. Спустя пять часов он взобрался наверх и встал возле входа, который был завален снегом. Отгребая рукой себе вход в туннель, он пробрался в него и стал не спеша продвигаться вперед. Под ногами что-то твердое помешало ему пройти, и, опустившись на корточки, он стал ощупывать, находясь в кромешной темноте. Твердые части бронезилета и комбинезона сменились желеподобной субстанцией, из которой вынутые пальцы с чувственным ощущением слипались. Со шлема он снял фонарь и включил его, яркий свет разрезал темноту. И луч, попавший на тело человека, открыл ему картину, о которой он догадывался. Разорванное пополам тело, которое уже раздулось и, вероятно, сильно пахло гнилым. Он не мог почувствовать этот запах, но в носу мозг сам образовал такое восприятие, что стало подташнивать от увиденного. Копаясь во внутренностях, которые попали на нижнюю часть тела, он нащупал несколько батончиков в боковом кармане и достал их, очищая их от этой гнойно-кровоавой массы. Положил их рядом с телом и, найдя одну батарею, переместил ее в слот костюма, и легкие импульсы теплоты расплылись по телу. В туннеле не было холодно, но капель и прочего на стенах не образовывалось. И, не слушая предостерегающие команды разума, он стал спускаться в проход. Спуск был закончен, лучи света устремлялись на водную гладь, на поверхности которой не было ни малейшей ряби. Осмотрев тела нескольких лежавших бойцов, он нашел небольшие овальные полоски, приделанные к краю костюма. Отсоединив несколько, приделал их себе и, найдя также несколько батарей и батончиков, поплыл к той стене. Только сейчас до него дошло: движение в воде было какое-то очень быстрое, при одном гребке руки он уплывал на несколько метров вперед. Он не заметил, что в течение долгого времени выбирался из зала, и сейчас не прошло и получаса, как он уже видел тела, которые словно зависли на этой подушке. Стена была погружена во мрак, и, лежа на воде, он осветил фонарем ее контуры и стал рассматривать ее. Ни одна из спущенных лодок не уцелела от внезапной атаки. Его сердце сжалось сильно, и, не веря своим глазам, стена снова загорелась синим цветом, но уже без бликов и огоньков, а словно сразу отдавая приказ на его уничтожение. В испуге боясь поднять голову вверх, с завораживающим ужасом смотрел на стену он, уже не понимая, что делает. Подплыл и, положив здоровую руку на стену, стал ее гладить, словно успокаивал соседского пса. И приговаривал вслух: «Успокойся, я не причиню тебе вреда, ну же, что ты злишься на меня?» Раздался грохот, и что-то мощное и продолговатое влетело в зал, светясь красными маленькими глазками. Но не атаковало, а внимательно изучало существо, которое прикоснулось к его сердцу. Гриша не поворачивался назад, а почти побелев от страха, держал руку на стене и не замечал того, что он до сих пор ее гладил. Монстр уже отчетливо слышался за спиной, как пульсирующие волны от его корпуса создавали волны. И как они бились об стену и прислоняли все сильнее его тело к ее краю. Но что тянуть время, раз суждено умирать, и, стараясь не закрыть глаза, а хоть в последний раз, но увидеть это нечто, он, не убирая руки со стены, стал уводить корпус вбок и, поворачивая голову, смотрел на воду, которая переливалась и накатывала на него, словно при маленьком дуновении ветра на маленьком озерце. Машина шевелилась, и он, смотря вниз, увидел, как что-то нависло над ним и стало склоняться все ниже. Он подымал плавно голову, и та машина, судя по ряби в воде, опускалась ниже, так как волнение усиливалось и он уже с трудом мог удержаться у стены, оно откидывало волнами от нее. Два кровавых огонька смотрели на него, он не видел очертания его контуров, а только что-то тяжелое и невообразимо мощное нависало над ним. Гриша смотрел на него и не понимал, что ему надо делать сейчас, стечение всех обстоятельств в его жизни привело сюда именно к этому моменту, но, что делать, он не знал. Смерти почему-то не было, которую он предположил, что встретил, когда стена загорелась синим свечением. Но когда услышал грохот, какие-то крупницы его сохранили тело и не дали отключиться вновь. Напряжение нарастало, и он почувствовал, как рана на его

голове открылась и повязка на голове наполнилась кровью. Стекая по лбу ниже, закрывая глаза кровью, – и красные огоньки превратились в уже не различимые на красном ковре. Медленно отведя руку от стены, он нажал на шлеме кнопку, и стекло отошло, немного помогая пальцами, он снял шлем и отбросил его в воду. Он не потонул, а рядом качался на волнах, ударяясь периодически об стену. Механизм на него все смотрел, и он, ожидая реакции в первые минуты, уже не обращал внимания на него. Опершись спиной на стену и раскачиваясь на волнах, вытирая рану водой, которой тут было в избытке, снял перчатку и аккуратно прощупал свои повреждения. Глубокие рассечены не менее полусантиметра были на его лбу. Их было три штуки, и длиной они доходили до пяти, с них стекала кровь, и, не имея под рукой аптечки, он не понимал, как ему остановить кровь. Зажимая рану перчаткой, рукой он не мог отплыть и поискать ее. Хотя тела были достаточно близко от него, но, подплыв к ним, он мог спровоцировать. А другое что оставалось делать? Истекая кровью, он также умрет. Попробовав двинуться от стены, ему преградил путь этот неведомый враг, который о себе дал знать, что у него злобных два красных глаза. При малейшей попытке удаления что-то тяжелое давило на его плечи, словно гравитация менялась на мгновение над ним. Уже порядком разозлившись, Гриша не вытерпел и громко, почти крича, но не от страха, а от злости: «Я кровью истеку и все равно умру, чертов пес!» Что-то тяжелое и сильное сдавило его тело, и, нависнув, чудовищные глаза над его лицом выпустили три огненных вспышки ему в лицо. Он пытался не закрывать глаза, но они летели ему в лицо, и он не имел сил и возможности вырваться из тисков, которые сковали его все движения. Что-то стало жечь его лицо, и, закрыв глаза, он потерял сознание. Что-то сильно потрянуло его раз и еще. Открыв глаза, тряска прекратилась, и снова эти красные глаза нависли над им. Гриша уже разозлился, и очень сильно чувствовалось, как его глаза налились кровью, ярость и чувство лютого голода овладели им. «Ты, чертова железка, если ты меня непустишь, я тебя своей ядовитой слюной растворю». И, собрав слюны во рту, надул щеки и стал смотреть на своего надзирателя. Верх тела уже смог двигаться, и, разминая руки, он правой рукой ощупал лицо и на секунду замер. Понял, что две его руки работают и что даже следа от его рассечений он не ощутил, только слегка покалывало в тех местах. «Спасибо» – вырвалось у него само по себе. Машина не ответила, но все так же держала его тело, но руки уже могли двигаться. Осматривая руку и не веря своим глазам, что она работает, он не чувствовал никакого дискомфорта в движении ею. Он достал один из батончиков, ощутив запах, который не был столь аппетитным, прополоскал его в воде и открыл. Ел не спеша и пытался сообразить, что вообще происходит с ним. Гриша, держа в руке батончик, протянул руку к шлему, который болтался рядом на водной ряби. Отсоединив фонарик, взял его и стал осматривать это нечто. Совершенно темное покрытие, которое не отражало свет, не поглощало его, но идеально чистое. Словно где-то в операционной этот прибор делал очень сложные операции. Ровный корпус без каких-то углов напоминал по форме яйцо, которое было почти с него ростом. Он ожидал что-то жуткое увидеть вместо того, что было, вообще не ужасно. Два красных огонька, которые он принял за глаза, судя по всему, ими не являлись, а скорее были какими-то сенсорами, которые были глубоко в сердцевине этого чудного механизма. Он теперь отвел взгляд от него и пытался рассмотреть то, что его держало, но этого не было, словно сама стена его прижимала к себе. «Кто ты?» – вопросительно глядя на него, произнес Гриша. Но робот молчал. Он удалился на мгновение, и Гриша хотел было оторваться от стены, но не смог это сделать, тело не слушалось его, даже руки, которыми он мгновение махал, не могли оторваться от стены. Робот так же возник из темноты, светясь двумя красными огоньками. И кустик той самой травы возник у него перед лицом, робот словно заставлял его съесть растение. Но Гриша, зная эффект от этой травы, плотно сжал челюсти и не давал себе команды открыть рот. Робот с настойчивой регулярностью пытался его накормить, но Гриша закрыл глаза, что ему далось с трудом, и молча стоял у стены. Открыв один глаз, он так же, перед лицом, видел этот куст травы. Так продолжалось несколько дней, его съестные батончики лежали в кармане, но взять

он не смог их, только эта проклятая трава была перед его лицом. Но голод взял верх над здравым смыслом, и, немного приоткрыв рот, к нему в рот вошло несколько веточек, которые были уже сухими и с трудом могли прожеваться. Не доев и нескольких веточек, он потерялся в пространстве, совершенно выключившись мгновенно от всей реальности. В голове прыгали символы, какие-то страшные образы возникали в голове, их вселенная, откуда из центра шла невообразимая мощь странных существ. Не подобные ни одному из виденных, они меняли формы по своему желанию и обладали колоссальной силой, рядом с ним подобные этой яйцеподобной машине им служили и захватывали новые миры, поглощая все на своем пути. Этот сон пронесся очень быстро в его голове, и, открыв глаза, он увидел, что на него все так же смотрят два красных глаза. И перед его лицом уже была свежесорванная трава, и снова перед им был выбор, поесть этой травы и забыться на долгие месяцы. Жажда сильно его измучила, и, глядя на воду, как она бултыхается возле его тела, он смотрел на нее, желая прикоснуться губами к ней и чуть ли не захлебнуться от всего содержимого этого озера. Водная струйка отделилась от водного зеркала и маленькой змейкой зависла перед ним. Он, открыв слегка рот, получил дозу живительной влаги, но, не утолив жажду до конца, почувствовал вкус травы, которая заполняла его рот, и он, жуя ее, снова потерял сознание. Так продолжалось несколько раз, и каждый раз бездушный монстр отправлял его в забвение. После очередного сновидения он очнулся и, преодолевая себя, старался удержаться от новой порции. Но разум его постепенно отключился, и он, находясь в тумане, в последующие разы стал послушно кормиться этой сывороткой сна. Впадая в кому и совершенно не понимая, кто он и зачем он тут, знал, что надо пить, есть и стоять возле стены, прижавшись к ней. Он очнулся и, не открывая глаз, приоткрыл рот, но кормежки не последовало, и, не понимая, что происходит, он открыл глаза и увидел монстра, который его кормил, пробитого насквозь штырем, который вонзился в стену. Все окружающее пространство горело синим свечением и озаряло зал, в котором он находился. Воды внизу не было, и он висел на громадной высоте, притягиваясь только неизвестным полем к стене. Голод и жажда, с каждым разом усиливавшие его животные инстинкты и сейчас достигшие апогея, страшными визгами из его рта вырывались наружу. Но он понимал, что говорит, но для окружающих это был визг. Его тело стало отходить от стены, и, словно акробат, он уцепился одной рукой за вонзенную трубку. И, сев на неё, стал осматривать помещение. Внизу появился кто-то, и он, едва различая его контуры, как дикий кот, рванул на него. Спрыгнув вниз, казалось, на ту тень, его ошарашил удар, еще в полете раздался треск суставов и сломанных конечностей. При падении на пол он мог шевелить только головой и пытался что-то сказать, но человеческие связки, атрофировавшись, создавали только визг из его гортани. Существо село на корточки перед ним и, подняв за волосы, осмотрело его. Оно было похоже на человека, только очень высокого, сильного и одетого в широкую одежду наподобие дхоти индийского, свисавшего до самых ног. Держа на вытянутой руке его еле живущее тело, с которого, словно с мертвого осьминога, свисали все конечности, и только глаза выдавали его еще живущие мгновения. Держа на вытянутой руке, оно пошало, неся его куда-то в неизвестность. В один прыжок он пролетел вверх до подъема из пирамиды. И так же быстро пролетел вверх, еле касаясь ногами краев плит, которые с треском лопались от его лап. Дневной свет озарил пустынную площадку, на которую его вынесло то существо. И, осматривая глазами, увидел, что в долине на песчаной подушке, вонзившись глубоко в песчано-ледяной настил, стоял корабль колоссального размера. Подобие горы Эверест было перед его глазами. И слабые лучи солнца проникали за его контуры, освещая площадку. Он уже смог рассмотреть получше то существо, совершенно белоснежная одежда скрывала его тело, но глаза и волосы были человечески, лицо слегка было не похоже на расу, к которой он себя относил. Удерживая все так же, в одной руке, его тело и не замечая его веса, он стоял и о чем-то размышлял. К нему подлетело несколько механизмов, схожих с тем, которое было в пещере. И те машины, склонившись своими овальными сенсорами, стояли, словно

на коленях, перед ним и произнесли слова – и да, он знал этот язык. В детстве его отец учил ему, и он понимал, что говорят они ему. «Повелитель расса планеты истреблена, сувенирные объекты были отобраны по вашей милости и погружены на звездолет». Существо стояло перед ними и не издавало ни звука. Голос, от которого заложило уши, кровь выступила из глаз. Машины, приникшие к каменистой плите, словно вдавливались в нее. «Значит, летим домой». И после этих слов на их корпусах остались ломаные трещины. С трудом удерживаясь в сознании, то существо кинуло взгляд на Гришу. И, отпустив руку, он упал, как обмякший кальмар на кухонную доску. Голова ударилась о камень, и лужа крови растеклась по сторонам. Взгляд угасал в его уже мертвых белых глазах. Последними мгновениями своего сознания увидел, как то существо прыгнуло вниз и как, уже оттолкнувшись от земли, летел к звездолету. Звездолет ровно поднялся, и очертания того существа исчезли с его последним дыханием. Вдох, выдох, и Холмогоровский род был окончен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.